

ИВ АМАН

ОТЕЦ

Александр МЕНЬ

ХРИСТОВ СВИДЕТЕЛЬ В НАШЕ ВРЕМЯ

Annotation

Книга о замечательном богослове — христианине, о выдающемся борце за дело Христоово, каким он был и каким он продолжает жить как в своих трудах, так и в памяти людей, имевших счастье знать его лично.

- [Ив Аман](#)
  -
  - [Предисловие к книге Ива Амана «Отец Александр Мень. Христов свидетель в наше время»](#)
    -
  - [По дороге в храм](#)
    -
  - [Уход в катакомбы](#)
  - [Под сенью преподобного Сергия](#)
  - [Годы формирования](#)
  - [Начало служения](#)
  - [Брежневские годы](#)
  - [Пастырь нового поколения верующих](#)
  - [В чем моя вера](#)
  - [Просвещенная вера](#)
  - [Время испытаний](#)
  - [Апофеоз](#)
  - [Послесловие](#)
    - [Послесловие ко 1-му изданию \(1995\)](#)
    - [Послесловие ко 2-му изданию \(2000\)](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)

- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)

- [230](#)
  - [231](#)
  - [232](#)
  - [233](#)
  - [234](#)
  - [235](#)
  - [236](#)
  - [237](#)
  - [238](#)
  - [239](#)
  - [240](#)
  - [241](#)
  - [242](#)
  - [243](#)
  - [244](#)
  - [245](#)
  - [246](#)
  - [247](#)
  - [248](#)
  - [249](#)
  - [250](#)
  - [251](#)
  - [252](#)
  - [253](#)
  - [254](#)
  - [255](#)
  - [256](#)
-

Ив Аман
Отец Александр Мень. Христов
свидетель в наше время

Издательство благодарно художнику Д. Лепренсу за макет книги, семье отца Александра Менья и фотографам Софье Руковой, Виктору Андрееву, Сергею Бессмертному и Александру Ефимову за предоставленные фотографии.

Архиепископ МИХАИЛ (Мудьюгин)

Предисловие к книге Ива Амана «Отец Александр Мень. Христов свидетель в наше время»

Отец Александр Мень был человек, личность которого с исключительной силой и яркостью проявляла себя и в непосредственном общении, и в его творческом наследии. Именно из этого наследия я получил первое впечатление о нем, как о замечательном богослове-христианине, о выдающемся борце за дело Христово, каким он был и каким он продолжает жить как в своих трудах, так и в памяти людей, имевших счастье знать его лично.

Помню, с каким восторгом взял в руки «Истоки религии», его третью, напечатанную за рубежом книгу. Конечно, издание подобной литературы у нас в те времена было невозможно. Я подумал, что это — именно то, что нужно: впервые появилась духовная пища, предназначенная для членов нашего общества, воспитанных в атеизме, в отрыве от всякой религиозной традиции. Такая книга оказывала огромное воздействие на неверующих и колеблющихся.

Сам был свидетелем того, как мой старший брат, человек большой культуры, инженер и певец-дилетант, прочитав «Истоки религии», воскликнул: «Какая исключительная эрудиция, как много автору пришлось прочесть, чтобы выразить свои взгляды с такой убедительностью аргументации и с привлечением такого богатого материала!»

Не говорю о смелости, которая тогда была нужна, чтобы решиться издавать свои работы за границей, когда еще мало кто отваживался, повергая себя такой опасности.

Потом попала к нам книга «Сын Человеческий», хотя она вышла в свет раньше. Ее можно дать любому человеку. Он ее прочтет с интересом, а у неверующего она может изменить его отношение к вере. Это не значит, что он обязательно обратится к Богу, но книга повысит его представление о христианской жизни, о ее святости и величии, о величии Самого Христа. Таким образом, она расчищает путь, готовит почву для обращения человека к Богу.

Все свои знания, энциклопедическую эрудицию, самые разнообразные интересы в науке, художественной литературе, искусстве, все свои таланты, ему от Бога дарованные, отец Александр поставил на службу проповеди. Проповедовал он неустанно. Проповедовал всегда принципиально, притом на языке, доступном для современников.

Я думаю, что Христос Сам нам дал прямое указание о том, как надо говорить с людьми. Он сказал Своим ученикам: «Вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах» (Лк, 8,10). Вот этим стремлением Спасителя снисходить к уровню понимания людей, к их духовным запросам и к их возможностям мы должны вдохновляться и ему подражать. Иными словами, нам нужно обращаться к людям так, чтобы они нас понимали; так, чтобы наши слова действовали на них в благотворном направлении, то есть, иначе говоря, чтобы способствовать их духовному развитию, их приближению к Богу, и в конечном итоге их спасению. Именно в этом направлении лежал путь деятельности отца Александра.

Он прекрасно понимал, что здесь в этом процессе должны играть роль не только вода, но и разум. Ведь в притче о сеятеле рассказывается о том, что некоторые семена, то есть слова проповеди, утрачиваются, потому что не усваиваются пониманием. Приходит

дьявол и уносит их, то есть похищает услышанное, но не усвоенное разумом, слово (Мф. 13, 19). Недостаточно только пламенеть чувствами благоговения и восторга, недостаточно только иметь добрую волю: христианину следует устремляться к Богу всеми силами своей души, то есть безусловно и разумом тоже (а под разумом здесь подразумевается прежде всего восприятие и усвоение Слова Божьего).

Спаситель проповедовал на языке, свойственном слушателям, пользовался образами, доступными их восприятию. А Его изложение никогда не включало преград, мешающих усвоению возвещаемой истины. Не случайно свою первую книгу «Сын Человеческий» отец Александр посвятил Богочеловеческой личности Иисуса Христа. Именно Христа отец Александр имел главой угла своего служения и творчества. В его творениях в первую очередь впечатляет их христологичность. Все его труды, даже тогда, когда он прямо не касался христианского вероучения, например, когда он писал о древних религиях, были пронизаны христоцентрическим менталитетом автора, его пониманием религиозного и конфессионального разнообразия и всегда — в лучах света Христова, жившего в его душе и действующего благодатно на его читателей, а при его жизни, и на слушателей. Можно думать, что он никогда не упускал из вида слов апостола: «Никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3, 11).

Вся его пастырская практика была подчинена одной Цели — привести души к личной встрече с Христом Спасителем, привить им любовь ко Христу.

Ведь первая заповедь гласит: «Возлюби Господа Бога Твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоей» (Мк 12, 30). Но человеку трудно было любить Бога. И Христос пришел на землю и стал человеком для того, чтобы, любя Христа как личность близкую к нам всем, мы любили Отца Небесного, так как Сын Божий и Отец — одно.

К сожалению, хотя мы называемся христианами, этой любви нам часто недостает. Многие склонны сосредотачиваться на видимости и звучании обряда, заменяя спасающее Слово Божье разного рода безблагодатными словесными упражнениями, то есть «уча учениям, заповедям человеческим» (Мф, 15, 9). В этих случаях Христос и Его

слова нередко вытесняются на периферию сознания, вместо того, чтобы занимать в нем господствующее место.

Именно потому, что отец Александр всеми силами старался возбудить в людях, в своих прихожанах, в своих духовных детях настоящую любовь ко Христу, его служение было столь плодотворным. Лично с ним я познакомился за несколько лет до его смерти. Он приезжал в Вологду, где я тогда был правящим архиереем, бывал у меня. Мы имели время для дружеского общения. Потом мы встречались в Москве.

Это был человек необыкновенной одухотворенности, который вел подвижническую жизнь и закончил ее мученически. Но на крови мучеников, как известно с древних времен, прорастают семена христианского благовестия, растет и укрепляется Церковь Христова. Многие ставят в упрек отцу Александру недостаточную приверженность к некоторым условностям православной церковности, хотя он в своей пастырской деятельности фактически не отрывался от установившейся богослужебной практики и, таким образом, ни в чем не шел вразрез с привычками и навыками любого православного богомольца. Однако все входившие с ним в личный контакт, а тем более в контакт богослужебный, ощущали внутреннюю свободу его молитвенного общения с Отцом Небесным, исполненную Духа, Который, по словам Спасителя, дышит, где хочет (Иоанн 3, 8).

Именно эта внутренняя свобода и была, быть может, одной из отличительных черт его менталитета, которые делали его служение, проповедь и всю его личность столь привлекательными.

Отец Александр был поистине пророком нового времени и предвестником евангелизации всего служения Православной Церкви, евангелизации, которая соответствует назревшим потребностям и чаяниям православного народа.

Архиепископ МИХАИЛ (Мудьюгин)

По дороге в храм

Как обычно в воскресенье, 9 сентября 1990 года отец Александр Мень встал очень рано и отправился совершать литургию в маленькую деревенскую церковь, в тридцати километрах от дома, где он служил вот уже двадцать лет. С вечным портфелем в руке он толкнул калитку сада и направился, как обычно, быстрым шагом к железнодорожной станции, чтобы сесть в пригородный поезд, идущий к Москве. В утреннем тумане он шел узкой дорогой среди деревьев. Листья уже начинали опадать. Впереди был долгий день — исповедь, литургия, крестины, отпевание. Несомненно, он будет занят всю первую половину дня. Затем ему нужно будет, торопясь, продолжить путь в сторону Москвы, чтобы прочесть вторую часть лекции о христианстве в Доме культуры на Волхонке. С 1988 года Советская власть изменила политику по отношению к верующим: ту деятельность, которой отец Александр себя посвятил с юности, и до этой поры вел полулегально — нести слово Божье своим согражданам — теперь продолжал гласно. 1 сентября он как раз отпраздновал тридцатую годовщину своего рукоположения. Отныне ни минуты передышки. Это был единственный случай в Советском Союзе: после того как на протяжении семидесяти лет верующие были обречены на молчание, он, за которым наблюдала целая команда КГБ, отныне приглашался в школы, институты, клубы, дома культуры. На Пасху он крестил шестьдесят взрослых. Себя он совершенно не щадил, близкие тревожились, но он оставался глух к их советам. Последнее время он

казался встревоженным, что для него было как-то вовсе необычно. Он очень любил природу, и несколько минут дороги вдоль леса, где под первыми лучами солнца играли осенние краски, бесспорно должны были придавать ему сил. В этом пейзаже не было ничего необычного, и тем не менее, был он особенным. В нескольких километрах отсюда возвышалась Троице-Сергиева Лавра — особое место для Русской православной Церкви. В середине XIV века преподобный Сергей в лесу основал скит, и отсюда начался новый духовный взлет России, России, еще не оправившейся после завоевания страшными монгольскими воинами Чингиз Хана. Андрей Рублев был там монахом, именно для этого монастыря написал он знаменитую Троицу. Преподобный Сергей родился в деревне неподалеку отсюда и ходил по той самой дороге, по которой шел теперь отец Александр...

Чуть позже, его жена, остававшаяся дома, открыв окно, услышала стоны: бросившись в сад, она увидела за калиткой лежащего в кровавой луже мужчину. Вернувшись, срочно вызвала скорую помощь, затем милицию. Когда вышла вновь, машина скорой помощи уже была тут. — Почему вы ничего не делаете? — спросила она врачей. Наконец подошла. Было много крови. Она все не осмеливалась посмотреть на убитого. Она спросила сама себя: «А мой муж? Он благополучно добрался до храма?» Кто-то сказал: «Он в черной шляпе был?» Нашли шляпу с большим острым надрезом. Позже явились свидетели, они видели отца Александра: он возвращался назад, шел к дому, истекая кровью. Не захотел, чтобы ему помогли. По всей видимости, он упал перед калиткой, истекши кровью. Широкая рана на затылке явно была от удара топором. Обстоятельства преступления, точность, с которой

был нанесен удар, заставляют думать, что это убийство было тщательно подготовлено и совершено профессионалами. Но почему они выбрали подобное оружие?

«Мы едва начали освобождаться от чувства страха, — писал журналист на другой день после события. — Топор — очень хорошее средство, чтобы привести в чувство всех глотнувших свободы. Отрезвить и напомнить».^[1] Именно за топоры хватались русские крестьяне, когда изгоняли чужеземных захватчиков, врагов. Традиционный символ народного мщения и наказания предателей.

Топором потрясали и против евреев во времена погромов. А ведь отец Александр по происхождению был еврей: не было ли это преступление антисемитским?

Действительно, после его смерти, газетенки, где вот уже год или два проповедовался самый крайний русский национализм, яростно взялись за него. Они утверждали, что это убийство было следствием хитрых замыслов «мировых антирусских и антиправославных сил, которым он служил всю свою жизнь» ибо теперь они решили использовать его в последний раз, чтобы вызвать у евреев ненависть против русских: «Пусть его смерть послужит уроком всем, кто пытается, находясь в лоне святой православной Церкви, заигрывать с сатанинскими силами».^[2]

Самого отца Александра волновал новый подъем ксенофобии. Он в нем видел зерно русского фашизма. У наиболее консервативного духовенства отец Александр не был на хорошем счету, в частности, у монахов Троице-Сергиевой Лавры, голубые и золотые купола которой были видны из глубины его сада. Но можно ли, как это делают некоторые, дойти до того, чтобы заподозрить в них вдохновителей этого убийства?

Не следует ли скорее сопоставить это с другими зверскими убийствами священников тайными службами в разных странах Восточной Европы, в частности, отца Попелюшко, утопленного агентами польских органов в 1984 году? В момент, когда был убит отец Александр, топот сапог уже раздавался в Москве, и механизм, который должен был привести к путчу 1991 года, как раз начинал действовать. Принимая во внимание, что чины старого коммунистического аппарата часто использовали шовинизм, притом самый агрессивный, в попытках сохранить или реставрировать свою власть, и что первыми

группами русских ультранационалистов, появившимися в 1987–1988 годах по большей части ими явно манипулировали органы КГБ, разумно предположить, что именно они разыграли эту карту. Поспешность, с которой следователями было заявлено, что это дело никоим образом не могло быть политическим, на фоне того, что никаких следов убийцы не было найдено, в высшей степени подозрительно. Прошло четыре года; как и следовало ожидать, следствие ничего не дало. Будет ли когда-нибудь раскрыто это убийство? По крайней мере можно быть уверенным, что убит он был не случайно, а это преступление спровоцировано необычностью его личности и тем, как это проявлялось в общественной жизни. Советская пресса широко отозвалась на смерть отца Александра. Три дня спустя газета «Известия» воздала должное его памяти. Автору статьи стали угрожать по телефону. Позвонила женщина, спросила с раздражением: «Что же это его Бог ему не помог?». [3] Знала ли она, что эти самые слова были произнесены две тысячи лет назад у подножия креста:

«Уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему».

[4]

Мысль о смерти была близка отцу Александру. Он часто напоминал, что мы лишь путники в этом мире, «пришли из тайны, чтобы возвратиться в тайну». Это не должно нас ужасать, и напротив, через это нам следует осознать значение жизни. «Память о том, что за нами придут, должна быть ободряющей, укрепляющей нас, не дающей нам расслабиться, разболтаться, впасть в уныние, безделье, мелочность, ничтожество». [5] С тех пор, как он смог действовать открыто, казалось, он спешил, как будто время для него было сосчитано. Думал ли он, что новая политическая ситуация продлится недолго и что нужно воспользоваться максимально недолговечными обстоятельствами?

«Если я сейчас не сделаю того, что нужно, — сказал он однажды, — потом буду жалеть об упущенном времени». [6] Многие из его друзей думают, что у него было предчувствие смерти. Он все чаще и чаще возвращался к мысли о хрупкости жизни. «Мы всегда на грани смерти... Вы сами знаете, как мало надо человеку, чтобы нитка его жизни оборвалась». [7] В воскресенье, за неделю до убийства, он торжественно открыл воскресную школу при своем приходе для деревенской детворы. Какое событие! Урок катехизиса — и

совершенно легальный в Советском Союзе! Можно представить себе его радость, он так мечтал об этом. И тем не менее, в этот день, по-настоящему праздничный, к удивлению всех присутствующих начал он так: «Дорогие дети! Вам известно, что однажды вы умрете...» Одна женщина из числа друзей попыталась убедить его сократить объем деятельности: «Вы совсем себя не бережете, вы уже не мальчик, вы не одному себе принадлежите...

— Я должен торопиться. У меня совсем мало времени осталось, надо успеть что-то сделать...

— Что-то с сердцем?

— Нет. Это не со здоровьем связано, с ним все в порядке... Но это так, поверьте мне, я это знаю...»

И еще, однажды, когда он пытался поймать такси, а человек, сопровождавший его, стал волноваться, вздыхая, что приходится долго ждать, сказал: «Мне-то нужен катафалк, а не такси».^[8] Было ли это мистическим предчувствием или же он ощущал опасность? Конечно, он получал письма с угрозами, но ведь они приходили регулярно на протяжении многих лет. Возможно, теперь они стали более определенными? А быть может, он был предупрежден другим знаком, более точным?

Убийство это вызвало большое волнение. Только после трагедии вся страна открыла для себя отца Александра и смогла оценить его значение; оценили все, вплоть до высших политических сфер. Президент СССР Михаил Горбачев выразил «горячее сожаление». Борис Ельцин просил Верховный Совет России, председателем которого он тогда был, почтить минутой молчания память отца Александра и прислал венок на могилу.

Тайна этой смерти была подчеркнута Патриархом Московским в письме, прочитанном во время похорон: «По человеческому разумению, казалось бы, только сейчас и настало время, когда талант отца Александра как проповедника Слова Божия и воссоздателя подлинно общинной приходской жизни и мог раскрыться во всей своей полноте».

Политика либерализации культуры, связанная с перестройкой, началась, когда разрешили фильм под названием «Покаяние»; в конце его мы видим, как старая женщина спрашивает у зрителей, где дорога, которая ведет к Храму. С тех пор этот образ остался в умах, как символ

страны, обретающей смысл истинных ценностей, и возврата к вере, после семидесятилетних блужданий. А отец Александр был убит, когда шел служить литургию, иначе говоря, по дороге в Храм...

Его хоронили в день, когда православная церковь отмечает Усекновение главы Иоанна Крестителя, его называют Предтечей — тем, кто пришел и уготовил путь... Однажды, в 1984 года после угроз КГБ, он сказал своим друзьям: «Я внутренне сказал себе, что исполнил свое предназначение, сделал, что мог для Церкви Христовой, и готов предстать перед Господом».^[9] За несколько дней до смерти, говоря об одной русской православной монахини, жившей в Париже (она боролась в Сопротивлении во время войны и была убита нацистами), он заключил свое выступление следующими словами: «Отдать себя до конца — значит совершить евангельский подвиг. Только этим спасается мир».^[10] Отдать себя до конца...

Уход в катакомбы

Отец Александр родился 22 января 1935 года.^[1] Советская власть в это время трубила о своих победах. Съезд коммунистической партии за год до этого получил название «съезда победителей». Первый план индустриализации был выполнен за четыре года вместо пяти. Коллективизация, с ее миллионами депортированных крестьян, умерших от голода, убитых, завершилась. Все общество было окончательно поработщено. Под водительством коммунистической партии и ее прославленного вождя И. В. Сталина советский народ совершает героические подвиги, солдаты неусыпно охраняют границы, НКВД (предшественник КГБ) истребляет врагов народа, летчики летают выше всех, дальше и быстрее, стахановцы побивают рекорды производительности, музыканты получают первые премии на международных конкурсах... Вот о чем без конца повторялось в газетах и по радио.

Месяц назад был убит глава ленинградской парторганизации, весьма вероятно, по приказу Сталина. Используя эту акцию, вождь развязал «большой террор». Политическая полиция приступает к массовым арестам. Вскоре в Москве начинаются процессы, во время которых обвиняемые признавались в самых неправдоподобных преступлениях, как, например, в том, что они сыпали в масло толченое стекло. ГУЛАГ, где уже находились миллионы людей, не прекращал расти.

Тем не менее, большая часть населения, начиная с молодежи, была убеждена, что участвует в рождении нового общества, в котором осуществляются все надежды человечества. К тому же множество интеллектуалов из-за границы видели в СССР «землю, где утопия вот-вот станет реальностью».^[12] Оправдывали насилие тем, что создавали мир, где больше не будет насилия. Говорили, что нельзя сделать яичницу, не разбив яиц. Сами слова «сострадание, милосердие» казались устаревшими. Все подчиняли политической «целесообразности». Верили, что достаточно людям следовать марксистско-ленинской науке, чтобы построить рай на земле. Царил атеизм. Думали, что лишь необразованные старушки могут верить в Бога, а государство использовало все возможные средства, чтобы помешать «родителям-ретроградам отравлять умы детей религиозным идиотизмом».

Союз воинствующих безбожников не замедлил сообщить о том, что в него входят тридцать миллионов членов. Он издавал бесчисленные газеты, журналы, книги, брошюры и вдохновлял десятки антирелигиозных музеев. Посетив один из них в 1936 г., Андрэ Жид был поражен, обнаружив там следующую подпись под изображением Христа: «Легендарный персонаж, никогда не существовавший».^[13] Французский писатель, которого никак нельзя заподозрить в сочувствии к Церкви, не мог понять, как Евангелие могло быть полностью изъято в СССР.

Все православные церковные учреждения, равно как и иные религиозные организации были полностью уничтожены. Закрыто более 95 % церквей. Пока еще терпели нескольких епископов. Ни одного монастыря, ни одной семинарии уже не существовало. А сколько епископов, священников, верующих мужчин и женщин было истреблено, расстреляно, замучено, сколько скончалось от истощения в страшном лагере на Соловках? Сколько было арестовано, потом отпущено и вновь сослано в лагерь? Сколько, уже отбыв срок, получили новый и теперь строили Беломорканал? Можно ли будет когда-нибудь установить, какое число мирян было посажено по религиозным мотивам? Сколько было убито? Сколько нашли смерть во время «большого террора»? Никогда христианский мир не испытывал преследований в таком объеме со времен царствования римского императора Диоклетиана.

В период, предшествовавший революции, моральному авторитету православной Церкви был нанесен серьезный ущерб ее покорностью перед царской властью. Выступая защитниками Церкви, цари, начиная с Петра, лишили ее Патриарха, который до той поры руководил Церковью. Цари старались сделать ее пружиной государства. Эта зависимость стала особенно очевидной в царствование Николая II, когда судьба епископов попала в руки Распутина, своего рода «гуру» императорской семьи.

Русское общество на протяжении XVIII и XIX веков пережило глубокую эволюцию, но Церковь осталась в стороне. Интеллигенция полностью от нее отвернулась. Тем не менее, православные миссионеры несли Слово Божье Евангелие, (оно было переведено на десятки сибирских наречий), несли вплоть до Тихого океана, и в стране шло духовное обновление, вдохновляемое великими молитвенниками. Самый знаменитый из них — Серафим Саровский, умерший в 1833 году. В середине XIX века в безвестный монастырь, расположенный примерно в трехстах километрах от Москвы, в Оптину, начался внезапно приток верующих. В монастырях опытные монахи всегда помогали молодым людям совершенствоваться в духовной жизни. Но в Оптиной — и это было новым — монахи (их называли старцами), полностью поставили себя на службу мирян; тем, которые искали с ними встреч, старцы помогали в поисках Бога, руководили ими, становились их «духовными отцами», а они — «духовными детьми». С утра до вечера выслушивая, утешая, советуя, наставляя, они были доступны для всех — богатых и бедных, дворян и крестьян, часто вопреки сдержанному отношению части верховной иерархии, полагавшей, что это вносит беспорядок в церковную жизнь. Через Оптину восстановился мост между Церковью и культурой — крупные фигуры из мира культуры завязали отношения со старцами. Это подробно описал Достоевский, воссоздав атмосферу Оптиной Пустыни, в своем романе «Братья Карамазовы». После беседы с одним из старцев Толстой воскликнул: стоило только поговорить с ним, и вот уже на душе стало легко и отрадно. ^[14]

В конце XIX века большой популярностью во всех кругах общества и, в частности, в народных, пользовался отец Иоанн, настоятель собора в Кронштадте. Сюда стекались простые люди: безработные, нищие, бездомные, всякие люди «второго сорта»,

изгнанные из столицы. Отец Иоанн открыл для них мастерские, ночлежный дом, больницу, столовую и т. д. Его доброе имя стало известно в стране, его зазывали во все уголки России: о. Иоанн совершал богослужения, проповедовал, исповедовал и многих больных исцелял своими молитвами.

В начале XX века непримиримые противоречия между интеллигенцией и религией стали уходить в прошлое. Целая плеяда светских авторов развивала оригинальные религиозные мысли, мысли эти находили отзвук у широкой публики и с интересом принимались некоторыми лицами духовного звания. Одним из самых блестящих представителей этого поколения был Павел Флоренский, разносторонне талантливый человек (русский Леонардо да Винчи, по мнению одного из его друзей), профессор Духовной академии в Москве, размещавшейся в Троице-Сергиевой Лавре. Позже он принял священнический сан. Свои дни П. Флоренский кончил в ГУЛАГе. Остальные по большей части были изгнаны из страны и продолжали свой труд за границей.

В 1905 году на страну обрушилась первая революционная волна. Царь должен был пойти на уступки всему обществу. Пришла в волнение Церковь. В ее лоне стали возникать разные группировки. Начали циркулировать петиции. Священники жаловались на власть епископов. Епископы все с большим трудом мирились с постоянной опекой государства и стремились восстановить патриаршество. Мысль о том, что Церковь нуждается в общем *aggiornamento*, получила широкое распространение. Царь согласился, чтобы упорядочить все вокруг, на созыв Поместного Собора. Этот Поместный Собор православной Церкви России можно сравнить по намерениям и широте намеченных там реформ со II Ватиканским. Он был тщательно подготовлен, но только после падения монархии стало возможным созвать его. Собор открылся в Москве с большой торжественностью 15 августа 1917 года. Несколько недель спустя, пока в Кремле шли ожесточенные бои и уже после того, как большевики захватили власть в Петрограде (он уже не назывался Санкт-Петербургом и пока еще не был Ленинградом), Собор проголосовал за восстановление патриаршества. Владыка Тихон,^[15] ценимый за простоту, смирение и доброту, был избран Патриархом. Собор принял еще целый ряд важных решений, в частности, имеющих отношение к реорганизации

структуры приходов, но вынужден был, так и не окончив свой труд по преобразованию Церкви, прекратить заседания. Новая власть и Церковь немедленно вступили в конфликт. В глазах большевиков Церковь была скомпрометирована непосредственными связями со старым режимом, а религиозная идеология была изобличена. «Реальное счастье народа требует упразднения религии с ее иллюзорным счастьем» — учил Маркс.^[16] Ленину сама мысль о Боге была невыносима. «Всякая идея о всяком боженьке, — писал он, — всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость... Всякая, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи Бога есть оправдание реакции».^[17] Впрочем, если православная Церковь первой подверглась гонению, то не была пощажена ни одна иная религиозная организация. Установление большевистской власти сопровождалось насилием по всей стране. Под предлогом национализации церковного имущества разорялись монастыри и церкви. Патриарх призывал всех верующих стоять за веру и отлучал от Церкви тех, кто повсюду разбрасывает «семена злобы, ненависти и братоубийственной борьбы». 23 января 1918 года большевистские власти обнародовали декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Только содержание текста не соответствовало заглавию (у нас, позже с юмором объясняли верующие, Церковь отделена от государства, а не наоборот); цель была лишить Церковь возможности действовать, а равно и ее материального достояния, и сделать это законно. В частности, прихожанам не разрешалось собираться, а обучение катехизису разрешалось лишь частным образом. Более поздние инструкции уточняли, что это возможно лишь в частных домах и группами не более, чем из трех детей.

Введение декрета в действие сопровождалось всякого рода репрессиями. Церкви, многочисленные монастыри произвольно закрывались. Священников арестовывали прямо во время службы, иные принуждены были подметать улицы; из священнических одежд шили красные флаги. Меньше чем за год двадцать епископов, десятки священников, диаконов, монахов и монахинь были уничтожены. Чтобы бороться с религиозностью народа, устраивались целые антирелигиозные спектакли. Раки с мощами почитаемых святых были вскрыты. Есть действенное средство... показать народу «нетленные»

мощи, — утверждало коммунистическое руководство того времени. — Ничего нет лучше для того, чтобы разоблачить перед лицом легковой массы низкий обман, на котором покоится всякая религия вообще, и русское православие в частности.^[18] Были осквернены и мощи преподобного Сергия, а монастырь, им основанный, закрыт и превращен в антирелигиозный музей. Городок, возникший вокруг монастыря получил имя революционера — Загорск (сегодня он вновь обрел название, которое носил прежде — Сергиев Посад). Гражданская война между Красной и Белой армиями вызвала разгул насилия. Что же касалось церковной администрации, то, принимая во внимание, что связи с отдельными территориями стали невозможными, Патриарх разрешил некоторым епископам в отрезанных от Москвы епархиях принимать все нужные решения, не докладывая Патриархии. После окончательной победы большевиков, хотя он и избегал всего, что касалось политики, ему пришлось вынести новые нападки на Церковь. В 1922 году обрушился страшный голод на страну. Власть приказала изъять все драгоценные предметы, хранившиеся в церквях, продать их и помочь жертвам голода. Патриарх сам решил сделать это, но воспротивился изъятию освященных предметов (таких, как священные сосуды). Власть с этим не посчиталась, и когда во многих местах верующие пытались помешать изъятию ценностей, это стало предлогом для целой волны арестов среди духовенства. Начались процессы и казни. Из одного секретного письма Ленина видно, что это провокация, задуманная с тем, чтобы «расстрелять как можно больше духовенства».^[19] Патриарх Тихон был вызван как свидетель на один из этих процессов, а затем обвинен и арестован.

Тем временем среди духовенства возникло несколько групп; их называли «обновленцами». Они выдвигали большую реформаторскую программу. Часть предлагаемых реформ, например, по модернизации литургии, возможно, была бы поддержана Собором 1917–1918 гг., если бы его работа не была прервана. Другие были абсолютно неприемлемы с точки зрения традиций православной Церкви. В частности, предлагалось посвящать в епископы людей женатых. В православной Церкви священники обычно женаты, имеют семьи. Но епископы избираются только из числа монахов и, следовательно, иметь семьи не могут. «Обновленцы» высказывались за новую ориентацию

Церкви, более социальную, и выступали за сотрудничество с большевиками. Пользуясь ситуацией и получив поддержку властей, они учинили настоящий путч — организовали коллегиальный орган для управления Церковью, создали Церковный Собор, который низложил Патриарха; обновленцы сделали все для того, чтобы привлечь на свою сторону епископов и приходы, не без помощи политической полиции, арестовавшей их противников. Всем этим они надолго скомпрометировали в глазах простых верующих саму идею о реформе Церковной жизни.

Патриарх Тихон под давлением международного общественного мнения и после того, как он выразил сожаление по поводу своей «антисоветской деятельности», был освобожден. И сразу же активно взялся за восстановление единства православной Церкви. Большинство епископов и священников из числа тех, кто встал на сторону «реформаторов», вновь подчинились его авторитету. Наряду с этим, он повторял во многих декларациях, что Церковь, не будучи ни красной, ни белой, признает и поддерживает Советскую власть. Патриарх умер в 1925 году, оставив завещание, где указал имена трех епископов, способных, как полагал, его заменить, до той поры, пока не будет созван Собор для избрания его преемника. Первые два уже были в ссылке, а третьего не замедлили арестовать, но он, в свою очередь, назвал своим преемником митрополита Сергия.^[20] И он тоже был арестован. Освобожденный спустя несколько месяцев, митрополит опубликовал вместе с несколькими епископами заявление о своем лояльном отношении к большевистской власти, что вызвало большие споры среди духовенства. Бесспорно, уже Патриарх Тихон начал налаживать отношения с большевистской властью, хотя при этом старался держаться ближе к нейтралитету. В своем верноподданическом заявлении митрополит Сергей употребил выражение, ставшее легендарным: «Мы хотим быть православными и одновременно признавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Он также благодарил советское правительство за его «внимание к духовным нуждам православного населения». Более того, многие считали, что он не имел права говорить от лица всей Церкви, т. к. был в это время лишь заместителем местоблюстителя, то есть, выражаясь не церковным языком,

заместителем временно исполняющего обязанности Патриарха, в силу сложившихся обстоятельств. Его также упрекали в том, что, противозаконно перемещая епископов, несогласных с ним, он, подобно обновленцам, опирался на советскую власть. Несколько епископов порвали с митрополитом Сергием, считая, что временно должны сами руководить своими епархиями, как это уже было во время гражданской войны в областях, отрезанных от Патриарха. Так они дали толчок зарождению целого движения, смысл которого заключался в уходе в подполье.

Новая фаза антирелигиозной борьбы началась одновременно с объявлением коллективизации. Сигнал был дан публикацией постановления, фиксирующего статус религиозных организаций. В основном этот текст (он был официально отменен только в 1990 году!) повторял антирелигиозные законы прошлых лет, но после его появления вновь участились аресты епископов и священников. Закрывание церквей пошло ускоренным темпом. Множество храмов было разрушено. Иконы и богослужебные книги сжигались целыми телегами. Был введен новый календарь; неделя теперь состояла из пяти или шести дней, а воскресенье, как день отдыха, упразднялся. К 1935 году Церковь, казалось, была вытеснена из общества. Действительно, видимой жизни Церкви не существовало, но тем не менее, она не погасла, а широко продолжалась повсюду, но тайно — стала катакомбной. Катакомбы XX века! В их недрах и пробудилась вера маленького Александра.

Под сенью преподобного Сергия

Александр с матерью

Родители Александра Меня принадлежали к поколению, которое, в целом, не испытывало сомнений в правильности избранного пути и строило будущее общество, не ставя перед собой метафизических вопросов. Его отец учился в техническом институте и, подучив диплом инженера по текстильной промышленности, полностью отдался своей работе. Еврей по национальности, он утратил веру в детстве под влиянием своего учителя, но все же не стал воинствующим атеистом. Любая религия была ему чужда, но он терпимо относился к ней.

Зато мать Александра — Елена^[21] была глубоко религиозна. Тоже родившаяся в еврейской семье, она была матерью воспитана в любви к Богу, Творцу Вселенной, любящему всех людей. «Когда я впервые услышала слова о страхе Божиим, — вспоминает она, — я с недоумением спросила маму: „Мы ведь любим Бога, как же мы можем Его бояться?“ Мама ответила мне: „Мы должны бояться огорчить Его каким-нибудь дурным поступком“. Этот ответ меня вполне удовлетворил».

Ко всему прочему, Елена находилась под большим влиянием своей бабушки (иначе говоря, прабабушки Александра). В семье не без гордости рассказывали, как она была исцелена самим Иоанном Кронштадтским. В Харькове, в 1890 году, оставшись вдовой с семью детьми, она заболела. Врачам не удавалось ее вылечить. Однажды соседка рассказала ей, что в городе проездом находится знаменитый проповедник, и уговорила ее пойти к нему. Церковь и площадь вокруг были переполнены людьми, но соседка помогла ей пробиться сквозь толпу, и подойти к о. Иоанну. Посмотрев на нее, он сказал: «Я знаю, что вы еврейка, но вижу в вас глубокую веру в Бога. Помолимся вместе Господу и Он исцелит вас от вашей болезни». Месяц спустя она была совершенно здорова.

С детских лет Елену притягивало христианство. В девять лет она объявила матери, что хотела бы креститься. Новость произвела

впечатление разорвавшейся бомбы. Чтобы отвратить материнский гнев, брат разбил оконное стекло. Спустя несколько лет она стала бывать на службе в баптистской общине. Однажды присутствовала при крещении взрослого человека в реке и была этим очень взволнована. Ее контакты с баптистами вызвали дома новые ссоры. В конце концов, после того, как она помирилась с родителями, в Харьков приехала ее двоюродная сестра Вера^[22] и увезла с собой в Москву.^[23] Елена окончательно обосновалась в Москве и там вышла замуж.

Вера была на несколько лет старше Елены, душа у нее была очень чувствительной и беспокойной, она, как и Елена, также искала. Позже она расскажет, что в возрасте восемнадцати лет испытывала каждое воскресенье необъяснимую печаль. Однажды утром, когда Вера работала в летнем детском лагере, выйдя в поле, она услышала вдали колокольный звон. «Для всех сегодня воскресенье, но не для тебя», — сказал ей кто-то из детей.^[24] Еще лет за десять до приезда сестры в Москву, она подружилась с девушкой ее возраста, принадлежавшей к одному из активных православных кружков в Москве.

Собор 1917–1918 года поставил, среди прочего, перед собой цель восстановить приходы в виде «маленьких церквей» по образу первых христианских общин. Сам Патриарх Тихон был очень увлечен этой идеей обновления церковной жизни с опорой на приходские общины. С этой целью после революции миряне стали объединяться в братства вокруг некоторых священников, талантливых и сильных людей.

В Москве существовали две, особенно активных, непосредственно связанных между собой, общины. Самая знаменитая сложилась вокруг церкви святого Николая Чудотворца на Маросейке,^[25] где служил отец Алексей Мечев, а после его смерти — его сын о. Сергей Мечев. Это было братство мирян, основанное в 1917 г. Вторая возникла в приходе свв. Кира и Иоанна,^[26] где служил отец Серафим.^[27]

Отец Серафим Батюков

Почувствовав призвание к священству в ранней юности, отец Серафим, тем не менее, получил техническое образование и до того, как был рукоположен в священники в 1919 г. (ему уже было 39 лет), работал по гражданской специальности. Избрав celibat, спустя короткое время он стал монахом. Сам Патриарх Тихон поручил ему приход свв. Кира и Иоанна. До революции отец Серафим бывал в Оптиной Пустыни и теперь в своей пастырской деятельности руководствовался советами последнего из оптинских старцев, вел своих прихожан с тем же терпением и индивидуальным вниманием к каждому, с тем же вниманием к их трудностям, как это было принято в Оптиной.

Отец Серафим не принял декларации 1927 г., перешел в подполье и вошел в юрисдикцию епископа Афанасия, ^[28] одного из не признавших власть митрополита Сергия архиереев. Естественно, связь

их была исключительно духовной, ибо после революции жизнь епископа Афанасия — цепь непрерывных арестов и депортаций в ГУЛАГ, встретиться или связаться можно было лишь время от времени. Отец Серафим неоднократно тайно менял места своего пребывания. Наконец, ему удалось найти приют в Загорске, в доме двух изгнанных из монастыря монахинь. Там, в одной из комнат был обустроен маленький храм, где он тайно совершал богослужения.

Отсюда он продолжал поддерживать своих духовных детей, а также тех из старых прихожан церкви св. Николая, которые нуждались в его помощи после ареста отца Сергия Мечева. Но, разумеется, приезжать к нему нужно было незаметно, с большой осторожностью.

Вышеупомянутая подруга Веры была духовной дочерью отца Серафима. Она помогла ей установить с ним связь, сначала письменную. Вера, несмотря на свою любовь к Иисусу Христу, не решалась креститься. Ее удерживали как традиционные предрассудки, типичные для интеллигенции по отношению к православной Церкви, так и конспиративная обстановка, невозможность поделиться с близкими. Для того, чтобы съездить к отцу Серафиму в Загорск нужно было придумать какую-нибудь ложь. Кроме того, в те времена еще было в обычае обвинять крестившихся евреев в том, что они приспособляются к доминирующему большинству. Хотя теперь самих христиан преследовали, ее мучили опасения, что этот шаг будет воспринят как предательство. Хотя, крестившись теперь, взрослой, и к тому же, работая в системе Наркомпроса, в эту эпоху она подвергала себя очень большому риску.^[29]

У Елены был более уравновешенный характер. Но ускорило ее решение именно рождение сына Александра. 3-го сентября 1935 года подруга Веры привезла ее с маленьким Аликом поездом до Загорска и привела к отцу Серафиму. Он их уже ждал. Здесь, в маленьком домике он крестил обоих — и мать, и сына. Затем настала очередь Веры, и она тоже крестилась. Когда у Елены родился второй сын, Павел, естественно, крестной стада Вера. Ей не довелось выйти замуж, она глубоко привязалась к обоим детям и помогала Лене их воспитывать. Отец Серафим горячо полюбил двух двоюродных сестер и однажды признался им, что они ему ближе собственных. Когда однажды один из посетителей спросил, чьи эти два мальчика, он ответил: «Они мои!».

Елена и Вера

Елена и Вера регулярно ездили из Москвы в Загорск к отцу Серафиму. Вместе с другими его духовными детьми они участвовали всегда, когда могли, в праздничных богослужениях. Вера оставила воспоминания о первой Пасхальной ночи: «Прежде чем начать богослужение, батюшка послал кого-то из присутствующих убедиться в том, что пение не слышно на улице. Началась пасхальная заутреня, и маленький домик превратился в светлый храм, в котором всех соединяло одно, ни с чем несравнимое чувство — радости Воскресения. Крестный ход совершался внутри дома, в сенях и в коридоре. Батюшка раздал всем иконы для участия в крестном ходе».

[\[30\]](#) Не так ли мы представляем себе первых христиан во времена римского гонения? «Катакомбы XX века» — именно так озаглавила Вера свои воспоминания. [\[31\]](#) В январе 1941 года муж Елены был арестован, но не по политическим мотивам, он был обвинен в растрате. В конце года его оправдали и выпустили на свободу. В период его пребывания в тюрьме материальное положение семьи было тяжелым.

В воскресенье 22 июня 1941 года Вера поехала в Загорск одна. День обещал быть хорошим, погода была прекрасной, Церковь отмечала день памяти всех Российских святых. Перед самым уходом, Алик ей сказал: «Пожалуйста, узнай у дедушки (так он называл отца

Серафима) будет ли война, когда я вырасту?» А прошедшей ночью гитлеровские армии перешли советскую границу. Страна вновь была ввергнута в новые и ужасные страдания. И если Сталин забился в угол и не показывался целых десять дней, то митрополит Сергей в тот же день составил пастырское письмо, призывая православных защищать Родину. Когда, наконец, Сталин появился, он после обычных «Товарищи! Граждане!» добавил обращение, с которого по традиции начинается проповедь: «Братья и сестры!» Любопытное изменение словаря!

Через Веру отец Серафим тут же посоветовал Елене найти жилище в Загорске или в окрестностях и обосноваться здесь с детьми, что она и сделала, к великому удивлению друзей и знакомых, поскольку осенью, перед приближением вражеского войска москвичи удирали из столицы. Но отец Серафим был убежден, что это место находится под защитой преподобного Сергия.

Дом, в котором скрывался и служил архимандрит Серафим.

Отец Серафим скончался в начале 1942 года. Он был тайно похоронен в подземелье. За некоторое время перед этим, предчувствуя свою кончину, в первый раз исповедал Алика, хотя тому еще не было семи лет. «Я чувствовал себя с дедушкой так, — рассказал ребенок, — как будто я был на небе у Бога, и в то же время он говорил со мной так просто, как мы между собой разговариваем».

Что же касается отца Серафима, то он давно предсказал уже двум сестрам: «За ваши страдания и благодаря вашему воспитанию ваш Алик будет большим человеком». Позже отец Александр выразит беспредельную признательность своей матери и ее сестре за то, что они сохранили пламя веры, открыли ему Евангелие в столь трудные времена, когда вера преследовалась и, казалось, угасала, и когда очень известные христиане не выдерживали — отрекались. «Это была трагическая эпоха, требовавшая большого мужества и верности^[32]».

Перед смертью отец Серафим поручил своих духовных детей двум очень близким ему людям: отцу Иераксу^[33] и отцу Петру Шипкову.^[34] Отец Иеракс также пребывал в подполье и тайно жил недалеко от Загорска. Отец Петр был рукоположен самим Патриархом Тихоном и даже был какое-то время его секретарем. После нескольких лет ГУЛАГа он смог устроиться на работу на фабрику в Загорске, где стал счетоводом. Однако, в результате доноса оба священника были арестованы в 1943 году, так же как и монахиня,^[35] у которой обитал отец Серафим. В это же время владыка Афанасий, который провел уже много лет в лагерях, а сейчас находился в ссылке в Сибири, вновь был арестован. Все они были осуждены как руководители «подпольной религиозной организации». Дело дошло до того, что органы выкопали тело отца Серафима.

«Поражу пастыря, и рассеются овцы стада».^[36] И тем не менее в Загорске^[37] продолжал существовать подпольный женский монастырь, где духовником до самой смерти был отец Серафим. После его кончины настоятельница мать Мария продолжала укреплять Юного Александра и помогала ему формироваться духовно.

Схиигуменья Мария

В одном письме отец Александр отмечал, какое значение имели для него встречи с этими Божьими людьми. «Наш с матерью крестный, архимандрит Серафим, ученик Оптиных старцев и друг о. А. Мечева, в течение многих лет осуществлял старческое руководство над всей нашей семьей, а после его смерти это делали его преемники, люди большой духовной силы, старческой умудренности и просветленности. Мое детство и отрочество прошли в близости с ними и под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил у покойной схиигуменьи Марии, которая во многом определила мой путь и духовное устройство. Подвижница и молитвенница, она была совершенно лишена черт ханжества, староверства и узости, которые нередко встречаются среди лиц ее звания. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима или Франциска Ассизского (...). У матушки Марии была черта, роднящая ее с Оптиными старцами и которая так мне дорога в них. Эта черта — открытость к людям, их проблемам, их поискам, открытость миру. Именно это и приводило в Оптину лучших представителей русской

культуры. Опти́на, в сущности, начала после длительного перерыва диалог Церкви с обществом. Это было начинание исключительной важности, хотя со стороны начальства оно встретило недоверие и противодействие. Живое продолжение этого диалога я видел в лице о. Серафима и матери Марии. Поэтому на всю жизнь запала мне мысль о необходимости не прекращать этот диалог, участвуя в нем своими слабыми силами». [\[38\]](#)

Годы формирования

В истории СССР был момент, когда казалось, что после военных испытаний режим переменится. Этого не случилось, но для православной Церкви все же чувствительные изменения наступили, т. к. Сталин был вынужден пересмотреть свою политику по отношению к Церкви. С начала войны советская власть, чтобы мобилизовать население против агрессора, стала больше взывать к национальным чувствам и меньше говорить о защите идеалов коммунизма. А ведь русское национальное самосознание тесно связано с христианством. Более того, события показали руководству, что религия не угасла с построением социализма, как об этом трубили все учебники. На территориях, завоеванных нацистами, жители сами открывали церкви, в них всегда было много народа, оккупационные власти в это не вмешивались. И, наконец, СССР, чтобы укрепить отношения с новыми союзниками, Соединенными Штатами и Великобританией, стремился выглядеть в их глазах лучше и поэтому должен был успокоить внешний мир по поводу положения верующих.

В сентябре 1943 года Сталин принял митрополита Сергия еще вместе с двумя архиереями и разрешил собрать архиерейский Собор, на котором митрополит Сергий был избран Патриархом. Однако вскоре он умер и в феврале 1945 года за несколько месяцев до конца войны был вновь созван Собор, чтобы избрать новым Патриархом

митрополита Алексия I.^[39] Православная Церковь восстановила свою иерархию и право иметь епископа во главе каждой епархии. И хотя Собор был предельно коротким (он проходил без дебатов), — здесь был принят новый Устав Церкви, в котором, прежде всего, подчеркивалось, что во главе прихода должен стоять настоятель храма. Дело в том, что согласно гражданскому законодательству 1929-го года каждый приход представлял собой объединение, по крайней мере, из 20-ти членов,^[40] управляемое исполнительным органом из трех человек. Священники при этом оказывались изъятыми из такого механизма. В уставе, который Церковь приняла в 1945 году, предусматривалось, что каждый приход будет отныне управляться настоятелем, а последний станет председателем исполнительного органа, — теперь состоящего не из 3-х, а из 4-х человек. Такая структура соответствовала церковной традиции, но входила в противоречие с постановлением 1929 года, однако, власти сделали вид, что этого не замечают.

Церкви и монастыри, открытые на оккупированной немцами части страны, не были вновь закрыты. Зато на Востоке и Севере, где не было оккупации, церквей было открыто значительно меньше. Там, например, единственным монастырем, который вновь смог принимать монахов, была Троице-Сергиева Лавра.

Все учебные заведения, готовившие православных священников, были упразднены после революции; в Москве теперь восстановили духовную академию и семинарию, которые сначала находились в Новодевичьем монастыре, а затем переместились в Троице-Сергиеву Лавру. В семинарии давалось первоначальное необходимое для священника образование, с тем, чтобы он мог трудиться на приходе. Пройдя этот первый этап, некоторые могли продолжать обучение на более высоком уровне в академии. В Ленинграде также вновь открыли академию и семинарию. Еще в нескольких городах были открыты семинарии. Вновь стало возможным издание периодического ежемесячника — «Журнала Московской Патриархии»; его начал было издавать владыка Сергей несколько лет назад, но тогда он был быстро прикрыт.

Однако для Церкви по-прежнему оставалась запретной любая форма деятельности в обществе. Единственной свободой, которая ей действительно была дана, оказалось право совершать богослужение. К

Церкви относились приблизительно так, как к резервации индейцев — их не уничтожали при условии, что они не перейдут отмеченную грань. Ей было дозволено всего лишь удовлетворять «религиозные нужды» населения — согласно иронической формуле Маркса, который причислял их к нуждам физиологическим — вышеупомянутые нужды понимались советскими руководителями лишь как отправление культа.

Кроме того Церковь была поставлена под строгий надзор. Был создан специальный орган при Совете Министров СССР: Совет по делам православной Церкви. Говорилось, что это было сделано для того, чтобы Совет служил посредником между религиозными организациями и советской властью, а на деле, чтобы осуществлять непосредственную связь с органами и постоянно контролировать деятельность Церкви. Находясь в Москве, он имел уполномоченных в каждой области. Подобный же Совет занимался другими религиями. Тогда Советская власть стала использовать Церковь в целях, связанных с международной политикой. Православным иерархам было позволено устанавливать отношения с внешним миром при условии, что они будут выступать в духе советской пропаганды, особенно в тех кругах Запада, на которые мало влияли коммунистические партии. Между тем, наравне с другими обитателями ГУЛАГа, верующие, находящиеся в лагерях, не были выпущены на свободу. Поэтому епископ Афанасий, отцы Иеракс и Петр продолжали отбывать срок, и вообще аресты среди верующих не прекратились.

Однако при всем том Церковь смогла подняться. Сразу после войны она получила некоторую свободу действий, чуть большую, чем в последующие годы, когда режим вновь набросился на нее своей идеологией неумолимо и яростно. К тому же Церковь получила подкрепление, в нее влились новые силы — клирики, из аннексированных СССР вследствие войны стран, которые до этого еще не попали под дорожный каток советизации. Часть священников и епископов, покинувших Россию после революции, возвратилась в страну. Они привнесли сюда немного кислорода, хотя жизнь их была часто очень трудной. Наконец православная Церковь восстановила свое единство. Во время войны обновленцы практически утратили своих последних приверженцев. С другой стороны, епископы, порвавшие с митрополитом Сергием, теперь признали Алексея I Патриархом. Если еще и оставались общины в подполье, то, кажется,

они были немногочисленны. Владыка Афанасий, отец Иеракс и отец Петр в 1945 году из лагеря сумели передать своим духовным чадам письмо, где излагалась их позиция. Новый Патриарх избран законным путем и, действительно, олицетворяет единство Церкви. Если некоторые действия Алексия I и Патриархии могут смущать и соблазнять ревностных православных, то все это останется на его совести и за это он даст отчет Господу, но это не основание для того, чтобы они себя лишили благодати святых таинств.^[41]

Прочитав это письмо, Вера и Елена не знали, что и думать. Наконец, Вера решила спросить совета у матушки Марии, настоятельницы подпольного монастыря в Загорске. Встретив их, она спросила: «Ну, в какую же церковь вы ходите теперь?» Вера заплакала, и монахиня ее утешила, уверив в подлинности письма.^[42] Времена катакомбной Церкви кончились, начался новый период.

Особенно чувствительным возрождение Церкви было в Москве. Здесь были не только вновь открыты многие церкви, где на службах собиралось много народа, здесь верующие могли слушать талантливых проповедников, а в некоторых храмах — циклы лекций на религиозные темы. В одном из храмов священник даже повесил экран и показывал диапозитивы на темы Библии.^[43] Это оживление религиозной жизни длилось примерно до 1950 года. Те из членов действовавших после революции общин, которые выжили в подполье и в ГУЛАГе, прилагали все усилия, чтобы воссоздать свой круг. Так было со старыми прихожанами двух отцов Мечевых. Они собирались у Бориса Васильева.^[44] Этнограф и историк, автор книги о Пушкине, Борис Васильев прошел через тюрьмы, лагеря, ссылку. Он и его жена устраивали у себя на квартире лекции по культуре и религии. Кроме того, там собирались люди и вместе читали Новый Завет. Жена Б. Васильева обучала детей основам веры.^[45] Подобное до войны было вообще немыслимо, и теперь не могло продлиться очень долго.

Связи между старыми духовными детьми отцов Мечевых и отца Серафима были очень тесными. Вера и Елена дружили с Васильевыми, Алик, естественно, был у них всегда желанным гостем. Встречи со всеми этими христианами-интеллектуалами весьма обогащали его, и потом, в них он видел пример сплоченной приходской общины, сохранившей духовное единство даже через много лет после смерти своих пастырей и несмотря на превратности эпохи.

Алик был рано созревшим и необыкновенно одаренным ребенком с жаждой к знаниям. В конце войны, когда ему исполнилось десять лет, Вера объяснила ему, что жизнь не делится на детскую и взрослую. Жизнь едина и то, что не успел в детстве, потом уже не наверстаешь никогда. Поэтому нужно, не откладывая, ставить перед собой серьезные задачи и стараться их разрешать как можно раньше. Как и многие московские семьи, семья Алика в это время обитала в коммунальной квартире.^[46] Скученные в одной комнате пятером жили: родители, два мальчика и Вера. Александр отгородил ширмой свою кровать и тумбочку, битком набитую книгами. С вечера он готовил себе то, чем решил заниматься утром, и ложился спать в девять часов, какие бы гости или интересные радиопередачи ни искушали его, вставал он ранним утром и, пока все спали, читал.^[47]

В часы этих утренних занятий он набрасывался на по-настоящему трудные для ребенка его возраста сочинения. Канта, например, он прочитал в тринадцать лет. А его ровесники в это время учили, что марксизм-ленинизм, обогащенный «гениальным» Сталиным, является «единственной философской теорией, дающей научную картину мира, которая защищает принципы и научные методы объяснения природы и общества и вооружает трудящееся человечество инструментом для борьбы за построение коммунизма» и прочую галиматью... От обучения в школе — мужской школе № 554^[48] — он сохранил

впечатления довольно мрачные. Хотя среди учеников, учившихся одновременно с ним, было несколько сильных личностей — поэт А. Вознесенский, кинематографист А. Тарковский и Александр Борисов — один из ближайших друзей А. Меня. Впоследствии Борисов тоже стал священником. Теперь он настоятель прихода в самом центре Москвы, все знают его как одного из наиболее деятельных служителей Церкви.

Несмотря на свою одаренность, Алик не был из числа отличников, замкнутых и неспособных к общению. У него, напротив, как вспоминают его товарищи, было развито чувство дружбы, он участвовал в жизни класса и так же как книгами, был окружен друзьями. Интересы у него были самые широкие, он любил литературу, поэзию, музыку, живопись. Позже сам стал заниматься живописью и рисунком. Некоторые из этих картин и рисунков сохранились. Писал он и иконы. Был страстно увлечен изучением природы, астрономией, биологией. Ходил в зоопарк рисовать животных. «С детских лет — писал он, — созерцание природы стало моей „теология прима“.^[49] В лес или в палеонтологический музей я ходил словно в храм. И до сих пор ветка с листьями или летящая птица значат для меня больше сотни икон. Тем не менее мне никогда не был свойствен пантеизм^[50] как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался личностью, как Тот, Кто обращен ко мне».

Ему казалось, что занимаясь естественными науками, например разглядывая в микроскоп какой-нибудь препарат, он приобщался к Божиим тайнам.^[51] «Бог дал нам две книги, - говорил он, — Библию и природу».^[52] Чтение Библии пробудило в нем вкус к истории. Александр всегда внимательно исследовал любую деталь, которая могла бы прояснить библейские события.

Сначала Алик думал, что выполнит свою миссию христианина, занимаясь наукой или искусством.^[53] А тем временем мало помалу иное призвание зрело в нем. Чтобы оно стало явным, нужна была личная встреча с Христом. Этот личный зов он слышал в возрасте двенадцати лет и решил, что должен служить Богу как священник.^[54] Матушка Мария благословила его на, это.^[55]

Он отправился в семинарию, которая как раз в это время организовывалась. Его принял инспектор — то есть заведующий

учебной частью Анатолий Ведерников, человек открытый и приветливый, и сказал, что охотно внесет его в списки, как только Алик достигнет совершеннолетия.

Александр, насколько это было возможно, продолжал самообразование. Читал великих философов. Случайно открыл для себя сочинения русских религиозных мыслителей первой половины века, изгнанных из страны по приказу Ленина, и о которых тогда забыли, таких как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Аосский, С. Л. Франк.^[56] Был у него период увлечения Хомяковым.^[57]

Блестящий ум, с весьма обширной эрудицией, Хомяков был главным вдохновителем движения славянофилов, цель которых была подготовить новую культуру на основе православия. Именно он дал в середине XIX века импульс русским светским богословским изысканиям. Они-то и принесли плоды в начале XX века. Однако Александр достаточно быстро освободился от этого влияния, найдя, например, что в своих суждениях о Западной Церкви Хомяков был необъективен и пристрастен.^[58] В возрасте примерно пятнадцати лет, однажды на барахолке, среди гвоздей, старой обуви и замков он обнаружил том Владимира Соловьева, мыслителя, который поистине был первопроходцем русской религиозной мысли XX века.^[59] Жадно проглотил он этот том, а позже раздобыл себе и следующие. Это было для него открытием. Александра привлекла главная идея, направляющая мысль Соловьева, что в центре реальности действует динамизм, соединяющий в единый процесс природу, человека и самого Бога.^[60] Соловьев стремился к целостному христианскому видению мира, охватывающему все стороны жизни, где нашли бы свое место все мировые религии и культуры разных времен и народов и не были бы упущены и художественное творчество, и наука, и философия, — все лучшее собрать и духовно преобразить.^[61] Александр также ценил, что Соловьев отказался от идеализации церковного прошлого, и сочувственно относился к его деятельности по единению Церквей. Вместе с тем, хотя Соловьева он считал настоящим учителем, он его не принимал без разбора. Целые пласты его учения — софиология и теократия оставались ему чуждыми. Равно не разделял он пессимизма, выраженного в последних сочинениях, где Соловьев рассматривал всю историю человечества как поражение.^[62]

Раз в неделю Александр пополнял свой запас книг у профессора-химика Николая Евграфовича Пестова. В те времена никто не знал, кого следует опасаться, и когда раздавался звонок в дверь, если кто-то из посетителей уже был, вновь пришедшего вводили в другую комнату. На письменном столе Александр увидел фотографию святой Терезы из Лизье. На стенах висели образы католических святых. Кажется, Пестов пришел к встрече с католичеством от контактов с баптистами. Именно он помог Александру узнать западное христианство.^[63] Наряду со светским обучением Александр стал серьезно изучать богословие и принялся за чтение Отцов Церкви. Чтобы лучше понять Библию, он изучал римскую античность но, главным образом, древний Восток. В работе по библейской истории его поощрял Борис Васильев, поддерживавший стремление согласовывать научные знания с верой.^[64] Матушка Мария тоже одобряла его желание посвятить себя изучению Библии.^[65] Как всегда, самостоятельно, он начал систематически заниматься предметами, внесенными в программу семинарии.

В этом же возрасте он уже начал прислуживать в алтаре церкви Рождества Иоанна Предтечи на Пресне.^[66] Там он читал и пел в хоре. Подросток, прислуживающий в церкви — для той эпохи это был просто парадокс. Позже у него в этом храме появится товарищ — юный семинарист из Загорска — он станет епископом под именем Филарет — сегодня он стоит во главе православной Церкви в Белоруссии.^[67] Писать Александр начал очень рано. К двенадцати годам он написал статью о природе и пьесу о святом Франциске Ассизском.^[68] И только в пятнадцать лет — свое первое богословское эссе. Разумеется, это был еще труд чисто ученический, но при этом он содержал в себе как бы каркас его позднейших работ.^[69]

В 1953 году, через несколько месяцев после смерти Сталина, Александр кончил среднюю школу. Поскольку всю программу семинарии он освоил самостоятельно, то решил поступать в высшее учебное заведение. Последние годы сталинского правления были отмечены разгулом антисемитизма, поэтому его происхождение стало препятствием для поступления в Университет, и он избрал Московский Пушно-меховой институт, где мог со страстью заниматься биологией.

Будучи студентом, он продолжал самостоятельно изучать богословие, но теперь уже на уровне программы духовной академии. Начал писать краткую историю Церкви, но затем переключился на свою первую книгу и довел ее до конца: «О чем говорит Библия и чему она нас учит». В эту пору он сблизился с отцом Николаем Голубцовым^[70] — старым прихожанином отцов Мечевых, служившим в одном из московских храмов. Это был человек образованный, сам дипломированный биолог, братья его были священниками, а сестры — монахинями. Все они были чем-то похожи на героев Достоевского. Отец Н. Голубцов был человеком демократическим и общительным, способным вести диалог с неверующими. Для Александра он являл собой тот же идеал священника, что и отец Серафим, каким он ему виделся по рассказам матери и тети. Александр выбрал о. Николая себе в духовные отцы.^[71] В 1955 году институт был закрыт и студентов перевели в соответствующий институт в Иркутск. Там Александр прожил три года. К его прежним увлечениям теперь добавились практические занятия — наблюдения за животными в тайге. Занимались студенты с интересом, и отношения между ними были приятельскими.

В первый год обучения, когда он еще был в Москве, во время скучных лекций Александр читал огромный труд отца П. Флоренского о Церкви, а чтобы это не было заметно, он ее разрезал на листочки. Его соученики не знали, о чем именно шла речь в этой книге, но их это

не печалило. Александр всегда был хорошим товарищем и всегда принимал участие в их деятельности, поэтому они не видели ничего дурного в том, что он интересуется «высокими материями». В конце концов каждый имеет право на свое хобби. На втором курсе он начал делиться своими мыслями с некоторыми студентами. Одни подозревали, что он во власти каких-то религиозных идей, а другие считали его буддистом. На третьем курсе, что он православный, знали уже все. По приезду в Иркутск он познакомился с епископом^[72] и стал выполнять для него разные поручения. Ему постоянно приходилось бегать из института в церковь, которая находилась как раз напротив, делал он это открыто, и к этому его товарищи относились спокойно. Вспоминая об этом, отец Александр скажет позже: вообразите себе, что бы произошло, если бы я в первый день после поступления в институт стал бы демонстративно креститься! Надо было их подвести мало помалу к пониманию того, что один из них может быть верующим.

Поезд «Москва-Иркутск». Александр Мень — второй справа.

В первый год своей жизни в Иркутске Александр делил маленькую квартиру с Глебом Якуниным, который позже станет одной из крупных фигур в борьбе за Религиозную свободу. Глеб был воспитан очень любящей и очень верующей матерью. В одно прекрасное утро, в возрасте 14 лет, когда мать и тетя разбудили его, чтобы вести в церковь причащаться, он им заявил категорически: «Делайте со мной что хотите, но я не пойду». С этой поры он почувствовал себя убежденным атеистом. В Иркутске начал с трудом освобождаться от влияния советской идеологии и находился в постоянных поисках. Прежде он встречал верующих лишь среди женщин, очень добрых, но без образования. Встреча с Александром способствовала его успешному возвращению к вере. [\[73\]](#)

В 1956 году Александр женился на студентке Наталии Григоренко. Это было время, когда открывалась новая страница в истории страны.

Начало служения

В феврале 1956 года состоялся XX съезд коммунистической партии, во время которого Хрущев, при закрытых дверях, прочитал свой знаменитый доклад о преступлениях Сталина. В течение нескольких недель содержание документа мало помалу распространилось среди населения. Весь мир, казалось, перевернулся. Тот, кого народ три года назад оплакивал как самого великого гения всех времен и народов, человек, который был обожествлен как ни один римский император, более, чем какой бы то ни было фараон или восточный деспот, человек, которого многие дети — он был объявлен их лучшим другом поистине почитали бессмертным, был, как оказалось, просто негодяем. Миллионы мужчин и женщин были освобождены из ГУЛАГа. Среди них был А. Солженицын, тогда совершенно неизвестный — он после нескольких лет лагеря был

приговорен к пожизненной ссылке в Казахстане. Под руководством нового Генерального прокурора СССР Руденко судебная власть была реорганизована. Цензура разжала свои объятия. Были восстановлены контакты с внешним миром. Этот период вошел в историю под названием оттепели; паковый дед лопнул, начал двигаться, но еще не растаял. Положив конец культу личности Сталина и массовому террору, Хрущев, однако, отнюдь не собирался уничтожать советскую систему. Напротив, он стремился ее реставрировать во всей идеологической мощи, говоря о возврате к «ленинским нормам». Не случайно поэтому через несколько месяцев после XX съезда венгерское восстание против коммунистического режима было потоплено в крови советскими танками, в 1958 году партия призвала к порядку интеллигенцию, открыв оскорбительную кампанию против Б. Пастернака, лауреата Нобелевской премии, за то, что он посмел разрешить публикацию за границей своего романа, герой которого высказывал критическое отношение к революции. И тем не менее, относительная свобода слова, осознание ужаса сталинизма, возвращение бывших заключенных вызвали известное брожение в обществе. По всей стране начались обсуждения и споры. В Москве, на площади Маяковского собиралась молодежь, читали стихи, и это приняло политический оборот. Тайно начали циркулировать журналы, напечатанные на машинке — так появилось то, что впоследствии будет названо самиздатом. В столице начало складываться нечто похожее на общественное мнение.

Моральная атмосфера страны начала изменяться. Название произведений, нашумевших в ту эпоху, даже если их литературные качества и были слабыми, знаменательны: они говорят об «искренности», намекают на отказ личности от того, чтобы ею продолжали пользоваться как «рычагом», утверждают, что человек жив не «хлебом единым».

Тогда же начался возврат к ценностям, которые с яростью уничтожали после революции. Надежда Мандельштам, вдова замечательного русского поэта Осипа Мандельштама, погибшего в ГУЛАГе, воссоздает это в своих мемуарах, где блестяще анализирует эволюцию менталитета в России на протяжении этого века. Сменились поколения. Новые были не так запуганы. Невозможно было убедить их в том, что их отцы поступали правильно, они больше не верили, что

все дозволено.^[74] Один из героев Солженицина вспоминает жуткие стихи, которые дети учили в школе:

«Мы достаточно долго любили,
и хотим, наконец, ненавидеть!»

«А надо бы совсем наоборот. К чертовой матери с вашей ненавистью, мы наконец хотим любить! — вот какой должен быть социализм». ^[75] Эта переоценка ценностей только начиналась.

Теперь уже больше не говорили, что нельзя сделать яичницу, не разбив яиц, но еще верили в возможность поджарить коммунистическую яичницу, иначе говоря, построить коммунистическое общество. Молодежь на площади Маяковского думала, что для этого достаточно избавиться от последствий сталинщины и вернуться к «чистоте» Ленина и его сподвижников. Герой Солженицина бесспорно шел дальше, говоря о «нравственном коммунизме». Так или иначе, мечтали о «коммунизме с человеческим лицом», о котором потом возвестят лидеры Пражской весны в 1968 году.

Верующие тоже почувствовали результаты десталинизации, — начали возвращаться многие священнослужители, однако, они были так измучены перенесенными испытаниями, что пользоваться обретенной свободой им оставалось недолго. Отец Иеракс обосновался в маленьком домике во Владимире и умер в 1959 году. У отца Петра Шипкова хватило сил вновь взять приход и даже довести до конца реставрацию своего храма, но умер он в том же 1959 году. Владыка Афанасий умер на несколько лет позже, в 1962 году. Но до самой смерти гражданские власти не разрешали ему служить в местной церкви.^[76]

В отличие от остального общества Церковь оттепью пользовалась недолго. В 1958 году коммунистическая партия решила начать большую антирелигиозную кампанию. Хрущев объявил, что построение коммунистического общества будет почти закончено через двадцать. «Совершенно очевидно, что до этого религия должна исчезнуть». Лавина антирелигиозной пропаганды обрушилась на страну.

Сотрудники «Журнала Московской Патриархии» постоянно наблюдали за прессой, и журналу регулярно сообщали обо всех статьях, где были намеки на религию: работники этой службы взмолились, т. к. каждый день выходило столько статей, где изобличали религию, что физически невозможно было их собрать. Впервые после войны начал издаваться новый антирелигиозный журнал под названием «Наука и религия». Антирелигиозные брошюры и книги выходили миллионными тиражами. Одна из первых была обязана своим появлением бывшему преподавателю семинарии и называлась «Почему я перестал верить в Бога». Под таким давлением

несколько священников отступили от веры и пресса, разумеется, всякий раз устраивала большой шум.

Больше половины церквей было закрыто. Местные ответственные работники, как правило, делали это грубо, ломая все, что находилось внутри храма. Иной раз в течение одного дня закрывали до ста пятидесяти церквей.^[77] Священники, лишившись своих приходов, с семьями и без всяких средств к существованию, нередко бывали вынуждены идти по миру. Было значительно уменьшено число монастырей. Из ста существовавших после войны осталось лишь шестнадцать. Пять семинарий были ликвидированы. Продолжали свое существование только три семинарии в Москве, Ленинграде и Одессе и две духовных академии в Москве и Ленинграде.

Возобновились аресты, было организовано несколько процессов над духовными лицами, но в целом власти предпочитали теперь действовать либо административными методами, ссылаясь на мотивы безопасности, планы города, санитарные условия и т. д., либо оказывая давление на Патриархию и духовенство. Вмешивались во все, прежде всего, в перемещение епископов.^[78]

Упоминание об этих действиях, плохо завуалированных, можно найти в конфиденциальном докладе, написанном несколько лет спустя и ставшем известным благодаря утечке. Речь здесь идет о монастырях, но подобным же образом поступали и с церквями: «Руководствуясь указаниями директивных органов, за последние годы на местах проведена значительная работа по сокращению сети монастырей. В этих же целях использовано и возросшее влияние Совета по делам Русской Православной Церкви на патриархию и епископат. Руками церковников было закрыто несколько десятков монастырей. В 1963 году под благовидным предлогом (оползни в пещерах, необходимость исследования грунта и реставрации) была закрыта Киево-Печерская лавра, привлекавшая до 500 тысяч паломников».^[79]

Патриарх был старым, в 1957 году ему исполнилось восемьдесят, секретарь оберегал его от всех внешних контактов. Однако митрополит Николай, занимавший в Церкви второе после Патриарха место, все же пытался реагировать на происходящее.^[80] После 1945 года именно он был инициатором политики компромиссов между Церковью и государством, надеясь, что оно отплатит взаимностью, он изо всех сил старался выгородить СССР перед лицом мира, поэтому

его даже порою называли «вторым министром иностранных дел»; митрополиту удалось воздействовать на патриотические чувства русских эмигрантов, побуждая их возвращаться в Советский Союз, и т. п.

Поэтому новое антирелигиозное наступление означало провал его усилий. Ему удалось убедить Патриарха воспользоваться Конгрессом в защиту мира, на который тот был приглашен, и открыто сказать о новых нападках на Церковь со стороны властей. Но власти не дремали и сумели оказать давление на Патриарха. В результате он отстранил от дел владыку Николая. Несколько месяцев спустя тот, всеми покинутый, скончался.^[81]

Советское правительство решило вернуться к проведению в жизнь постановления 1929 года о религиозных объединениях. Вспомнили, что решение, принятое Собором в 1945 году, касающееся организации приходов, противоречит Постановлению. Совет по делам Русской Православной Церкви потребовал, чтобы Церковь согласовала свой Устав с гражданским законодательством. В результате, когда Патриарх пригласил епископов 18 июля 1961 года на праздник преп. Сергия в Загорск, после богослужения, их, не введя предварительно в курс дела, собрали и заставили тут же срочно одобрить изменения, о которых шла речь: отныне руководство приходами вновь отдавалось под начало органа, состоящего из трех светских лиц, а священникам предлагалось заниматься исключительно богослужением. Таким образом они были низведены до положения наемных работников для совершения служб в храме. Власти теперь могли — и это было главной их победой — назначать в эти приходские органы своих людей, а те как бы самостоятельно принимали решение о закрытии той или иной церкви. Архиерейский Собор 1961 г. был проведен с нарушением всех правил Церкви, а текст нового Устава противоречил ее традициям. Из епископов лишь один предпринял какие-то попытки аннулировать это решение. Речь идет о владыке Гермогене.^[82] Человек выдающийся и решительный, из числа тех, кого обычно называют, «князьями Церкви». В Московской духовной академии еще до революции он учился у отца П. Флоренского. Рукоположен был Патриархом Тихоном, и затем стал наместником Киево-Печерской Лавры, потом был отправлен в ГУЛАГ на десять лет. В 1956 году хиротонисан в епископы и назначен в Ташкент, где проявил предельную твердость и

не позволил закрыть в своей епархии ни единого храма. Ему даже удалось перестроить и расширить свой кафедральный собор. Это сделало его весьма популярным среди верующих, но именно за это его убрали из Ташкента и некоторое время он оставался без епархии.

Другие епископы смирились, полагая, что всякое сопротивление бесполезно. Как-то один епископ сказал: «Часто я себя спрашиваю, правильно ли мы делаем, что молчим и не изобличаем открыто то, что творится в Церкви и какие она переживает трудности? Другой раз мне становится противно и я хочу все бросить и уйти на покой. И совесть меня упрекает, что я этого не делаю. Но потом та же совесть говорит мне, что нельзя бросать верующих и Церковь. А ведь выступить с обличением или даже открыто критиковать церковные порядки, это значит, в лучшем случае, быть сразу же отстраненным от всякой церковной деятельности, а все равно ничего не изменится».^[83]

Именно в это время в 1961 году Гагарин совершил первый полет в космос. Этот подвиг как бы свидетельствовал об окончательном триумфе Советской техники и науки вообще. Кроме того, Гагарин привез неопровержимое свидетельство о том, что Бога нет. Он его не встретил на небе! В том же году собрался XXII съезд партии, где была принята новая программа построения коммунизма. Парадоксально, но в то же время с этим съездом связан новый этап десталинизации.

Доклады против страшных сталинских методов произносились на нем с такой резкостью, что Солженицын, прочитав его материалы, решил не таиться больше и опубликовать свою повесть «Один день Ивана Денисовича». И она действительно вышла в 1962 году.

Между тем, интеллигенция, будущие диссиденты и правозащитники, и пальцем не пошевелили, чтобы защитить Церковь! Причем отнюдь не из трусости и даже не по равнодушию и не потому, что считали нормальной тогдашнюю ситуацию, а в силу того, что Церковь была так хорошо упрятана в свое гетто, так хорошо изолирована от общества, что они просто не заметили репрессий, которые обрушились на нее. В это время лишь несколько одиноких голосов, изобличавших антирелигиозную кампанию и закрытие монастырей и церквей, раздались публично. Главная заслуга принадлежит здесь Анатолию Левитину,^[84] пустившему по каналам самиздата резкие статьи в защиту веры. Это был очень яркий человек, которого с детства влекло к Церкви; рукоположенный в сан диакона одним из обновленческих епископов, он был чуть ли не единственным в стране приверженцем системы, примирявшей христианство с социализмом. Он было вышел из ГУЛАГа, однако, вскоре из-за своего бесстрашия попал туда снова. Другой материал, распространенный самиздатом, в ответ на выступления публично отрекшихся священников, принадлежал перу отца Сергея Желудкова.^[85] Он жил в Пскове, где гражданские власти запретили ему служить. Как и Левитин, он в юности начинал у обновленцев, но не потому, что был готов подписаться под их политической программой, а в силу того, что надеялся на глубокую реформу Церкви. Его заботил диалог с неверующими и «анонимными христианами». Лишь в последующие десятилетия станет он известным.

Парадоксально, но в это самое время, когда общество демонстрировало свое полное равнодушие к тому, что касалось ситуации в Церкви и травли, которой она подвергалась, люди все больше и больше стали задумываться о религии. Некоторые стали верующими, а кое-кто даже крестился. Число их было, конечно, весьма незначительно, но их обращение означало тотальный разрыв с общей атмосферой, с представлениями их окружения, их воспитанием. Они поступили в школу, когда царил атеизм, и всем как дома, так и вне дома, казалось, что верить в Бога так же смешно и абсурдно, как

думать, что Земля плоская и покоится на четырех китах, плавающих в молочном море.

«Я хорошо помню весну и лето 1961 года в Москве, — рассказывала Светлана Аллилуева (она сама обратилась в эту эпоху). Мне было тридцать пять лет... Меня терзало внутреннее беспокойство и, казалось, ничто не могло его заглушить. Я не ощущала интереса ни к церковной службе, ни к религиозным книгам, ни к иконам — они мне ничего не говорили. Но я знала тогда уже нескольких человек моего возраста, которые были религиозны. Я думала о них с удивлением и уважением».

Однажды она вступила в дискуссию о самоубийстве с А. Синявским,^[86] специалистом по русской литературе. Он тайно писал свои произведения и затем опубликовал их за границей под псевдонимом. Позже он будет отправлен в лагерь после нашумевшего процесса 1966 года. А. Синявский объяснил ей, что кончая жизнь самоубийством, человек думает, что себя уничтожил, но он убивает только тело, потому что душа принадлежит Богу — единственному хозяину жизни. Самоубийца не в силах освободить себя, наоборот, он совершает тяжкий грех. Этот разговор стал для нее откровением, потому что ее собеседник сформулировал новую для нее идею, едва ею понятую. Не убий! Таков основной закон поведения человека на Земле. Жизнь вечна и необъятна. Посягать на нее — большое преступление. Молодая женщина принялась читать псалмы. Она перечитала Толстого и Достоевского совершенно по-новому. Весной 1962 года она решила креститься. И это родная дочь Сталина! Синявский познакомил ее с отцом Николаем Голубцовым, священником, у которого не так давно крестился он сам (напомню, тот был духовным отцом Александра Меня). Первая встреча с о. Николаем была для Светланы очень трудной. Она не знала как себя держать, так как никогда не говорила со священником, и, еще — ее поразила его простота и то, сколько внимания и времени уделял он каждому прихожанину, оставшемуся поговорить с ним после службы.^[87]

Когда началось наступление на религию, Александр Мень заканчивал свою учебу в Иркутске. Он знал — таково было правило, — что в течение трех лет после института будет должен работать по специальности, а затем поступит в Загорскую семинарию, как было условлено заранее. Между тем в момент, когда начиналась

последняя экзаменационная сессия, его неожиданно исключили из института под предлогом непосещения лекций. На самом деле в ректорате института стадо известно о его связях с епархией. Пришлось уехать, не получив диплома. В этом он увидел знак провидения и понял, что на этот раз настал час осуществить свое призвание. Возвратившись в Москву, он был поддержан отцом Николаем Голубцовым и получил его благословение. Анатолий Ведерников, принимавший участие в реорганизации семинарии после войны, стал теперь секретарем редакции «Журнала Московской Патриархии», он очень помог Александру, представив его викарному епископу.^[88] Тот тотчас же оценил его способности и, невзирая на то, что Александр не окончил семинарии, посвятил его в сан диакона 1 июля 1958 года, на Троицу, в церкви, где служил отец Николай Голубцов, и отправил на приход в окрестностях Москвы, возле станции Одинцово.^[89] Там он прослужил два года. Материальные условия были трудными, а зарплата нищенской. С женой и годовалой дочкой его поселили в обветшалый дом, стены от пола до окна изнутри покрывались густым слоем льда, который таял только когда кончалась зима. Верующих было мало.

Для настоятеля, бывшего бухгалтера, литургия заключалась прежде всего в самом скрупулезном исполнении Устава — случалось что он в самой середине службы в гневе выбегал из алтаря и кричал на певчих, если они что-нибудь пропускали. Служба прерывалась, запуганные певчие начинали судорожно рыться в партитурах. Однако именно в этой церкви молодой отец Александр начал серию бесед о жизни Христа. В эти годы он заочно учился в Ленинградской семинарии. 1-го сентября 1960 года он был рукоположен в священники другим викарным епископом Москвы, человеком, известным своей молитвенной жизнью и высокой духовностью.^[90] Хиротония состоялась в Донском монастыре, где некогда была резиденция Патриарха Тихона, а теперь покоятся его мощи. Александр был назначен вторым священником в Алабино,^[91] в 50-ти километрах от Москвы, год спустя он заменил настоятеля храма. На фоне хрущевских гонений его маленький приход был своего рода убежищем, реформа 1961 года затронула его мало. В других местах орган управления чаще всего контролировался местной парторганизацией, здесь староста была полностью предана ему. С его умением налаживать отношения с людьми, Александру удалось найти общий язык с городскими властями, приход и поссовет жили в мире. Храм был в весьма скверном состоянии, иконостас и настенная живопись очень плохи. Отец Александр разработал целую программу по реставрации и ремонту. Были написаны новые иконы. Он попросил одного художника заново расписать стены, следуя манере мастеров XIX века: древняя живопись была просто непонятна прихожанам, они ее просто не воспринимали, предпочитая слащавый и назидательный реализм. Но невозможно было изменить все сразу. Привычки людей нужно было менять постепенно. Из храма в притвор был перемещен свечной ящик, чтобы во время службы прихожанам не мешал звон монет. Вокруг церкви был участок земли с домиком, где оборудовали комнату для приема посетителей и жилище священнику, оно и приютило семью отца Александра, у которого недавно родился сын. В свободное время отец устраивался в церковном саду, где писал свои книги. Благодаря Анатолию Ведерникову он опубликовал около двадцати статей в «Журнале Московской Патриархии». Поэтому в журнале «Наука и религия» появилась разгромная статья.^[92] Вскоре вторым священником сюда был назначен молодой человек, ставший

настоящим другом для отца Александра.^[93] Каждую субботу отец Александр объяснял Символ Веры, смысл главных молитв и литургии. Несколько молодых людей, недавно обратившихся, стали его друзьями на долгие годы. Так начала создаваться маленькая община активных христиан. Шутя, они называли это место «аббатством». После войны священникам разрешили совершать богослужения вне храма, прежде всего панихиды и отпевания усопших, на кладбищах. Но во время антирелигиозной кампании, развязанной в 1958 году, это было запрещено: в каждом отдельном случае священник был отныне обязан получать предварительное разрешение районных властей, а последние давали разрешения крайне неохотно. Однако отец Александр, продолжал служить панихиды в домах, на кладбищах и всякий раз произносил при этом проповедь. Он умел пользоваться обстоятельствами: кто-то умер у районного должностного лица и, ввиду исключительного случая, отцу Александру дали разрешение. Опираясь на этот факт, он в следующий раз попросил о возобновлении разрешения и так еще двести пятьдесят раз! Приход сохранил машину — это тоже отличало его от других приходов, у которых они если и были, теперь были отобраны, — отец Александр пользовался этим широко, посещая своих прихожан в радиусе тридцати километров.

К несчастью, «аббатство» было вскоре ликвидировано по вине одного человека. Чтобы помочь ему, отец Александр, по рекомендации одного друга, взял его в церковь чтецом. Человек он был симпатичный, но несколько странный и со склонностью к пьянству. Ему в голову пришла злосчастная идея повести отца Александра и нескольких его друзей в музей, где он работал, в Истре. Во время этой экскурсии он не удержался, выпил и устроил скандал, что привлекло внимание его начальника, фанатичного атеиста, который забавлялся тем, что рисовал на иконах, выжигал на лицах святых глаза, а дарохранительницу использовал под мусорный ящик. Этот чтец приносил отцу Александру старые книги. Поскольку на книгах не было никакого клейма, иди регистрационного номера, понять, что они краденные было невозможно...

И вот на другой день после экскурсии милиция и КГБ прибыли в «аббатство» в сопровождении хранителя музея. Обыск длился весь день. Увидев библиотеку отца Александра — все это были труды по богословию и журналы на иностранных языках, музейный работник возликовал. «Ну! — сказал он своим спутникам, — мы оказались здесь случайно, но несомненно, нам попалась крупная дичь!» В газете появилась сатирическая статья об этом «деде». Антирелигиозная кампания в стране продолжалась, и власти решили устроить громкий процесс. Досье попало лично к Генеральному Прокурору СССР Руденко. Отец Александр подвергался длительным допросам. Но вопреки ожиданиям экспертиза оценила все эти книги в несколько десятков рублей, интерес к раздутому было делу сразу угас, и оно было закрыто. Однако в связи с ремонтом церкви отец Александр оказался замешан в другую историю. Работы частично должны были оплатить «налево». Александру грозил суд. Шло лето 1964 года, он решил воспользоваться отпуском, чтобы взглянуть на мир, не дожидаясь, пока придется глядеть на него сквозь решетку — так он шутя рассказывал позже, и отправился с женой в поездку по Волге. Внезапно его вызвала в Москву телеграмма от друзей. Его пригласил к себе уполномоченный Совета по дедам православной Церкви по Московской области, высокий чин КГБ,^[94] и закатил ему жуткую сцену, повторяя раз пятьдесят: «Что нам с вами делать?» А потом запретил ему служить. Но и теперь все кончилось благополучно. Антирелигиозное наступление в том виде, который придал ему

Хрущев, близилось к концу. Последней его акцией было, кажется, разрушение как раз в это лето церкви Преображения Господня в Москве, невзирая на протесты верующих, во множестве собравшихся вокруг храма. Ветер уже дул в другую сторону. Авторитет Хрущева в рядах партии становился все более и более сомнительным. Его противники втайне готовили ему замену. В это время в Совете собралось какое-то совещание. Была ли выработана и принята новая тактика? Получили ли они новые инструкции? Как бы то ни было, но после этого уполномоченный почему-то потерял интерес к «виновному» и уже требовал только, чтобы отец Александр покинул Алабино. Отцу Александру удалось послужить на Успение Богородицы 28 августа. Затем с помощью секретаря епархиального совета он нашел вакантное место второго священника в Тарасовке^[95] к северу от Москвы, по дороге на Загорск, и был тут же туда назначен. Как и предыдущие церкви она была под защитой Божьей Матери. Он избегал неприятностей, но «аббатство» перестало существовать. Никогда больше у него не было таких благоприятных условий, как в Алабине. В Тарасовке у него даже не было места, где он мог бы принимать прихожан, приходилось с ними разговаривать либо в церкви, либо в поезде.

Период, пока он подвизался в «аббатстве», был также отмечен созданием кружка молодых священников Москвы и ее окрестностей, так же пылко как и он желавших трудиться над обновлением Церкви. Собралось человек десять из которых кроме отца Александра известнее других были отцы Г. Якунин, Д. Дудко и Н. Эшлиман.

Глеб Якунин, окончив учебу в Иркутске продолжал поиски своего пути. Стад чтецом в одной московской Церкви, а затем был рукоположен. Якунина отличало острое чувство справедливости и темперамент борца.

Дмитрий Дудко был старше других и уже прошел лагеря. Крестьянский сын, он узнал, что такое коллективизация, на своем собственном опыте. Когда представители власти вторглись в избу, где жила его семья, отец лег на единственный мешок муки и закричал: «Нет, нет! Иначе дети мои умрут от голода!» Мужчины оттолкнули старика и унесли мешок. После войны Дмитрий поступил в семинарию, в 1948 году был арестован за то, что написал стихи, которые сочли «антисоветскими», и отправлен в ГУЛАГ.

Освобожденный в 1956 году, возвратился в Москву, где закончил семинарию. Затем, после длительного ожидания, был, наконец, рукоположен в священники и назначен в один из Московских приходов. Отец Дмитрий — человек простой и умеющий трогать сердца своих прихожан.

о. Александр Мень, о. Глеб Якунин, о. Николай Эшлиман

Отец Николай, напротив, принадлежал к аристократическому роду и был женат на внучке министра времен Николая II. Яркий и талантливый, он учился в школе живописи. К вере пришел поздно, но сразу познакомился с владыкой Пименом — впоследствии он станет Патриархом после Алексия I, но в ту пору только начинал свое служение как епископ. Владыка взял Николая под свое покровительство, советовал ему стать священником, а затем и рукоположил. ^[96]

Отец Александр предложил им встречаться регулярно и вместе совершенствовать свое богословское образование, обмениваться друг с другом священническим опытом и пытаться решать проблемы, вставшие перед ними в пастырской деятельности. Ситуация в Церкви в

среде духовенства вызывала тревогу. Реформа 1961 года начала претворяться в жизнь, и у многих священников появилось чувство, будто епископы о них забыли. Эта изолированность, в частности, удручала отца Александра: «Епископы — это преемники апостолов, а мы, священники, всего лишь их помощники», — напоминал он. От своего собственного и от имени своих друзей он решил обратиться с письмом к владыке Гермогену^[97] и написал ему, примерно, следующее: нам известна ваша отважная позиция, мы знаем, что вы противились закрытию церквей и не приняли реформу 1961 года. И хотя мы не принадлежим к вашей епархии и поэтому не подчиняемся вам, однако, мы просим вас стать нашим духовным отцом и разрешить обращаться к вам с возникающими у нас проблемами. Владыка Гермоген согласился на это и приехал в Алабино.

Тем временем до Москвы дошли слухи о Почаевской лавре, на Украине, где власти, чтобы закрыть монастырь, всячески преследовали монахов. Им перекрывали воду, отопление, электричество, конфисковывали бумаги, оскорбляли, помещали в психиатрические больницы, избивали. Один был замучен насмерть. Другого избили, заткнув рот кляпом, увели силой и затем он вообще исчез.^[98] Об этом почаевские монахи написали за границу. Позже этот обычай распространился, стало принято взывать к международному общественному мнению. Но тогда это было сделано впервые. Копия этого письма случайно попала в руки наших молодых священников и глубоко их тронула: оно было написано неумело, людьми, которым прежде писать не приходилось. Было решено собрать все факты, представить их в должной форме, и ознакомить с ними общественное мнение. Обсудив это с А. Левитиным, который часто присутствовал на их собраниях и делал все, что мог для защиты Почаевского монастыря, они пришли к выводу, что надо идти дальше и дойти до корня зла — пассивности епископов и реформы 1961 года. Они поговорили с Анатолием Ведерниковым и решили составить письмо, чтобы затем торжественно прочитать его Патриарху в кафедральном Соборе. Александр и Д. Дудко считали, что предпринимать что-либо без епископа нельзя. Владыка Гермоген, введенный в курс дела, одобрил их. А. Левитин составил текст письма, но его сочли слишком резким. О. Александр предложил другой вариант, многим показавшийся, наоборот, слишком мягким. Осуществление плана было отложено. Тем

временем, 14 октября 1964 года Хрущев был снят, поэтому политика могла измениться. К самой идее письма его предполагаемые авторы относились теперь по-разному. Владыка Гермоген и А. Ведерников считали ее теперь несвоевременной. В конце концов отцы Г. Якунин и Н. Эшлиман одни подписали в ноябре 1965 года два Длинные письма, разоблачающие бесчисленные случаи вмешательства государства в церковные дела, и адресовали их: одно Патриарху Алексию I, второе — Председателю Президиума Верховного Совета СССР.^[99] Этот демарш произвел сенсацию среди духовенства, и его приветствовали многие священники. Патриарх реагировал противоречиво. Несмотря на резкий тон авторов, выступивших против иерархии, против подчинения диктату государства и против «плохих пастырей», Патриарх в узком кругу говорил, что они правы, но в то же время, обвинил их в желании поссорить его с советской властью. Один епископ сказал в частной беседе: наконец-то жизнь стоит того, чтобы жить. Владыка Пимен, второй человек в Патриархии, ставший теперь митрополитом Крутицким, отвечающим за Московскую епархию, вызвал двух священников, упрекнул отца Н. Эшлимана за то, что тот сыграл с ним дурную шутку, и сказал, что стенку лбом не прошибешь. При этом настоящего объяснения между ними не произошло, а Патриархия, как и следовало ожидать, запретила им служить. Вскоре шум затих, инициатива отцов Г. Якунина и Н. Эшлимана, вопреки их ожиданиям, никакого движения в церковной среде не вызвала. Благодаря силе своей натуры отец Г. Якунин преодолел этот кризис и продолжал борьбу за свободу религии. Отец Н. Эшлиман, который мог бы стать замечательным пастырем, сломался. Он попал под влияние одного странного человека, в результате чего эта маленькая группа священников, в начале единая, несмотря на все различия, раскололась. Отец этого человека был в свое время одним из чинов ГПУ и даже назвал сына именем Феликс, в честь Дзержинского. В 1937 году его расстреляли. После войны этот Феликс был завербован и стал осведомителем. Ему поручили проникнуть в тайное общество последователей йоги, он увлекся их идеями и заявил, что не станет продолжать эту работу. Посадили всех. В лагере его подозревали в стукачестве. Поэтому однажды его сокамерники, обнаружив настоящего стукача, заставили Феликса убить его ударом ножа и тем самым доказать, что он их не предавал. Придя к вере в годы своего

заклучения и будучи личностью экзальтированной, он жил в ожидании конца света. Обладал большим обаянием и мог влиять, особенно на новообращенных.

На появление двух писем отреагировала не только церковная среда; в конце концов, они привлекли внимание диссидентов, которые начали интересоваться положением Церкви. Солженицын был взволнован и даже вдохновлен отвагой двух священников. «Еще весной 66-го года я с восхищением прочел протест двух священников — Эшлимана и Якунина, смелым чистый честный голос в защиту церкви, искони не умевшей, не умеющей и не хотящей саму себя защитить. Прочел — и позавидовал, что сам так не сделал, не найдусь. Беззвучно и неосознанно во мне это, наверно, лежало и проворачивалось. А теперь с неожиданной ясностью безошибочных решений проступило: что-то подобное надо и мне!»^[100]

Наконец, эти два письма вызвали большой отклик за границей, где развернулась кампания в поддержку христиан России. Многие думали, что письма составлены Александром, в результате властям он стал казаться опасным. На деле он восхищался двумя священниками и высоко ценил моральное значение их выступления, но считал, что его призвание, как священника, заключается в другом.^[101] Он делал акцент на работу среди прихожан, на евангелизацию, на пастырский труд в общинах среди верующих и среди тех, кто искал веру. Он считал, что его призвание отвечать на духовные запросы, появившиеся в обществе. Как раз в это время, в 1966 году, много молодых и не особенно молодых людей неожиданно стало стекаться к нему. В новом приходе он был свидетелем, как скажет позже, «демографического взрыва». Можно было повторять слова Спасителя:

«Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве». Но «жатвы много, а делателей мало» — говорит также Писание.^[102]

Брежневские годы

Хрущев был свергнут путем дворцового переворота. Разумеется, партаппаратчики были ему обязаны: теперь они не боялись, как во времена Сталина, что их разбудят ночным звонком, чтобы с небольшим узелком отправить в тюрьму, но чувствовали, что могут утратить свои места в результате новой реформы, которую подготавливал их кипучий патрон. К тому же они опасались, как бы в итоге намеченных начерно номером первым преобразований, и, прежде всего, в результате десталинизации, которую он затеял (хотя накануне своего падения он уже начал давать задний ход), дело не кончилось бы гибелью всей системы. Выразителем стремлений этой касты, имя которой номенклатура, стал Брежнев. Чтобы спокойно пользоваться своими привилегиями, номенклатуре была нужна стабильность. Некоторые из «заговорщиков» хотели, казалось, вернуться к модели «чистого и сурового» коммунизма, но возврат к сталинским методам с соответствующими чистками был опасен для самой номенклатуры. Вот почему обличать преступления Сталина перестали, но реабилитировали его лишь наполовину.

Наиболее ярким знаком конца оттепели был суд в феврале 1966 года, приговоривший к суровому наказанию писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Их обвиняли в том, что они публиковали свои сочинения за границей под псевдонимами. Парадоксально, но этот первый большой политический процесс после смерти Сталина отмечен впервые явным и открытым проявлением общественного мнения: мало того, что обвиняемые отказались признать себя виновными, они подучили поддержку внутри страны. Была организована целая кампания по сбору подписей под петициями: подписались сотни. Новое руководство решило навести порядок и в социалистическом лагере, подавив Пражскую Весну 1968 года крупной военной операцией, на этом закончился «коммунизм с человеческим лицом». Отказ от политики десталинизации и оккупация Чехословакии положили конец надеждам на перемены, которые породил было XX съезд. Смутное недовольство, пассивное, но

массовое, нацеленное не столько на режим, сколько на каждодневные жизненные трудности, начало расти в стране.

Население начало пока в скрытой форме, но отказываться от официальных идеологических моделей. Его годами кормили обещанием рая на земле, годами призывали бросить все силы на коллективное строительство будущего коммунистического общества и т. п., но сейчас люди уже перестали вглядываться в это светлое будущее, поскольку оно не прекращало отдаляться по мере того, как предполагалось его приближение. Личность стала цениться больше коллектива.

С момента прихода к власти нового руководства, лица, ответственные за идеологию, не переставали говорить о своей обеспокоенности скептицизмом и «нигилизмом» молодого поколения, которое, как констатировал Брежнев, знало о великих подвигах советского народа только по кино. Пропаганда регулярно обличала пристрастие молодежи к джинсам и дискам. Партия восставала против неосознанности, эгоизма, против стремления к приобретательству и накоплению.

В обществе появилось желание обратиться к своему прошлому, отыскать корни, восстановить традиции и историческую

преемственность в культуре, разорванную большевистской революцией.

Внезапно родился интерес к древнерусскому искусству, к иконам и церковной архитектуре. Впрочем, власть пыталась направлять этот интерес в безопасное русло, а порою просто подчинить себе. Так было создано общество по охране исторических памятников. Оно быстро стадо насчитывать миллионы членов. Литература выдвинула новый тип героя. Строителей будущего, статуи которых стояли на площадях — напряженные мускулы и устремленные вперед тела — заменили кроткие крестьяне и крестьянки. А ведь прежде к ним относились с презрением, видя в них реликты прошлого, последних свидетелей нищей жизни и цивилизации, поглощенной коллективизацией. Этот литературный тип был введен Солженицыным, в пору, когда он еще публиковался в своей стране, до падения Хрущева, и был достаточно распространенным в литературе на протяжении всего брежневского периода. Героиня Матрениного двора — это образец смирения, самоотречения и милосердия. Бедная женщина, которую никто не замечал, была в действительности, как пишет автор в конце рассказа, «праведницей, без которой, как говорит пословица, не стоит ни одно село, ни город, ни вся наша земля». Писатели, разрабатывавшие в своих сочинениях эту тему, могли издаваться в СССР. В это же время за пределами официальной культуры развивалась, разумеется, в узких кругах, целая параллельная культура — хотя со своими собственными «средствами массовой информации» самиздат, затем тамиздат — (так называли книги на русском языке, изданные за границей и тайно ввезенные в Россию), магнитиздат — песни, записанные на магнитофонные ленты, а потом на кассеты, и циркулировавшие, как и книги самиздата. Сюда же нужно отнести выставки живописи художников, устраивавшиеся на частных квартирах, концерты и показ фильмов в институтских клубах для своих.

Диссидентство, наконец, пошло в гору. Оно никоим образом не было организованным движением, преследовавшим определенные цели, ибо главное место в диссидентстве заняла личность, отстаивающая свое право на инакомыслие. Об этом говорило и то имя, которое они сами себе дали: инакомыслящий. Так называли себя люди, рискнувшие в один прекрасный день нарушить правила поведения, предписанные режимом. Советский человек находился в таком

состоянии, когда надо было непрерывно следить за самим собой, обуздывать себя и заниматься самоцензурой.^[103] Механизм «двоемыслия» описан с клинической точностью английским писателем Оруэллом: «Знать и не знать, чувствовать себя вполне правдивым и говорить при этом тщательно сочиненную ложь, придерживаться одновременно двух мнений, взаимно друг друга исключаящих... Применять логику против логики, отрицать мораль и одновременно ссылаться на нее... Сознательно привести себя в бессознательное состояние, а затем заставить себя забыть тот факт, что вы только что подвергли себя гипнотическому воздействию».^[104]

Храм в Семхозе. 70-е гг.

Коммунистический режим стремился полностью подчинить себе все население. После официальных выступлений или докладов каждый должен был выразить одобрение, чтобы таким образом заявить о своей благонадежности. Надо сказать, что это отнюдь не

просто, когда говоришь, полностью отделить субъективное мнение. Подобные «ножницы» вынести очень трудно. Безусловно, в брежневские времена эти «ножницы» стали не столь большими, по мере того как идеологические выступления вбирали в себя все более пустые формулы и их непосредственно и немедленно не внедряли в жизнь. Что и объясняет почему официальные правила стали меньше действовать на людей. При всем том, люди вынуждены были повторять все то, что им вдалбливали по радио, через телевизор и прессу и на собраниях. Чтобы избежать этих «ножниц» между тем, что говоришь и тем, что думаешь, люди вступали в сделку с идеологией, пытаясь верить хотя бы в некоторые утверждения пропаганды, короче говоря, думать почти так же, как и говорить.

Диссиденты же, наоборот, пошли в противоположную сторону и решили говорить и действовать так, как они думают, рискуя (может быть не сразу, но без сомнения) быть пойманными в хитроумные сети репрессивных органов, что выражалось в неприятностях на работе, ночных анонимных звонках по телефону, угрозах, в том, что перед вашим домом целый день стоят в слежке люди, наблюдающие за всеми из черных машин, допросах, обысках. Поединок между человеком и огромным репрессивным аппаратом СССР требовал необыкновенной силы воли. Но героизм таил в себе опасность дестабилизации личности и это иногда оборачивалось против самой личности — борьба порою становилась самоцелью.^[105] Поэтому среди некоторых диссидентов были такие, кто проявив удивительную смелость, не смогли привыкнуть к нормальной жизни по возвращению из неволи.

Государство довольно долго играло с человеком в кошки-мышки, затем следовал арест, обвинение, допросы. КГБ оказывало на всех моральное, а при случае и физическое давление, затем следовал суд, приговор, и человек отправлялся в ГУЛАГ. Борьба с диссидентством была поручена Ю. В. Андропову, который возглавил КГБ с тем, чтобы ликвидировать последствия десталинизации. Процесс Синявского и Даниэля стал первым из целой серии политических дел.^[106] КГБ силился выбить из обвиняемого признание и «искреннее раскаяние», как в старые добрые сталинские времена, но достичь этого удавалось редко. В ответ начиналась новая форма репрессий: помещение на бессрочное время в «специальные» психиатрические больницы, где

«пациентов» наспиговывали сильными нейролептиками и пичкали инсулином в больших дозах.

Тем временем, то движение протеста, что начало формироваться на процессе Синявского и Даниэля, продолжалось. Опытные диссиденты прилагали все усилия, чтобы придать гласности каждый арест, каждый процесс и каждый случай помещения в психиатрическую лечебницу по политическим причинам. Создавались группы по защите прав человека. В 1974 году, благодаря Солженицыну был основан Русский Общественный Фонд помощи политическим заключенным и их семьям. Две крупные фигуры влияли на ход этой борьбы. Первым был А. Солженицын, который сравнил себя с человеком, стоявшим на коленях и постепенно, по ходу всей своей жизни выпрямлявшимся в полный рост, с человеком, заговорившим во весь голос после долгих лет вынужденного молчания.^[107] Он первый посмел начать лобовую атаку на советскую идеологию и неоднократно призывал не участвовать во лжи. Свой вызов властям он постоянно усиливал, появление книги «Архипелаг ГУЛАГ» произвело эффект разорвавшейся бомбы. В 1974 году власти его арестовали и насильно изгнали из страны. Вторым был А. Д. Сахаров, принадлежавший к числу советских ученых очень высокого ранга, которых режим лелеял и всегда старался удовлетворить малейшее их желание. Однажды он почувствовал (а вернее, чувствовал это всегда с рождения), что все то изобилие, в котором его топят, есть прах, что душа ищет правды.^[108] Он отказался от всего и целиком отдался борьбе за права человека. Присутствовал на всех политических процессах, оставаясь снаружи, если его не пропускали внутрь. Со всей страны люди разных национальностей приходили к нему за помощью.

На борьбу с диссидентством КГБ понадобилось пятнадцать лет. Кроме репрессий в этой борьбе он использовал также и другое средство.

Начиная с 1970 года, после того, как была начата бурная антисемитская кампания, под давлением международного общественного мнения, власти ежегодно давали разрешение известному числу евреев эмигрировать в Израиль. Советские люди, не имевшие ни малейшего отношения к еврейской нации, устремились в эту брешь. Они добивались того, что им присылали из Израиля приглашения, необходимые для того, чтобы покинуть Советский Союз.

Порой сам КГБ подталкивал людей к этому, чтобы таким образом избавиться от некоторых диссидентов, напрямик предлагая им выбор: «Либо вы едете на Запад, либо мы займемся тем, чтобы вас отправили на Восток». На Восток, то есть в Сибирь. Репрессии особенно усилились после вторжения в Афганистан в 1979 году и по случаю Олимпийских Игр в Москве в 1980 году. Именно в этот момент Сахаров был выслан на жительство в Горький, под надзор. После смерти Брежнева в 1982 году, когда Андропов встал во главе партии, они достигли высшей точки.

За годы, прошедшие после падения Хрущева, заметно изменилось отношение людей к религии. В одном из самиздатовских текстов, датированных началом восьмидесятых годов, наблюдатель констатировал: расспросите десяток ваших друзей, явно неверующих, и спросите их, существует ли Бог. Они вам тут же ответят: «Нет, Бога нет!». Затем, поразмыслив минутку, девять из десяти добавят: «Нет, но что-то, конечно, есть!» Речь здесь не идет — продолжает автор, — о суеверии или о предосторожностях «на всякий случай», но о чувстве глубоком, о том что существует духовная реальность вне видимого мира. Только люди не осмеливаются назвать это Богом. Это им так же трудно, как первый раз осенить себя крестом. У них появилось чувство, которое обязывает к чему-то очень серьезному, если произнести имя Бога без насмешки. Это было первое «да», и оно повлечет за собой целую серию других «да» и приведет к тому, чтобы многое пересмотреть в своей жизни. Те, которые говорили, что существует нечто, обычно добавляли: «у каждого своя вера». Часто под этим таились духовные принципы, моральные правила, определявшие, что хорошо и что плохо, несколько религиозных идей, достаточно смутных, но среди прочего содержащих убеждения в том, что ребенка надо крестить, родителей и близких отпевать в церкви, а над могилой ставить крест.

Отказавшись от проекта коллективного будущего, индивидуум замыкался в себе, его заботили, главным образом, карьера и личный комфорт, но многих все это приводило к мыслям о цели и смысле существования. Не все ставили перед собой эти вопросы четко, но в их поведении по отношению к вере, религии, Церкви чувствовалось нечто новое. Презрение и насмешка уступали место любопытству, даже уважению.^[109] «Молодежь наша — писал А. Левитин — часто

безрелигиозна, часто заражена антирелигиозными предрассудками, в следствии которых она рассматривает религию как порождение темноты и невежества. В ней, однако, нет антирелигиозного фанатизма и озлобления ее дедов, и все попытки профессиональных антирелигиозников во времена Хрущева раздуть антирелигиозный фанатизм окончились полным провалом. В ней нет и полного нежелания знать или замечать религию, в ней нет того холодного, презрительного равнодушия, которое характерно для отцов. Средний представитель молодого поколения относится к религии со смешанным чувством недоверия и интереса». ^[110] Молодые люди стали носить не только джинсы, но и кресты, к великому огорчению газеты «Комсомольская правда», органа Союза коммунистической молодежи. Газета эта обличала подобную практику, парадоксально объясняя ее успехами атеизма: «Что религия — это опиум для народа, знают все. Для большинства молодых эта формула столь очевидна, что ее смысл не доходит до глубины их сознания. Разве не в этом причина, по которой часть молодежи „открывает“ религию не как обскурантизм, а как красивое прошлое, как привлекательный обряд. Над современной, полированного дерева, мебелью стены украшены иконами. А тот или иной надевает крест, конечно, как предмет искусства, как дань моде...». ^[111]

Вот еще знак того, что отношение к религии изменилось: «коммунистические» надгробные памятники в форме пирамиды или обелиска, увенчанные пятиконечной звездой в эти годы вышли из употребления. На кладбищах почти над всеми свежими могилами вновь стали появляться кресты. В конце 70-х гг. в СССР внезапно появился новый обычай: массы людей стали ездить на Пасху на кладбища. В Москве, например, дошло до того, что городским властям пришлось организовывать специальные рейсы автобусов. ^[112]

Многие проявляли все возрастающий интерес к йоге, парапсихологии, аномальным явлениям, неопознанным летающим объектам, астрологии, оккультизму, ко всему тому, что представляет собой суррогат веры. Короче говоря, всем стало заметно непрерывно растущее стремление к духовному. Нам всегда внушали, что в церкви можно увидеть только старушек. Но теперь это уже были не те бабушки! Это женщины, которым в годы коллективизации было двадцать лет, до 70-х гг. они следовали общим курсом, а дорогу в

церковь нашли лишь выйдя на пенсию, когда их уже ниоткуда не могли исключить или уволить.

Стало очевидным, что религия больше не является достоянием старых необразованных женщин. Молодежь, интеллигенция, не только женщины, но и мужчины тоже обратились к Богу.

Перед храмом в Новой Деревне

В СССР в 70-е гг., состав присутствующих на богослужениях заметно изменился. В Москве и Ленинграде ходить в церковь было не так опасно, как в провинции. И хотя женщины в возрасте продолжали составлять большинство, но число мужчин особенно молодых и среднего возраста значительно возросло. Молодые люди от 18 до 30 отныне образовали заметную группу.

Те, кто пришел к вере, не получив домашнего религиозного воспитания и часто против воли семьи, составляли примерно треть присутствовавших на службах в двух столицах. [\[113\]](#)

«Когда вы видите свежие непривычные лица, уже неприметно вписавшиеся в пейзаж православных храмов в крупных городах, то можете быть уверены, что это не бабушки затащили сюда своих

подросших внуков, что те сюда пришли сами, едва ли получив какой-либо толчок извне... В семьях новообращенных атеизм не выветрился еще, вероятно, с тридцатых годов. Они пришли сюда из внутренних биографий, они вышли из истории своих душ» — объясняет Владимир Зелинский в одной из своих работ о путях нового поколения христиан, к которому принадлежит он сам.^[114]

Все чаще и чаще в Москве крестились дети коммунистов и даже старых чекистов. И еще, подчеркивал А. Левитин, дети из еврейских семей. Он с удивлением отмечал, что эти юноши и девушки, еще совсем недавно не думавшие ни о какой религии, становились христианами, что обычно вызывало резкие конфликты с родителями, нередко доходившие до разрыва. Их обращение, большей частью, совершалось стихийно.^[115]

Толчком для одного становилось чтение Достоевского. Для другого Бердяев; для третьего — изучение икон. Для четвертого — упражнения по системе йогов. Одна студентка рассказала, что занимаясь йогой, она случайно наткнулась на учебник, где предлагалось непрерывно, автоматически, без всякого выражения повторять «Отче наш», так как полагается повторять мантру. Она была потрясена. «Не то, чтобы моим глупым умом, но всем своим существом я поняла, что Он существует».^[116]

Один священник рассказывал, что до сих пор не может объяснить свое обращение. Почему к двадцати годам начал он посещать церковь, почему однажды осмелился подойти к священнику после литургии и попросить крестить его? Вся его семья решила, что он переутомился, измотан, сошел с ума и должен лечиться. Он пытался найти объяснение. Может быть, он обрел веру благодаря молитвам своей прабабушки. Может быть, это произошло потому, что он полностью отверг официальную доктрину вместе с ее «священными» авторами. А, возможно, в силу того, что слишком рано и слишком сильно полюбил Достоевского и В. Соловьева. «Со стороны поглядеть — все рождаются и умирают довольно просто и почти одинаково... но уверен, ни один наш рассказ о чьем-то рождении или смерти нимало не соответствует внутреннему опыту... Таков и путь каждого к Богу, каждое крещение, полагаю. Типология и социология сами по себе, а жизнь души сама по себе... Почему и как пришел не знаю».^[117]

Французский священник Жак Лев, сам обратившийся в зрелом возрасте, несколько раз приезжал в СССР, когда это было трудно и требовало большой осторожности, приезжал специально, чтобы встретиться с христианами. Он был потрясен тем, что от них услышал: в массе своей они обратились к Богу неожиданно, без какого-либо предзнаменования. «Я встречал мужчин и женщин от двадцати до тридцати пяти лет — живых, умных, образованных, нередко это были ученые, отнюдь не избранники судьбы и в то же время далеко не самые несчастные, люди выросшие в стерильной от всякой религии атмосфере. Имя Иисуса было им так же чуждо, как чуждо для нас имя какого-нибудь индийского божка. Но в один прекрасный день они „схватили“ Бога, подобно тому, как можно схватить грипп, не зная, где, от кого и как... Эти люди однажды во время прогулки или занятий йогой полностью уверовали в существование Бога, и не в какого-то теоретического Бога как в понятие, а именно в личного Бога».

«Это открытие ими Бога можно сравнить лишь с тем призывом, который был услышан Авраамом: „Пойди... (Быт. 12, 1)“. Авраам тут же пускается в путь. Путь этот долог. То же самое происходило с этими людьми. Где отыскать христианина, которому можно довериться, кого попросить, чтобы тебя крестили без того, чтобы об этом стало известно властям. Где найти Библию? Порою этот путь приходилось преодолевать годами, и лишь затем он кончался крещением».^[118]

Познакомиться со священником было достаточно рискованно, особенно в провинции. Кроме того, в силу своего происхождения, образования, полученного в семинарии, и вынужденной изоляции, обычный священник бывал плохо подготовлен к встрече с новым поколением верующих, которых от традиций Церкви отделяла настоящая пропасть. Священников, умевших разговаривать с этими мужчинами и женщинами, жаждущими живого слова, кое непосредственно соответствовало бы их личному опыту, было мало.

В Москве 60-ых годов таким был отец Всеволод Шпиллер, пользовавшийся большим уважением, особенно среди интеллигенции.^[119] Бывший эмигрант, возвратившийся в Россию после второй мировой войны, он был человеком большой культуры и независимого ума. На пастыри в воскресные вечера, во время Великого поста, в его церковь Николы в Кузнецких, стекалась многочисленная толпа и внимательно слушала каждое слово.

В эти же годы в далеком от центра районе служил отец Д. Дудко, крестивший немало взрослых. Его проповеди, простые и доступные, привлекали много народу. Он стал особенно известен, когда в 1973 году начал каждую неделю по субботам после всенощной проводить беседы, во время которых свободно отвечал на любые вопросы верующих. Людей здесь собиралось очень много, что вызвало раздражение гражданских властей, год спустя они потребовали перевести его в далекий от Москвы приход. Находившаяся недалеко от Кремля Церковь Ильи Ободяного в течение всего периода была для многих надежным местом духовного окормления. Служившие здесь священники, особенно отец Владимир Смирнов,^[120] делали свое дело скромно, но необычайно действенно.

В своих духовных поисках кое-кто из молодежи находил для себя наставников среди мирян, способных руководить духовной жизнью не формально, а в рамках чисто дружеского общения. Исполнял эту роль с прежним пылом, который не ослабили годы ГУЛАГа, Анатолий Левитин. Однако, в 1969 году он был вновь арестован и после трех лет лагерей, выслан из страны. По-другому поступала одна старая дама Ольга Николаевна;^[121] к ней, в ее комнату в коммунальной квартире в одном из районов старой Москвы приходили многие неопиты, которых она приобщила к жизни в Церкви.

Отец С. Желудков жил в Пскове, но регулярно приезжал в Москву. В 1968 году он прочитал письмо группы диссидентов, находившихся под судом, с призывами о помощи. Письмо это его сильно взволновало. И вот, в эту же ночь он видит во сне Папу Иоанна XXIII, умершего пять лет назад, который ему говорит, указывая на диссидентов: смотри, это хорошие люди, но среди них нет священника. С этого момента отец С. Желудков примыкает к правозащитному движению, по существу, становится свидетелем от лица Церкви среди диссидентов. ^[122]

Неофиты сумели найти нескольких монахов, известных своей доступностью и приветливостью, — среди них настоятель Псково-Печерского монастыря ^[123] и отец Таврион в Латвии. ^[124] Главной трудностью, в жизни неофитов, была их изолированность. Непонятые в своей среде, где им зачастую приходилось скрывать свое обращение, они, большей частью, в повседневной жизни не общались ни с кем, кто разделял бы их веру. В Церкви практически не было общинной жизни. Закон недвусмысленно запрещал прихожанам организовывать какие бы то ни было собрания, особенно молитвенные, или для изучения Библии, равно была запрещена любая благотворительность. В ответ на создавшееся положение несколько мирян проявили инициативу.

Сандр Рига, латыш, живший в Москве, поначалу вел беспорядочный образ жизни, вера пришла к нему внезапно. После крещения он очень скоро почувствовал губительность разделения христиан.

И вот, начиная с 1971 года вокруг него, католика, новообращенные христиане разных конфессий начали регулярно встречаться маленькими группами на квартирах. Это движение стало называться «экумена», хотя они практически не вели диалогов об экуменизме, как это бывает на Западе, а старались сосредоточиться на общей молитве, взаимопомощи, делах милосердия. Этим Сандр Рига и его друзья способствовали раскрытию смысла и важности общинной жизни для христиан. ^[125]

Александр Огородников, сын коммуниста, родился в 1950 году. Он пришел к вере, увидев фильм Пазолини «Евангелие от Матфея» на

просмотре в Московском институте кинематографии, где он учился и откуда его не замедлили исключить. Антиконформизм привел его к жизни хиппи. Затем он крестился в православной церкви и организовал религиозно-философский семинар. Это была группа молодых неофитов. Они регулярно собирались, дабы усовершенствовать свои познания в области религии, но, главное, им страстно хотелось жить «христианской общиной, соединенной любовью». Бывшие участники семинара сегодня подчеркивают, как много дал им он именно в этом смысле.

Новообращенных подстерегало много искушений. Одним нужно было самоутвердиться, порою они пускались в активизм и видели в нем подлинную христианскую жизнь. Другие принимали христианство за идеологию и надеялись противопоставить его советской идеологии. Третьи искали, как бы ускользнуть от советской реальности, и из своей веры устраивали себе убежище. Наконец, были такие, кто путал эстетическое чувство, проснувшееся в них от созерцания красоты богослужений, с духовной жизнью. Это приводило порой к глубоким потрясениям.

После отстранения Хрущева лобовые и массовые нападки на Церковь прекратились, но преследования продолжались в форме более скрытой, предпочитали административное давление. В 1965 году Совет по делам Православной Церкви был преобразован, его слили с другим органом и создали Совет по делам религий, подучивший более широкие и исключительные права. Примерно в это же время решено было создать при райсоветах комиссии, которым поручалось наблюдать за деятельностью священников и приходов. Были приняты разные постановления, направленные против «нарушений законодательства о религиозных культах».

Новая Конституция, принятая в 1977 году, не явно, но целым рядом ссылок на марксизм-ленинизм, возводила атеизм в ранг государственного вероисповедания. К верующим продолжали относиться, как к гражданам второго сорта, объекту для всякого рода дискриминации. Если становилось известным о чьих-либо религиозных убеждениях, человек этот мог быть уверен, что ему будет закрыт доступ ко многим профессиям, и что это будет мешать его карьере. В Москве и Ленинграде люди могли ходить в церковь, не подвергаясь большому риску, но в других местах все было по-другому.

Жители тех городов, где обычно было не более двух действующих храмов, не могли посещать богослужения так, чтобы их не заметили и не начали угнетать многочисленными неприятностями. Какая-нибудь пара венчается в церкви, родители крестят ребенка не таясь и проч., незамедлительно за этим следует выговор на работе и обработка на разных собраниях. Работники идеологического фронта стремились изолировать детей от всякого религиозного влияния. Семейный кодекс, утвержденный в 1968 году, обязывал родителей давать детям коммунистическое воспитание, обязательно атеистическое. Один советский юрист комментировал: «Закон не запрещает родителям самим обучать своих детей религии. Но о каком воспитании может идти речь тогда, когда некоторые верующие родители внушают им мысль о божественном происхождении всего сущего, в противовес подлинно научным знаниям, полученным детьми в школе?»^[126]

Наконец, издание религиозной литературы как и прежде велось в весьма ограниченном объеме: несколько литургических книг для духовенства, ежемесячный «Журнал Московской Патриархии», время от времени Библия или Новый Завет. Тиражи были столь незначительными, что книги эти (их никогда не продавали в книжных магазинах) не были доступны огромному большинству населения.

В защиту верующих, бывших жертвами репрессий, стали писать разные письма и петиции. Отцом Г. Якуниным был создан в 1976 году Христианский комитет для защиты прав верующих. Им за пять лет по каналам самиздата было распространено более четырехсот документов, содержащих факты, связанных с посягательством на свободу совести в СССР.

Регулярно раздавались голоса, обличавшие пассивность иерархии перед властью. В частности, громкий резонанс вызвало письмо, написанное в 1972 году Солженицыным Патриарху Пимену, который только что заменил Алексия I, умершего в 1970 году.^[127]

Начиная с 1979 года антирелигиозная политика вновь заметно усилилась. Казалось, что власть вдруг осознала, что среди молодежи пробудилось религиозное чувство и решила противодействовать этому. Кроме того, чтобы Московские Олимпийские Игры 1980 года протекали без инцидентов, посчитали нужным удалить из столицы некоторое число нежелательных персон. И, наконец, общим

ужесточением идеологии сопровождалось вторжение в Афганистан 1979 году.

Властям прежде всего казалось необходимым напугать и нейтрализовать активных христиан. Был арестован о. Г. Якунин и еще несколько членов Христианского комитета по защите прав верующих, несколько участников Семинара Огородникова (сам Огородников уже был в Сибири), и о. Д. Дудко. В июне 1980 года христианские круги были неприятно изумлены: о. Д. Дудко появился на экранах телевизоров и публично покаялся в своей прошлой деятельности. Его духовные дети были смущены. Он уже прошел через ГУЛАГ, и второй раз не устоял, после нескольких месяцев заключения и моральной обработки. На другой день после этого выступления по телевизору, его выпустили. В те же годы была организована целая серия процессов. Двое из обвиняемых признали свою вину и отделались тем, что были осуждены условно. Кто бросит в них камень? Они просто переоценивали свои силы, ведь именно они за пятнадцать лет до этого упрекали отца Александра за то, что он чересчур осторожничал, а один из них даже дошел до того, что сказал ему: мы принадлежим к разным Церквям. Зато остальные держались хорошо и были приговорены к нескольким годам лагерей и ссылке. В своем последнем слове, достойно и спокойно, о. Г. Якунин воздал благодарение за то, что ему позволено было принять участие в защите верующих. Огородникова судили повторно, он проявил себя бесстрашным, бросился к окну, широко раскрыл его и обратился с речью к друзьям, стоявшим снаружи. Оба продолжали борьбу в ГУЛАГе, в частности, объявляли голодовки, с тем, чтобы им разрешили читать Библию. В годы после смерти Брежнева репрессии по всему азимуту усилились. До 1987 года никакого затишья для верующих не было.

20.01.85 Семхоз. Празднование 50-летия

Пастырь нового поколения верующих

После разгрома «аббатства» и назначения в Тарасовку, условия, в которых он нес свое апостольское служение, больше не менялись на протяжении примерно двадцати лет, т. е. до тех пор, пока Советская власть в 1988 году не изменила радикально свою политику по отношению к религии. Отец Александр решил продолжать свою миссию скромно, держась в тени и стараясь, насколько возможно, избегать конфронтации с гражданскими властями. Он поставил себе целью быть доступным для нового поколения советской молодежи, той, которая начала освобождаться от иллюзий коммунистической идеологии и искала новых путей, отвечать на их вопросы, терпеливо вести их ко Христу. Во времена «аббатства» прихожан у него было немного, теперь же число людей, ищущих с ним встречи, постоянно возрастало. Молва о нем передавалась из уст в уста. Вся эта суэта вокруг него стала волновать настоятеля, который пристально следил за ним. Кончилось это тем, что он отправил донос в КГБ. Отец Александр обратился к владыке Пимену, бывшему тогда митрополитом Крутицким и Коломенским^[128] (позже он станет Патриархом), с просьбой перевести его в другой приход. Епископ тут же согласился на его просьбу, но прихожане не хотели отпускать второго священника, начали посылать петиции и в результате митрополит Пимен сообщил телеграммой, что отменяет свое решение. Благодаря своей популярности среди прихожан о. Александру пришлось еще целый год служить вместе со стукачом. Особенно тяжело было находиться вместе с ним в алтаре. В один прекрасный день настоятель соседней церкви, в десяти километрах к северу от Тарасовки, предложил ему поменяться с его вторым священником. Старый и больной, он хотел, чтобы ему помогал молодой и энергичный батюшка. Рокировка состоялась летом 1970 года, о. Александр покидал Тарасовку почти тайно. И вот, попробуйте-ка это понять, его бывший настоятель весьма огорчился, узнав об его отъезде! В Новой Деревне, куда о. Александр попал в эти дни, он будет служить до самой смерти, почти все время как второй священник. Пришлось ждать 1989 года, пока он не был назначен настоятелем.

Покинув Алабино, он должен был найти себе жилище, т. к. в Тарасовке, а потом и в Новой Деревне дома для священника не было. Тогда-то он и обосновался в Семхозе, небольшой деревушке, в деревянном доме с садом и весьма привязался к нему. Двери этого дома были широко открыты для друзей, прихожан и даже для людей незнакомых, искавших с ним встречи. Достоевский писал, что каждый человек должен знать, что где-то его ждут. Ну что ж! Семхоз и был именно таким местом, где каждого ждали в любой момент.^[129]

«Если бы меня спросили, как чувствует себя душа, попавшая в рай рассказывает один из его друзей — я ответил бы: точно, как в доме отца Александра. Ничего особенного, просто хорошо. Как никогда и нигде. Свободно. Светло. Тепло. Ничего лишнего. Волшебная гармония, насыщенная хозяином, исходила из каждого уголка и предмета».^[130] Можно себя чувствовать очень хорошо в самолете, не отдавая себе отчет, на какой высоте ты летишь...

Но в основном он принимал людей у себя в приходе. В Семхоз больше чем полтора часа езды от Москвы, дом не так просто найти, поэтому там о. Александр пользовался известным покоем, бесспорно, необходимым для того, чтобы не сорваться. Он любил возвращаться туда после изнурительного дня, чтобы оказаться не только наедине с самим собой, но и близко к Богу. Именно там он писал и поэтому часто повторял, что не смог бы написать все свои книги, если бы жил в Москве.

Все в этом доме было просто, но зато царил безукоризненный порядок. Для о. Александра даже за маленькими вещами лежит в основе привычка к творческой работе, присущей каждому христианину.

Он радовался оттого, что в 1988 году смог обосноваться удобнее, расширив свой дом, разумеется, ценой всех тех трудностей, без которых невозможны такого рода начинания в советской стране. Чтобы чем-то помочь жене, не пренебрегал домашней работой, часто ходил за покупками. На нем лежал весь тяжелый домашний труд и огород. Он считал, что сегодня в жизни супружеской пары не может быть обязанностей, лежащих только на жене, и умел готовить. Когда Натальи Федоровны почему-то не было дома, а у него случались посетители, он сам готовил им еду, смеясь, напевая, читая стихи.

Церковь в Новой Деревне. 1977 г.

Церковь в Новой Деревне, где он служил ровно двадцать лет, освящена в честь Сретения Господня. По-русски название этого праздника этимологически связано со словом «встреча». Встреча Нового Завета в лице младенца Иисуса с Ветхим Заветом. Младенец Иисус приходит, чтобы принести свет народам, т. е. неверующим. А когда Дева Мария подносит своего сына к Симеону, старец говорит ей: «И Тебе самой оружие пронзит душу»... Разве не является символом всего служения отца Александра тот факт, что храм посвящен Сретению?

Церковь — деревянная, несомненно, одна из самых простых и скромных в Московской области, любопытно, что построена она была после революции, но в другой деревне, потом ее разобрали и вновь соорудили в Новой Деревне, уже после второй мировой войны. Деревня расположена по обе стороны старой дороги, ведущей из Москвы в Загорск. Позже, в нескольких сотнях метров, параллельно, была проложена новая дорога, в стороне от деревень. В конце семидесятых годов эта дорога была приведена в порядок перед Московскими Олимпийскими Играми 1980 г., чтобы по ней проезжали иностранные туристы в Загорск и дальше в Ростов и Ярославль, где им показывали шедевры древнерусской архитектуры. Как-то раз,

комиссия, принимавшая эти работы, обнаружила, что по пути в Загорск иностранцы могут увидеть здесь церквушку, жалкий вид которой, возможно, произведет на них неблагоприятное впечатление. По этой причине храм увеличили, пристроив к нему более просторный притвор, кроме того, перестроили колокольню и паперть. Сделано это было со вкусом.

Железнодорожная станция, самая ближайшая, находится в нескольких километрах, в Пушкине.

Как во всех деревенских церквах, прихожанками новодеревенского храма были, главным образом, старые женщины. С приходом о. Александра состав прихода обновился. По воскресным и праздничным дням здесь стали теперь появляться новые лица: интеллигенция, молодежь, москвичи. Сосуществовать двум этим группам не всегда было легко. Не все новые прихожане знали, как нужно держать себя в православной церкви, как креститься. Некоторые во время службы складывали руки крест-накрест, молодые девушки входили в храм не покрыв голову или даже — о ужас! — в брюках. Конечно, находились бабушки, которые поучали их. Со своей стороны молодежь сначала презирала этих темных женщин, не понимая, как они выражают свою веру. Терпением и добрым отношением и к тем, и к другим о. Александр сумел добиться того, что обе группы приняли друг друга, несмотря на все различия.

Отца Александра часто представляют священником интеллигенции, но он отнюдь не пренебрегал простыми людьми: прихожанами из своей деревни и ее окрестностей. Сами они уважали его и верили в силу его молитвы. Он ходил по домам, бывал почти в каждой семье: причащал больных, соборовал умирающих, освящал дома. Его общительность и теплоту испытал на себе каждый. ^[131]

Рядом с церковью находился деревянный домик, где священники, певчие и псаломщики могли подготовиться к службе, приготовить себе еду, здесь же ночевали священники в случае необходимости, в те дни, когда длительность служб или их число не позволяли им возвратиться домой. В этом домике у отца Александра был маленький кабинет, где стоял диван, чтобы он мог там спать. Чаще всего именно туда приходили к нему люди. Если бы только эти стены умели говорить! Сколько мужчин и женщин, не веривших уже ни во что, обрели там смысл жизни! Сколько тех, кто потерял надежду, ушли отсюда с

новыми силами! Сколько их, пространно рассказывая о своем прошлом, впервые исповедали там свои грехи! Сколько тайно крестились и впервые осенили себя крестом, рукою тяжелой и напряженной, словно преодолевая какое-то физическое сопротивление!

Кто из духовных детей отца Александра не помнит о своей первой встрече с ним? Один из ваших друзей рассказывает вам об отце, объясняет где находится храм. И вот, однажды, на Ярославском вокзале в Москве вы садитесь в поезд на Загорск, выходите в Пушкине, там автобус довозит вас до большой дороги, и вы идете по нижней параллельной дороге, вдоль изб, пока не увидите среди деревьев маленький голубой купол. Вы входите в церковь и робко остаетесь в глубине ее, опуская голову в тот момент, когда все крестятся. Возможно, отец Александр, заметив незнакомое лицо, пока выходил к царским вратам, чтобы прочитать молитву во время службы, или обходя церковь, во время каждения, подал вам знак годовой. После службы, во дворе, вы подходите к нему, он просит вас подождать. Ожидание долгое, очень долгое, несколько томительное. Вы, вероятно, никогда не встречались со священником. Можно ли ему довериться? Наконец вас вводят в домик, а затем в кабинет. И там, с первых слов, которыми вы обмениваетесь, все опасения, вся недоверчивость рассеивается. Перед вами друг, он вас слушает и он уже вас любит. С отцом Александром было связано множество людей, и тем не менее у вас оставалось чувство, что ваша с ним дружеская связь такая, как ни у кого другого. Даже, если вы видите его очень недолго, даже, если вы не один при встрече, у вас всегда найдется момент для истинной встречи один на один, момент, в течение которого он будет весь обращен к вам. В каждом видит он уникальную личность и любит ее уникальной любовью.

Впоследствии вы не раз возвращались в Новую Деревню! Может быть, напевая что-нибудь из Галича. Галич крестился у о. Александра. Покинув Россию в начале семидесятых годов, он так и не смог привыкнуть к эмигрантской жизни; и в Европе он написал ностальгическое стихотворение «Когда я вернусь». Одна из строф его посвящена маленькой церкви в Новой Деревне:

«Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем
Когда я вернусь,
О, когда я вернусь!»

Итак, как и первый раз, вы пройдете сто шагов по двору, так же войдете в дом, в главную комнату, она служит столовой, и те, кто теснятся там вокруг стола, дожидаясь своей очереди, подвинутся и дадут вам место. И всякий раз терпение ваше будет вознаграждено, вас ждет все тот же прием. О.. Александр не довольствовался тем, что принимал новых или будущих верующих в Новой Деревне. Он часто встречался с ними в Москве. Тем, кто опасался быть замеченным в Новой Деревне, он назначал встречи на квартирах своих друзей. Часто он крестил и взрослых, и детей дома, поскольку в то время каждый, кто крестился или крестил своих детей в церкви, неминуемо привлекал к себе внимание и подвергал себя серьезным неприятностям. Но и

священники, которые крестили тайно, тоже рисковали. Священнику для того, чтобы получить приход нужно было не только получить назначение от епископа, но и зарегистрироваться у уполномоченного Совета по делам религий. Обнаружив, что он крестит на дому, местные власти могли лишить его регистрации.

Дружеские встречи и беседы с людьми, ищущими смысл жизни, всегда были для о. Александра поводом для неформального урока основам веры. Не надо забывать, что в Советском Союзе таких мест, где бы христиане могли встречаться вне богослужений, как это делается на Западе, не существовало; более того, это было запрещено законом.

Встречи эти имели некоторое сходство со встречами первых христиан. Конечно, они были далеки от идеала, описанного в Деяниях святых Апостолов, тем не менее, они уже включали в себя момент общинной жизни.

«Будучи священником, я стремился сплотить приход, сделать его общиной, а не сборищем случайных малознакомых людей. Старался, чтобы они помогали друг другу, молились вместе, вместе изучали Писание и основы веры, вместе причащались», — писал отец Александр. [\[132\]](#)

Всем, кто к нему обращался, он оказывал помощь, одновременно духовную, моральную и материальную. Если он кого-нибудь крестил, то в дальнейшем регулярно его исповедывал, причащал, крестил его детей, освящал квартиру, если человек переезжал на новую; давал советы, как должно строить супружескую и семейную жизнь, отношения на работе, помогал в научных занятиях, находил адрес нужного врача, соединял людей, способных оказать другим ту или иную услугу; при случае помогал материально — делал это незаметно, например, положив деньги в книгу, лежащую на столе. Из своего толстого, всегда битком набитого портфеля, часто извлекал маленькие подарки, причем ему всегда удавалось найти как раз то, что вам было нужно. Это был еще один знак внимания, которое оказывалось каждому.

Летом многие его друзья снимали дачи вокруг Новой Деревни. Новая Деревня — недалеко от Москвы, поэтому, живя там, можно ежедневно ездить на работу в центр столицы. Мать о. Александра тоже снимала в деревне комнату с верандой у одной старой женщины и многие бывали у нее, особенно по воскресеньям после литургии. Она, как и сын, была открыта каждому, тепло встречала всех. Таким образом, небольшая новодеревенская община летом еще больше укрепляла узы дружбы.

Поначалу это была просто группа друзей. Отец Александр опирался на них, и особенно на свою мать, чтобы помочь новообращенным. Он очень тревожился за них, предоставленных самим себе с их новой верой, совсем еще хрупкой, сочетать которую с жизнью во враждебной советской среде было крайне трудно. В эти годы им невозможно было довериться близким и даже ближайшим друзьям они бы их не поняли. Часто уже самостоятельные молодые люди, от двадцати до двадцати пяти лет скрывали от родителей, что поверили в Бога.

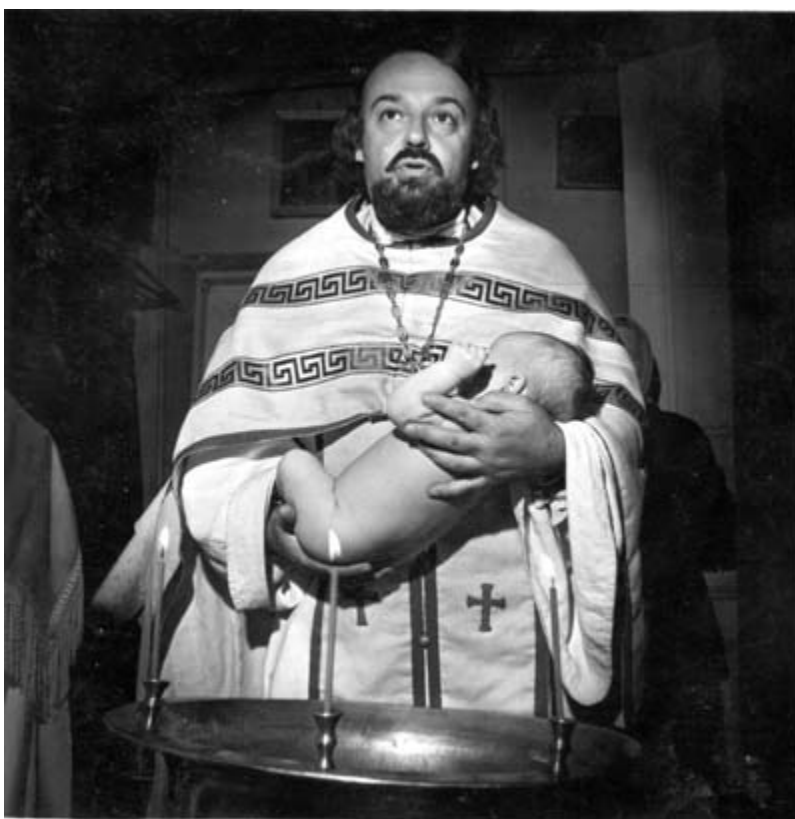
К концу шестидесятых годов этот кружок, еще не имевший определенной структуры, уже не мог отвечать на запросы всех, кто проходил через руки отца Александра, ибо таких становилось все больше и больше. Тогда он стал создавать маленькие группы с тем, чтобы они собирались регулярно, как правило, раз в неделю.^[133] Эти группы были ориентированы на общую молитву и на взаимопомощь, но при этом каждая имела свое лицо. Одни специально предназначались для катехизации тех, кто еще готовился к крещению или только что крестился. В других занимались богословием и историей Церкви, используя те книги, которые удавалось отыскать, как правило, дореволюционные или изданные на русском языке за границей, тайно привезенные в СССР. Использовались и книги на иностранных языках, но их нужно было переводить. Кстати, таким образом возникла целая серия самиздатских переводов из современной мировой христианской литературы. Собирались обычно дома у одного из членов такого кружка. Иногда у одного и того же, а иногда из осторожности, то у одного, то у другого, чтобы не привлекать внимания недоброжелательных соседей, которые могли донести.

Члены этих групп постоянно участвовали в богослужениях Сретенской церкви в Новой Деревне, но не всегда могли бывать там каждое воскресенье, и потому, что ездить было далеко, и, чтобы не слишком привлекать внимание. Однако отец считал необходимым, чтобы они приезжали сюда регулярно. Все собирались в дни больших

праздников и, разумеется, с особой радостью, в праздник Пасхи, называемый в православной Церкви «праздником праздников».

Таким образом, рождалась приходская жизнь, в особых условиях Советского Союза, где разрешено было только богослужение, а все иные формы церковной деятельности для верующих были запрещены и могли быть воплощены в жизнь только подпольно. Нельзя не отметить, что эти группы возникли одновременно с теми малыми общинами на Западе, где так остро был поставлен вопрос об объединении верующих вокруг таинства Евхаристии, но независимо от них. [\[134\]](#)

Крещение. Новая Деревня, июль 1978 г.

Отец Александр придавал большое значение таинству крещения и считал, что к нему надо готовиться. Взрослым, приходившим к нему с просьбой крестить их, он обычно говорил: подождите! Не торопитесь, читайте и перечитывайте Евангелие, надо им пропитаться!

«Когда вы действительно будете готовы, я это почувствую и сам назначу дату крещения».^[135]

«Приходит в церковь взрослый человек и хочет принять крещение. Это, конечно, хорошо, — писал отец Александр, — но радоваться еще рано. Вспомним, что сказал Господь: „Кто будет веровать и креститься, спасен будет“.^[136] Спасен, то есть приобщен ко Христу. Заметьте — сначала он должен веровать, а не смотреть на Таинство как на добрый старый обычай, который мать в свое время не успела или не смогла выполнить. Крещение не только дар благодати Христовой, но и принятие на себя ответственности перед Богом; оно выражает намерение жить по Его воле».^[137]

Что же касается маленьких детей, то от их имени берут на себя эти обязательства их родители. К несчастью часто родители, приходящие крестить своих детей, сами едва умеют осенить себя крестом. И тем не менее священники их никогда не отсылают, потому что детям нужна Божья благодать.

«Одно желание приобщить дитя Церкви, пусть смутное и безотчетное, Господь вменяет людям в веру. Нам же остается только молиться об этих детях, чтобы Сам Бог просветил их в дальнейшем».^[138]

Крещение — решающий этап в духовной борьбе, и иногда это проявляется ощутимыми знаками. Один из его друзей вспоминает о сомнениях, которые неожиданно овладели им, накануне дня крещения.

«Да что же ты делаешь?! — спросил он себя — Носить крестик, лобызать иконы, ставить свечки со старушками, говеть... Какого рожна? Как я мог дойти до жизни такой. По доброй воле отдать себя в объятия Церкви, поддакивающей государству во всем... Отец Александр Мень — просто исключение. А я, как всякий человек, не вписавшийся в систему, ищу утешения, способ забытья. Еще вопрос — есть ли эта вечная жизнь, Царствие Небесное?»

Решено, он не едет в Новую Деревню. Лег спать, но сон не шел. Вдруг у него началось своего рода помутнение разума. В глазах стали мелькать черные и белые полосы. Ничего подобного с ним никогда не было. Наконец его взгляд пал на стену, где висит образ Спасителя. Он с трудом перекрестился и мгновенно обрел спокойствие. Как и было предусмотрено, на другой день отец Александр его крестил. Тот поделился с ним всем тем, что испытал несколько часов назад. Тогда

отец извинился, что не предупредил его: это случается нередко, типичное нападение темных сил. Бывало, что люди, ехавшие креститься, засыпали в вагоне, а просыпались уже проехав остановку, а бывало садились не в тот поезд и оказывались совсем в другом месте. [\[139\]](#)

Отец Александр тщательнейшим образом наставлял тех, кто хотел креститься, внимательно следил за тем, чтобы привести их ум и сердце в должное состояние. В частности, он делал это, проводя их через долгую исповедь. Одна из его прихожанок вспоминает, как она удивилась, когда он предложил ей сесть в кресло напротив него и довериться ему как другу. Но начала повесть о своей жизни, длившуюся несколько встреч. [\[140\]](#) «Во время моей первой исповеди, — рассказывает другой, — он мне объяснил, что такое призвание, христианская ответственность, которую мы берем на себя, становясь учениками Христа. Крещение для него никогда не было просто обрядом. Он истинно крестил нас во Христе, Сыне Божьем, ставшем человеком». [\[141\]](#)

Членам малых групп отец Александр рекомендовал исповедоваться и причащаться, по крайней мере, раз в месяц.

В православной Церкви давно установился обычай, как раньше это было у католиков, причащаться только раз в году или в случае угрозы смерти. Такой обычай оправдывался греховностью человека, его недостойнством, но не соответствует практике древней Церкви. Правда, в России были люди, такие как преподобный Серафим

Саровский, которые советовали причащаться часто. После революции в пору преследований некоторые священники и маленькие общины мирян сами обнаружили жизненную необходимость в частом причащении. Общая практика, однако, оставалась прежней. Отец Александр принадлежал к числу тех, кто сегодня, в лоне православной Церкви, ратовал за возврат к частому причащению.

Чтобы подготовить верующих к принятию тела и крови Христовой, православная Церковь требует, чтобы причащались обязательно натощак (нельзя ничего ни есть, ни пить с вечера) и советует накануне причащения быть на всенощной, если причащаешься в воскресенье. К тому же принято перед причащением исповедоваться. Желательно, чтобы священники исповедовали до литургии, но обычно они вынуждены продолжать исповедь в течение почти всей службы, а иногда и вплоть до самого причащения. Если литургию служат в главном алтаре, исповедь проводится в боковых приделах. Когда народу бывает очень много, священник проводит общую исповедь. Такие общие исповеди нередко носят механический характер: священник перечисляет грехи по списку, а верующие мысленно каются в тех, которые они совершили. Потом, один за другим подходят к священнику за разрешительной молитвой.

Отец Александр не довольствовался перечислением грехов и всегда произносил проповедь, помогая верующим разобраться в самих себе. Здесь проявлялись одновременно его талант как проповедника, опыт духовной жизни и чуткое отношение к состоянию души каждого прихожанина. Неслучайно поэтому многих в эти мгновения охватывало такое чувство, что слова, произнесенные отцом, направлены лично к ним. Подходя к отцу за разрешительной молитвой, каждый мог поговорить с ним в течение нескольких минут. В свое время подобные общие исповеди ввел о. Иоанн Кронштадский. Позже, после революции его примеру последовали другие священники, в частности, о. Н. Голубцов, бывший духовным отцом о. Александра. Во время преследований, в эпоху Хрущева, о. Н. Голубцов мало проповедовал, вероятно, поскольку это было невозможно, зато он прославился своими общими исповедями. [\[142\]](#)

Однако о. Александр считал, что верующие не могут обходиться одной общей исповедью, но должны обязательно чередовать ее с исповедью индивидуальной, во время которой у священника с

прихожанином может быть установлен истинный личный контакт, и очень на этом настаивал.

Он придавал исповеди особое значение, подчеркивая одновременно и свою концепцию деятельности священника, и контекст, в котором он ее осуществлял.

Советская система оказала разрушительное действие на человеческие души. Иногда даже говорят об антропологической катастрофе, подразумевая, что она оказала такое же губительное воздействие на умы и сердца, как Чернобыль на физическое здоровье. Режим требовал от каждого участия во лжи, оно становилось проверкой на лояльность, а переживалось это как тайное унижение и наносило каждому глубокую рану. Сталин называл писателей «инженерами человеческих душ», подчеркивая этим, что личность можно конструировать на манер автомобиля. Чтобы исправить эту порчу, нужны были целители душ. Церковь, напоминая о. Александр, сравнивает духовника с врачом. Сам он был как раз таким врачом, терпеливым врачом, который сначала выслушает, ободрит, вселит большую надежду. Он лечил обильной любовью. Во время исповеди он, наверно, вспоминал слова пророка Осии, дважды повторенные Христом: «Милости хочу, а не жертвы».^[143] Вот что о. Александр говорил об отношениях верующих с их «духовным отцом», иначе говоря, со священником, перед которым они регулярно исповедуются. «Они не должны принимать никаких важных жизненных решений, не получив благословения, или, по крайней мере, не посоветовавшись с ним. Они должны пользоваться его указаниями во всем том, что касается молитвы, причащения, постов, служения людям. Следуя этим указаниям они также ставят свою жизнь в согласие с тем, к чему призывает Церковь».^[144]

К сожалению, сегодня в России некоторые неопытные священники, кстати, из числа неопитов, желая подражать старцам, превращают духовное руководство в настоящую тиранию. Отец Александр предупреждал об этой опасности, напоминая, что приходский священник не может брать на себя духовное руководство в той форме, что старец: «Нередко полагают, что в отношении к духовнику следует придерживаться принципа послушания. На самом же деле этот принцип приложим главным образом к монашескому образу жизни. Монах дает обет послушания и обязуется исполнять любое требование своего духовника. Приходской священник не предлагает мирянину такого подвига, а на себя не берет права давать непререкаемые указания. Он лишь напоминает церковные заповеди, руководит духовной жизнью человека, помогает ему в его внутренней работе».^[145] Он должен остерегаться патернализма и авторитарности.

Отец Александр хотел каждого привести к тому, чтобы он сам принимал решения. Он не хотел приказывать, настаивать. Он сравнивал свою роль с акушером, который всего лишь помогает матери

произвести на свет ребенка. Один из его друзей сказал: он был «выше и одновременно рядом».^[146]

Человек на редкость деятельный, он постоянно напоминал, что молитва неотделима от христианской жизни, что вера питается молитвой. Он сочинил небольшое практическое руководство к молитве, отпечатал на машинке и давал читать своим духовным детям, в частности, советовал не унывать перед трудностями, которые могут возникнуть при молитве. Это вопрос терпения. Один психиатр рассказывает какой диалог завязался между ними в день их знакомства. Отец Александр его спросил: «К вам, наверное, обращаются не только с болезнями, но и с вопросами — скажем, о смысле жизни? — Ищу сам, к кому обратиться — ответил психиатр с легкой иронией. — О смысле смерти... Мы тоже ищем. У нас, правда, есть одно справочное окошко, в него приходится долго достучиваться. По-нашему это называется молитвой»^[147]... «В античной мифологии рассказывается о гиганте Антее, он обретал силы, прикасаясь к земле, — говорил о. Александр, — мы, наоборот, чтобы обрести силы, должны на мгновение коснуться неба».

Все его друзья свидетельствуют о силе его молитвы. Нужно бы собрать свидетельства всех, кто утверждает, что исцелен был по его молитве. Например, один из его друзей, умирающий в отделении реанимации онкологической больницы, рассказал, что сознание стало к нему возвращаться, когда он услышал голос отца Александра, который пришел навестить его.

Все, кто знал его, поражался запасу его сил. Он никогда никому не отказывал во встрече, причем к нему можно было придти без предупреждения. И он все бросал, чтобы выслушать вас, если только не служил.

Как все это ему удавалось? Его работа на приходе, встречи с людьми у себя в Новой Деревне и встречи в Москве. Ответственность за группы, катехизация, научная работа, дорога из дома в Новую Деревню и в Москву. А еще он находил время быть в курсе культурной жизни и работать над богословскими трудами, писать статьи и книги. Он обладал необычайно мощной работоспособностью, могучей памятью и редким умением сосредотачиваться. С детства он научился не терять времени даром. Как только находилось свободное место в электричке, он садился, доставал из своего портфеля картонную папку, клад на нее лист бумаги и начинал писать...

Разумеется, среди его духовных детей были люди преданные, на которых он мог положиться. Он бывал рад совершить путешествие из Новой Деревни в Москву с кем-нибудь из них на машине. Тогда машина превращалась в настоящую штаб-квартиру на колесах!

Он умел использовать каждую свободную минуту. Если трудишься — трудись, если молишься — молись, если отдыхаешь, отдыхай, советовал он. Но ничего нельзя делать посредственно, бестолково. Не пребывайте праздными, не бездельничайте. Следите за тем, чтобы не «убивать» время, т. к. «убивая» время, вы убиваете собственную жизнь. [\[148\]](#)

Один священник, неплохо знавший его, однажды воскликнул: «Я тоже пастырь, и у меня полно работы, с утра до вечера. И каждый раз, когда мне попадается какая-нибудь книга, я одного не могу понять:

как, когда ему удастся делать все это?» Отец Александр ответил с улыбкой и показал глазами на икону. «А у меня договор. Я отдаю все, что имею и все свое время, и мне тоже по мере сил дается все успевать».^[149]

Объем деятельности отца Александра, конечно, нельзя измерить в цифрах, но, если уж на то пошло, можно привести вот такие: в семидесятых годах насчитывались десятки групп и вокруг каждой из них, в ее орбите, часто еще десятки лиц. Отец крестил в среднем человек пятьдесят в месяц, в основном взрослых. Благодаря своей духовной открытости, энциклопедическим знаниям, любви к литературе, искусству, интересу к наукам — он был идеальным собеседником для интеллигентов, от вопросов которых никогда не отделялся общими фразами. Сколько известных людей: ученых, писателей, художников им было обращено к Евангелию? Сегодня, когда прежние предосторожности отпали, мало-помалу, с удивлением обнаруживаются эти имена. Однажды, на выставке одного живописца, должно быть, это было примерно в 1966 г., когда он еще служил в Тарасовке — женщина, вся в черном, подошла к нему и сказала: «Похоже, вы очень хорошо умеете обращаться людей, а у меня есть несколько человек, которых нужно обратить». Это была знаменитая пианистка Мария Юдина. Они подружились и в дальнейшем нередко встречались для нескончаемых разговоров, часами вышагивая вокруг церкви в Тарасовке.

В эти же годы он познакомился с Солженицыным. Прочтя одну из его книг в самиздате, захотел увидеть его. Один из друзей отца Д. Дудко весьма тайно организовал эту встречу, поскольку, чтобы писать некоторые свои книги, Солженицын часто вынужден бывал таиться. Трое мужчин приехали. «Кто там?» спросили изнутри. — «Тот, кто нужен, тот, кто нужен», — ответил друг, не осмеливаясь назвать имени. Они были введены в дом и стали друг друга разглядывать. Судя по фотографиям, отец Александр воображал, что увидит человека угрюмого, сурового, но писатель оказался полным сил, веселым, улыбающимся во весь рот. Он излучал физическую энергию. «Я встречал известное число писателей, но никто из них не был так умен. Он воспринимал все мгновенно и обладал юношеским энтузиазмом, строил множество планов». В дальнейшем они встречались регулярно. Солженицын крестился в детстве, но вера в нем пробудилась позже,

хотя в христианстве он скорее видел этическую систему. Он прочитал некоторые из книг отца Александра еще до их публикации.^[150]

Отец Александр был связан с Надеждой Мандельштам, вдовой великого поэта.^[151] Она регулярно причащалась в новодеревенской церкви. Он посещал ее в Москве и соборовал ее за день до смерти.

Из всего этого отец Александр никоим образом не извлекал себе славы. Он совсем не был обращен на себя. Всегда оставался предельно смиренным, любил себя представлять как простого сельского священника.

«Если писателю скажут, что он „единственный“, — это его триумф, а для нас, священников, катастрофа. Мы рядовые, живущие присягой. Мы из той породы, которая „в одиночку в поле не войны“. Кроме того, от чувства самости успешно оберегают неудачи, ответственность, утомление и опасность. Увы! И вообще у меня научный склад ума, а наука учит смирению. Ну сделал то-то и то-то. Ну одной книгой больше. Что это в сравнении с безмерностью задач?». [\[152\]](#)

В чем моя вера

Накануне своей смерти отец Александр прочитал лекцию о христианстве. Вот как он ее закончил: «И если мы еще раз зададим себе вопрос, в чем же заключается сущность христианства, мы должны будем ответить: это Богочеловечество, соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным. Это освящение плоти, ибо с того момента, когда Сын Человеческий принял наши радости и страдания, нашу любовь, наш труд, природа, мир, все, в чем Он находился, в чем Он родился как человек и Богочеловек, —

не отброшено, не унижено, а возведено на новую ступень, освящено. В христианстве есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом. Но это победа Бога. Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир. Вот на этом закончу...»^[153]

Таковы были последние слова отца Александра, произнесенные им публично.

Все, чему он учил, было сосредоточено на Иисусе Христе. Один из его духовных детей вспоминает: «Отец Александр мог бесконечно говорить о Христе как о близком человеке, всякий раз находя в нем новые живые черты. В наше время, когда все слова уже сказаны и перестали работать, отец умел находить свежие и действенные слова, волнующие душу и зажигающие сердце».^[154]

Христианство, повторял он, это не сумма догматов и моральных заповедей, в первую очередь это Сам Иисус Христос.^[155] «Заметьте, — подчеркнул он по ходу этой лекции, — Христос не оставил нам ни одной написанной строчки, как Платон свои диалоги. Он не оставил скрижалей, на которых начертан закон, как Моисей. Не продиктовал Коран, как Мухаммед. Он не образовал ордена, как сделал Гаутама Будда. Но Он сказал ученикам: „Я с вами остаюсь во все дни до скончания века...“ Весь глубочайший опыт христианства на этом строится».^[156]

Поэтому вся христианская жизнь основывается на личном духовном опыте, на личной встрече с Иисусом Христом. Именно на встрече.

В этот же день он объяснил смысл известной христианской молитвы, основанной на повторении простой формулы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!».

«Повторяя различные молитвы, христианские подвижники могут быть уподоблены восточным, индийским, которые повторяют разные мантры. Здесь есть сходство и параллель. Но одна из главных молитв христианского подвижничества называется „Иисусовой молитвой“, где повторяется постоянно имя Родившегося, Жившего на земле, Распятого и Воскресшего. И вот эта христоцентричность главной христианской молитвы радикально отличает ее от всех остальных медитаций и мантр, потому что здесь происходит встреча, не просто концентрация мысли, не просто сосредоточение, не просто погружение

в некий океан или бездну — духовность, а встреча личности с Лицом Иисуса Христа, который стоит над миром и в мире». [\[157\]](#)

В этой лекции он употребил термин «богочеловечество». Это слово введено было русским богословом Владимиром Сергеевичем Соловьевым, оказавшим большое влияние на отца Александра. Этим неологизмом Владимир Соловьев обозначил основополагающий догмат христианства — о сочетании Бога с творением через воплощение Иисуса Христа. «Истина Богочеловека, уже пришедшего во плоти и еще грядущего в славе, эта единая истина содержит в себе всю полноту новозаветного откровения». [\[158\]](#)

Отец Александр настаивал на обязательном взаимодействии человека и Бога внушенного этим соединением, этим Союзом.

«Здесь, — например добавлял он, — коренное отличие христианства от йоги, которая думает, что человек может добраться до Бога, и вломиться к Нему, так сказать, по собственному желанию. Христианство говорит: ты можешь себя усовершенствовать, но до Бога добраться невозможно, пока Он сам к тебе не придет». [\[159\]](#)

И в то же время благодать Божия не действует без участия человека. Она не действует на манер волшебной палочки. Или, как таинственный газ в одном фантастическом романе, который распространяется по земле, и все люди тут же делаются хорошими. Этот союз требует большой активности, полного включения человека.

Евангелие делает нас участниками божественного творения, оно делает нас соработниками, соучастниками, ответственными.

Отец Александр напоминал о размышлении одного французского позитивиста прошлого века. В один прекрасный день он случайно зашел в церковь, музыка органа его убаюкала и он испытал чувство блаженства. Ему стало казаться, что он находится на неподвижном корабле. Все проходило, а корабль оставался с небесной музыкой органа. Его проблемы, все мировые проблемы показались ему ничтожными. Надо только давать этой музыке нести себя.

И тут отец восклицал: это не христианство, это «опиум для народа!» Для христиан, пытавшихся сделать себе из веры удобную лежанку, убежище, тихую пристань, формула Маркса содержит в себе предостережение!

Нет, христианство — это не печка! Принимая христианство, мы принимаем риск. Риск кризисов, богооставленности, борьбы. Мы вовсе не получаем гарантированных душевных состояний.

«Истинное христианство — это, если хотите, экспедиция. Экспедиция необычайно трудная и опасная. Именно поэтому так часто происходит подмена, и многие люди остаются у подножия горы, на которую надо взойти. Сидят в теплых шалашах, читают путеводители и воображают, что они уже на вершине этой горы. Так получается иногда и у нас, когда мы читаем писания мистиков и повторяя их слова, воображаем, что все в общем-то уже достигнуто».^[160]

Отец Александр регулярно возвращался к вопросу о двойственности в отношениях христиан с миром. Когда в своем Первом Послании апостол Иоанн говорит:

«Не любите мира, ни того, что в мире»,^[161] то под «миром», напоминал отец Александр, он понимает царство греха. Но в Евангелии у того же апостола мы читаем: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного».^[162]

Новый Завет аскетичен в том смысле, что учит нас забывать себя самого, бороться с грехом, очищать наши мысли, чувства, поступки, но не отворачивает нас от земной жизни. И тем не менее, со временем, появились христиане, вдохновленные идеями манихейцев,

ненавидящих все земное, и больше похожих на брахманов-самоистязателей, чем на учеников Христовых.^[163]

Берите пример, говорил отец, со святого Франциска Ассизского, он бросил все, стад нищим бродягой. На определенном уровне он отказался от мира; но на высшем уровне он его принял, как никто иной. Он любил природу, людей, животных, травы, воду так, как неспособен любить ни один язычник. Моя сестра — луна, брат мой — солнце. Но это не то, что античные боги, это совсем иное. Он совершил «диалектический оборот», покинул мир, чтобы в него вернуться, освятить его своей любовью и верой.

Отец Александр учил своих слушателей открывать присутствие Бога в мире. Все, что есть прекрасного и доброго в людях, все то хорошее, что они делают — все это от Бога, даже если они этого не подозревают. Потому что человек создан по образу и подобию Творца. Мы должны уметь увидеть сокровенное действие Христовой благодати в мире, говорил он. Мы никогда не должны отвергать добра, даже если его совершает неверующий. Напротив, мы должны этому радоваться.

Он не хотел, чтобы его духовные дети из числа новообращенных отрезали себя от жизни, душили бы свои стремления, переставали бы заниматься своей профессиональной или общественной деятельностью, что зачастую весьма соблазнительно. Наоборот, вера должна освятить все то положительное, что было в их жизни. «Христианин в современном мире» — он считал, что в этих словах заключена целая программа. Если бы нам следовало себя вести как людям XIX века, говорил он, Бог бы сделал так, чтобы мы родились в XIX веке.

На этом он настаивал по двум причинам.

Во-первых, ввиду того, что в восточном христианстве очень большое место занимает аскетизм. А дурно понятый, он может выродиться в презрение к миру и привести к полному отказу от культуры. Эта тенденция описана Достоевским в романе «Братья Карамазовы» в образе монаха Ферапонта — он проводил свою жизнь в постах и веригах. Отец Ферапонт противопоставляет себя отцу Зосиме, с его открытой духовностью, несущему традиции Оптиной Пустыни. Непримируемый аскет, он до такой степени ненавидит кроткого Зосиму, что, не колеблясь, устраивает после его смерти скандал у гроба покойного.

Во-вторых, новообращенным такой отказ от мира мог показаться единственной формой христианской жизни и по той причине, что они с трудом находили себе место в лоне советского общества, часто вынуждены были скрывать свою веру даже от близких и поэтому рисковали стать «внутренними эмигрантами», оказаться полностью чужими в своей профессиональной и общественной среде. Когда мы оказываемся с нашими друзьями, такими же, как и мы, христианами, советовал отец Александр, не надо воображать, что мы под стеклянным колпаком. Находясь в церкви, не будем забывать, что мы принадлежим нашему времени и живем в этом мире. А на работе, хотя не надо провокационно афишировать нашу принадлежность к христианству, то при этом надо чувствовать себя членами Церкви и ни на минуту не забывать, что мы свидетели. Нужно, чтобы люди понимали, что мы немножко не такие, как все... Но так, чтобы в тот день, когда они узнают, что мы принадлежим к Церкви, это стало бы для нее честью, а не наоборот.

«Я плохо понимаю резкое деление на „светское“ и „религиозное“. Для меня эти термины в высшей степени условные. Хотя в детстве мне объясняли, что есть „особенные“ предметы и темы, но это скорее вытекало из условий жизни среди чуждых по духу людей. Постепенно это деление почти потеряло смысл, поскольку все стало на свой лад „особенным“. Любая сторона жизни, любая проблема и переживание оказались непосредственно связанными с Высшим.

Жить так, будто религия остается каким-то изолированным сектором, стало невыносимым. Поэтому я часто говорю, что для меня нет, например, „светской литературы“. Всякая хорошая литература — художественная, философская, научная — описывающая природу, общество, познание и человеческие страсти, повествует нам об одном, о „едином на потребу“. И вообще нет жизни „самой по себе“, которая могла бы быть независимой от веры. С юных лет все для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется мне неблагодарностью к Богу, неоправданным ущерблением, обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать „жизнь с избытком“. Мне всегда хотелось быть христианином не „при свечах“, а при ярком солнечном свете». ^[164]

С особым вниманием отец Александр относился к культуре. Среди его друзей и духовных детей насчитывалось немало людей из мира искусства. В подлинном творчестве человек реализует Божий дар. Кстати, разве в одном византийском литургическом тексте сам Бог не назван «изрядным художником»? Любая творческая работа вписывается в божественное творчество, продолжая его.

Однако работа не должна быть самоцелью, деятельность человека не должна выродиться в «активизм». Наша короткая жизнь — это школа вечности, объяснял в одной из своих проповедей отец Александр. ^[165] Наша душа, личность, сознание, все то, что в нас божественного, должно расти и совершенствоваться. Вот почему нужно избегать, не давать увлекать себя потоку существования, нужно уметь остановиться и послушать Божий зов.

Приглашая видеть все прекрасное и хорошее в мире, он отнюдь не смотрел на него сквозь розовые очки, он прекрасно знал, как много в мире зла.

Однажды его спросили: «Существует ли дьявол?» Он ответил: «Увы! Я не только уверен, что он существует, но думаю, что в жизни

это видно. Есть зло от несовершенства, от страдания, от невежества, от голода и от многих других причин... Но есть и зло, которое не имеет природного происхождения, сатанизм, сидящий в человеке, который пытался описать Достоевский... Оно темное до конца, иррациональное до последней глубины... Мне кажется, что осатанение человека происходит не путем непосредственного заражения инфекцией зла, а путем открытия собственной воли навстречу этим темным силам. Всякий грех сначала человеком допускается, он открывает ему ворота, а когда сатана в нем поселяется и правит бал, тогда и рождается одержимость».^[166]

Если отец Александр призывал христиан жить нашим временем и не тосковать по прошедшим временам, это не значит, что он для них подслащивал евангельские истины. Нет. Он считал, что мы должны убеждениями, умом, всей жизнью оставаться истинными христианами.

«Я не сочувствую попыткам создать „секулярное христианство“, которые кое-где предпринимаются на Западе. Путь компромисса, связанный с именем епископа Робинсона^[167] и других „модернистов“, ничего „модерного“ не содержит.^[168] Все это очень наивно, поверхностно. Просто люди заворожены и оглушены „духом века сего“. Это далеко не ново и пройдет, как всякая мода».^[169]

Отец Александр призывал не смешивать Предание с «преданиями» и напоминал, что формы богослужения на протяжении веков менялись и что оставаться абсолютно неизменными они не могут.

«Евангелие отнюдь не отменяет обрядов. Ритуал — это живая плоть таинств, русло духовной жизни, ритм, объединяющий людей и освящающий повседневность. Он соответствует самой природе человека. Угрозой и тормозом обряд становится только тогда, когда в нем начинают видеть самодовлеющую ценность, когда за вечное и Божие выдают то, что — само по себе — имеет земное происхождение».^[170]

В то же время, правила, установленные Церковью, играют, в известной мере, ту же роль, что и наследственная устойчивость в жизни организмов. Никакое нововведение не принесет плода, если полностью отрываться от традиции.

Хотя она не должна стать самоцелью, тем не менее для духовного роста необходима дисциплина. Он не одобрял тех ортодоксов, для коих

главная забота во время поста составлять список продуктов, разрешенных и запрещенных. В то же время, он находил, что католическая Церковь слишком далеко ушла в сокращении и послаблении поста. Но она вернется к старому, — говорил он.

Известно, что с приходом к власти коммунистов, православная Церковь не смогла успешно завершить реформаторский труд, начатый в первые годы XX века, даже сама идея реформы долго была скомпрометирована сговором между «обновленцами» и большевиками. Тем не менее, появление нового поколения верующих, без малейшей христианской культуры, в среде полностью лишенной христианской веры, вновь ставит очень остро вопрос о реформе, в первую очередь, о проблеме богослужебной реформы. В частности, язык, которым пользуются при богослужениях малопонятен. Это положение не могло удовлетворить отца Александра. И тем не менее, он не позволял себе действовать «партизанскими» методами и брать на себя личную инициативу, не согласованную с предписаниями Церкви. К тому же он остерегался всяких перегибов и считал, что тут верный путь лежит где-то посередине.^[171]

Он вообще верил в значение иерархических принципов в Церкви, видя, в них «свойство структуры деятельного организма, имеющего практическое призвание на земле».^[172] Он не забывал, что в православной Церкви священник действует только как помощник епископа, может действовать только в единении с епископом, и поэтому он старался не нарушать связей с епископатом.

Разумеется, он отдавал себе отчет в слабостях иерархии, но говорил об этом редко. Он понимал трудности ситуации, в которой находились епископы, и принимал распределение ролей: иерархия вела переговоры с гражданскими властями, шла на компромиссы, чтобы обеспечить выживание духовных институтов, между тем, как священники и миряне могли играть более активную роль.^[173]

Отец Александр был открыт по отношению к другим христианским конфессиям, в частности, к католицизму. Его экуменические убеждения, окончательно сформировавшиеся к 1958 г., явились результатом долгих размышлений и поисков. Бесспорно на него имели определенное влияние труды Соловьева. Сильное впечатление произвела на него также личность Иоанна XXIII, он о нем много читал, будучи студентом.^[174]

Он любил цитировать слова владыки Платона, митрополита Киевского, умершего в 1891 г., говорившего, что «наши земные перегородки до неба не доходят». Разделение Церкви он объяснял причинами политическими или национальными, этнопсихологическими, культурными. «Я пришел к убеждению, что Церковь по существу едина, и что разделили христиан главным образом их ограниченность, узость и грехи».^[175] Отец Александр считал, что свое разделение христиане должны переживать как всеобщий грех и нарушение воли Христовой. Этот раздел будет преодолен отнюдь не путями превозношения, гордыни, самодовольства и ненависти, но в духе братской любви, без которой не может быть осуществлено христианское призвание.^[176]

Конечно, нужно чудо, чтобы восстановлено было реальное единство между христианами. И отец Александр верил в это чудо. «Но пока все же возможно преодолевать непонимание, агрессивное отношение друг к другу. Если члены разных общин будут лучше знать друг друга, это со временем принесет добрые плоды».^[177]

К сожалению, не все христиане способны признать достоинство других конфессий. Те, у которых вера не очень тверда, не чувствуя твердой почвы под ногами, предпочитают замыкаться в себе. Как-то один молодой человек стал время от времени посещать собрания баптистов и попросил совета отца Александра. Отец не стал его разубеждать, только объяснил ему, что он может оставаться православным, будучи открытым другим конфессиям. «Ах, как мне неуютно!» — ответил ему молодой человек. В конечном счете он стал баптистом. «Видите ли, — комментировал отец Александр, — этот молодой человек мог быть баптистом, не признающим православных, или православным, проклинаящим баптистов. Ему нужна была своя маленькая норка. Существует психическое заболевание — боязнь пространства. Кажется царь Петр Алексеевич страдал им. Он всегда велел себе строить маленькие дома, маленькие комнатки. Ну что ж! Эта болезнь существует также в истории религий».^[178]

Эту историю он рассказал в своем последнем интервью за несколько дней до убийства. Он добавил, что совсем недавно два или три человека покинули его приход, чтобы стать католиками. Тогда журналист его спросил, не думал ли он когда-нибудь о такой

возможности. Он ответил короткой фразой: «Для меня Церковь едина и я не считаю это осмысленным».^[179]

Отец Александр не одобрял переход из одной конфессии христианской в другую и считал, что межконфессианальные проблемы не могут быть решены подобными индивидуальными переходами.

Также он обращал внимание на то, что большие живые центры католицизма находились вне России, в частности, в Балтийских странах, и что в России переход в католицизм не позволил бы вести активную церковную жизнь.^[180]

Препятствия, чинимые гражданской властью для активной жизни верующих, не позволяли организовывать регулярные встречи между христианами разных конфессий, как это много лет уже водится на Западе. Только в индивидуальном порядке могли встречаться христиане, принадлежащие к разным конфессиям. Некоторые духовные дети отца Александра проводили, например, летние отпуска на берегу Балтийского моря и пользовались этим, чтобы встретиться с литовским католическим священником, отцом Станиславом.

Бывал в те годы в Москве известный католический священник отец Жак Лев. В молодости, чтобы свидетельствовать о Христе, он нанялся после рукоположения простым рабочим в Марселе. Потом он долго нес свое служение в бразильских трущобах. Вернувшись в Европу, создал в Швейцарии духовную школу для мирян. Отец Жак приезжал в Москву и с величайшими предосторожностями проводил на квартирах библейские семинары. Здесь познакомился с отцом Александром.

Отец Александр знал, что отец Жак не думал об обращении людей в католичество. Наоборот, он поощрял тех новообращенных, которых встречал, жить полной жизнью собственной православной традиции — неотъемлемого богатства единой Церкви. Кроме того, отец Александр встречался с французской монахиней, сестрой Магдаленой, которая, следуя пути Шарля де Фуко, основала Братство малых сестер Иисуса. Идеал жизни этой общины — годы безвестности, прожитые Иисусом в Назарете, в простой мастерской. Малые сестры во всех концах земли разделяют жизнь самых бедных, самых заброшенных из людей. Неся всем слово любви, сестра Магдалена странствовала по миру в грузовичке. Несколько раз была в России, останавливалась в

туристических лагерях и молилась в церквях. Отца Александра она встретила по пути.

Надо упомянуть и об экуменической общине в Тезе, основанной протестантским пастором Роже Шютцем. В поисках смысла жизни в это небольшое село на востоке Франции стали приезжать молодые люди из разных стран мира. Тезе стало центром большого молодежного движения, община попыталась установить связи и с молодежью Восточной Европы, несмотря на существующие тогда барьеры. Таким образом, в семидесятые годы братья из Тезе познакомились с христианами России и, в частности, с духовными детьми отца Александра. Отец Александр лично проявил внимание к опыту Тезе — как в деле примирения христиан, так и по работе с молодежью.

Среди духовных детей отца Александра насчитывалось много евреев. Число евреев среди нового поколения христиан в СССР семидесятых годов было фактом удивительным. Нужно уточнить, что равно, как и русские, так и представители иных национальностей, обратившихся в ту пору, все они не подучили никакого религиозного воспитания и росли в атеистической среде. Часто их связи с еврейским народом были чисто этническими, а порою сводились, в основе, к пометке в паспорте. Подчас человек осознавал свою принадлежность к еврейской национальности, единственно вследствие этой пометки. В дальнейшем стали пользоваться эвфемизмом: тот не поступил в Университет из-за пятого пункта; а у того неприятности на работе, также по причине пятого пункта... При Брежневе антисемитизм под видом борьбы с сионизмом стал составной частью официальной идеологии.

Параллельно в некоторых кругах, озабоченных возрождением русской национальной идеи, возник тезис, согласно которому бесчинства революции вменялись евреям. Надо отличать хороших большевиков (русских) от плохих коммунистов (евреев)! Антисемитизм обнаруживал, по мнению отца Александра, желание части советского общества отмыться от ответственности за преступления режима и все свалить на козла отпущения. Нужно было отыскать особую категорию людей, персонифицировать их и сделать ответственными за грехи всего общества.

Как пример он приводил разрушение в тридцатых годах Храма Христа Спасителя в центре Москвы. Постоянно подчеркивался тот факт, что приказ взорвать храм был отдан А. М. Кагановичем — евреем по национальности — одним из приближенных Сталина. Однако народ сопротивления не оказал, а сам участвовал в разрушении тысячи других церквей. На нем лежит часть вины. Но признаться в этом очень трудно. Итак, нужно было найти виновных, а евреи были идеальной мишенью. [\[181\]](#)

В результате атеистического воспитания, религия больше не была обусловлена национальностью, как это было в прошлом. Так же, как и русские не рождались православными, так же слово еврей не являлось синонимом приверженца иудаизма. До революции крещеный еврей автоматически становился русским, теперь этого не было. Между тем многим крещеным евреям было не по себе в русском православии из-за частого смешения православия с рускостью, а также антисемитизма части духовенства. Некоторые находили выход в католичестве. Отец Александр, несомненно, как по своей общей ориентации, так и по происхождению был им ближе любого другого. Он в высшей степени любил свою Церковь, страну, где родился, русскую культуру, которой он стольким обязан и в которой прекрасно разбирался, русскую святость с преподобными Сергием, Серафимом Саровским, святителем Тихоном Задонским, русские иконы и великих русских религиозных мыслителей. В то же время он полностью признавал свою принадлежность к еврейскому народу и видел даже в этом «незаслуженный дар». [\[182\]](#)

«Для христианина-еврея родство по плоти с пророками, апостолами, девой Марией и самим Спасителем — великая честь и знак двойной ответственности, как члена Церкви и как члена народа Божьего».^[183] По его мнению, еврей-христианин не перестает быть евреем, но еще глубже начинает осознавать духовное призвание своего народа. Переходя от неверия к христианской вере, он приведен к Библии, к традициям своих отцов. Еврей, исповедующий иудаизм, связан с крещеным евреем верой в единого Бога, связан Писанием, той же религиозной этикой, тогда как с евреем-атеистом только по крови.^[184]

Он утверждал, что Израиль был зарожден не столько как нация, сколько как религиозная община, и составлял скорее своего рода Церковь, нежели расу. Христианство расширило границы этой Церкви, чтобы туда вошли все народы.^[185]

Если большая часть евреев не принимает христианства, то это всего лишь еще один эпизод драмы, развернувшейся между Богом и людьми. Уже Христос жаловался на Иерусалим: «Ты не узнал времени посещения твоего».^[186]

«Эта драма началась с библейских времен. Совершается она и среди других народов. Ведь многие из них частично отошли от христианства. Я счастлив, что могу своими слабыми силами служить Богу Израилеву и Его Церкви. Для меня Ветхий и Новый Завет неразделимы. Впрочем, это бесспорный тезис в христианском богословии».^[187]

Просвещенная вера

Мы проповедуем Христа, вразумляя и уча каждого человека всей мудрости, чтобы привести всех к совершенству через единство с Ним, — говорил апостол Павел.^[188] Эта воля к наставлению была в центре служения отца Александра. Для этого он использовал любую представившуюся ему возможность.

Неутомимо наставлял в проповедях, бесчисленных беседах и разговорах со всяким, кто к нему приходил, и во время регулярных встреч со своими прихожанами. Одной из целей малых групп, основанных им, было именно наставление.

А главное, он продолжал свои устные наставления в письменном виде, и они были столь же изобильными. Однажды его спросили, что для него важнее: пастырское служение или писание книг. Он ответил, что не может разделить одно от другого.^[189] Книга была одной из форм его служения. Невозможно все время говорить, письменное общение с людьми тоже необходимо. «Книга — как стрела, пущенная из лука. Пока ты отдыхаешь, она работает за тебя!». ^[190] По правде говоря, отец Александр почти не отдыхал, но, тем не менее, послал много стрел и стрелы эти продолжали свою работу без него и продолжают ее по сей день.

Его целью было разрушить преграды, мешающие людям воспринимать Слово Божье. Преграды из культуры, предрассудков, готовых идей, стереотипов атеистической пропаганды, запавших в умы. «В своих книгах я стараюсь помочь начинающим христианам, пытаюсь раскрыть на современном языке основные аспекты евангельского жизнепонимания и учения. Наша дореволюционная литература, к сожалению, не всегда понятна нынешним читателям, а иностранные книги обращены к людям с психологией и опытом иными, нежели наши. Поэтому постоянно существует нужда в новых отечественных книгах. Особенно для тех, кто недавно вступил на путь веры».^[191]

Кроме того, чтобы поддерживать диалог с советским обществом и отвечать на вопросы атеистов, христиане должны уметь принимать вызов науки, которую официальная идеология объявила несовместимой с религией.

Его первая книга, названная «Сын человеческий» — книга об Иисусе Христе, рождалась из бесед с неофитами, бесед, начатых сразу после его рукоположения.

Писать свою книгу о жизни Христа он начал еще в отроческие годы. Но теперь понял, что она необходима, поскольку для большей части его современников, лишенных всякой религиозной культуры, текст Евангелия слишком труден и без ключа к его пониманию

недоступен. Многие, замечал он, бросали чтение с первой страницы из-за длинной родословной в начале Евангелия от Матфея, находя ее скучной и непонятной. ^[192]

Отец Александр хотел рассказать сегодняшним людям о земной жизни Иисуса так, чтобы они почувствовали себя ее свидетелями. Чтобы достичь этого, он опирался на все доступные данные истории, археологии, библейской критики, но всегда сохранял живой и доступный стиль для читателя как можно более широкого, указывая постоянно на общее между жизнью сегодня и эпохи Палестины времен Христа.

Отрывки из этой книги были напечатаны в виде отдельных статей с 1959 г. до 1962 г. в «Журнале Московской Патриархии», в котором, кстати, отец Александр долго не печатался. Полный же текст в течение десяти лет оставался в машинописной рукописи. Он давал ее читать близким, непрерывно перерабатывал, вплоть до того дня, когда с ней познакомилась одна француженка русского происхождения, которая с недавних пор работала в Москве.

Ася Дурова родилась в России до революции. Ее родители уехали в эмиграцию и нашли приют во Франции, где она получила образование в католической школе под Парижем. Ася стала католичкой и даже вступила в монашескую общину, которая содержала эту школу. При этом она оставалась глубоко привязанной к своей родной стране. В 1964 г. она с радостью приняла место, предложенное ей во французском посольстве в Москве, где ее русско-французская культура, приветливость, человеческое тепло очень скоро сделали ее незаменимой для исполнения множества служебных обязанностей. Там она проработала пятнадцать лет. Все члены дипломатической миссии и иностранный персонал, находившийся в советской столице, были заперты в «золотом гетто» (кстати, большая часть оттуда почти и не пыталась вырваться), но Ася Дурова не дала себя запереть. После работы она выходила из посольства, с независимым видом проходила мимо милиционера, охранявшего здание (а его задача состояла, главным образом, в том, чтобы наблюдать за тем, кто из дипломатов куда пошел), и погружалась в советскую толпу благодаря своей типично русской внешности и владению языком (родным языком!). На помощь ей приходил торопливо надетый на голову платок. Ася постоянно посещала своих многочисленных русских друзей, с

которыми она подружилась при самых разных обстоятельствах. Многие недавно крестились, поэтому она прилагала все усилия, чтобы оказать им духовную помощь в глубоко экуменическом духе, поскольку сама отнюдь не рассматривала свой приход в католическую Церковь как разрыв с православием.

Однажды в 1966 г. один из неофитов пригласил ее присутствовать на встрече с отцом Александром. Они долго разговаривали о положении духовной жизни и о безотлагательной необходимости в религиозных книгах. Ася принесла ему те книги, которые привезла с собой в Москву среди вещей, затем нашла способ тайно получать книги, изданные за границей на русском языке, благодаря трудам еще одной русской эмигрантки Ирины Михайловны Посновой, живущей в Бельгии.

В конце второй мировой войны И. Поснова встретила там русских, только что освобожденных из немецких лагерей, иди оказавшихся на Западе вследствие войны. Чаще всего они группировались в лагерях для беженцев по всей Западной Европе. Эти мужчины и женщины, пройдя сквозь предельно мучительные испытания, стали себе задавать множество вопросов духовного порядка. Чтобы им помочь, Ирина Поснова основала в Брюсселе христианский центр и издательство — «Жизнь с Богом». Она выпускала брошюры, соответствующие их менталитету, во многом обусловленному атеистической пропагандой, которую в них вбивали все их детство и юность. Таким образом, на протяжении пятнадцати лет Ирина Поснова посвятила себя служению этим выходцам из Советского Союза, оставшимся на Западе после войны. В 1958 году ей было дано вступить в контакт с представителями Советской России на Международной выставке в Брюсселе и тогда она поняла, что отныне должна предназначать свои публикации для тех, кто живет в СССР. Она предприняла большую работу по переводу и изданию, которая была полностью основана на ее самоотверженности, выдержке и вере. Принадлежала она к православной семье — ее отец был профессором Киевской Духовной академии. Так же, как Ася Дурова, она стала католичкой, ни в малейшей степени не отказавшись от восточной традиции, всемерно стремясь к единству Церквей. К тому же, с самого начала она сотрудничала непосредственно с одним православным священником, эмигрировавшим во Францию.^[193] Не скрывая свою

принадлежность к католичеству, издательство «Жизнь с Богом» тем не менее старательно занималось публикацией книг, отвечавших нуждам православных.

Новая ориентация, — волей неволей, вынуждала терпеливо изыскивать тайные средства для доставки опубликованных книг; они приходили вопреки обстоятельствам и на беду официальным пропагандистам атеизма в Советском Союзе. ^[194]

Вскоре, при содействии словенского католического священника восточного обряда отца Антония Ильца, Ирина Поснова потихоньку, без шума, осуществила огромный труд. К концу восьмидесятых годов каталог издательства содержал более сотни названий. Среди наилучших изданий — Библия и Новый Завет на русском языке с введением, комментариями и примечаниями, взятыми большей частью из Библии, изданной Библейской школой в Иерусалиме, и обогащенными дополнительными сведениями.

При посредничестве Аси Дуровой отец Александр стал получать книги из Брюсселя, а затем вступил в переписку с Ириной Посновой. Узнав о существовании его рукописи о Христе, она предложила отцу Александру ее напечатать. В это время авторы, которые не могли печататься в СССР, едва только начали посылать рукописи на Запад. Известны были лишь примеры Пастернака и Синявского и скандалы, вызванные ими. Солженицын еще не вошел в контакты с западными издательствами. Только в дальнейшем распространилась эта практика. Ася Дурова взялась передать рукопись. Решено было опубликовать ее под псевдонимом. И, наконец, в 1968 году «Сын человеческий» увидел свет. Это было началом долгого сотрудничества между отцом Александром и издательством «Жизнь с Богом», впоследствии опубликовавшим все его остальные труды.

«Писал я, конечно, без надежды на опубликование, — рассказывал он потом, — тем более было мне радостно, что все книги увидели свет и были так хорошо изданы». ^[195]

Издательство «Жизнь с Богом» также издавало книги, рекомендованные им или подготовленные под его наблюдением. Только среди людей, которых он лично знал, сотни подучили благодаря брюссельскому издательству духовную пищу, а они так в ней нуждались, — скажут они потом. Один из его прихожан скажет с юмором об этом, в виде загадки: «Вопрос: Где рождаются духовные дети? Ответ: В капусте... Брюссельской».

В эти годы Ася Дурова осуществляла двухстороннюю связь между брюссельским издательством и отцом Александром. Более того, в конце шестидесятых годов он ее связал с Солженицыным, не непосредственно — это было бы слишком опасно — а через нескольких посредников. Таким образом, был налажен первый регулярный канал преследуемого писателя с Западом.^[196] К рукописям отца Александра, которые Ася Дурова передавала на Запад, добавились рукописи, значительно более опасные — Солженицына.

Книга «Сын человеческий» попала точно в цель. Для многих это и был тот самый ключ, открывший им смысл Евангелия. Следующая книга отца Александра издана была издательством «Жизнь с Богом» в 1969 году на этот раз анонимно и была посвящена православной литургии «Небо на земле».^[197]

Тем временем, в начале 1960 г. он приступил к новому труду: большой истории религий человечества, она должна была состоять из шести томов под общим названием: «В поисках Пути, Истины и Жизни». Идеей этой он вдохновился у Владимира Соловьева, который считал, что анализ древних религий необходим для понимания всеобщей истории вообще и христианской, в частности. Когда Христос явился людям, они уже прошли долгий путь, на протяжении этого пути они удалялись от Бога, но и искали его «как бы ощупью», согласно словам апостола Павла в его речи перед ареопагом в Афинах. Великие религии и античная мысль составили своего рода прелюдию к Новому Завету и подготовили мир к принятию Евангелия.

Христианство сосредоточено на открытии Бога в личности Иисуса, «распятого ради нас при Понтийском Пилате», но его нельзя рассматривать как простой этап духовного процесса и еще менее того, как синтез всех философских систем и религий. Оно принесло ответ на все ожидания, надежды, во всяком случае, на большую часть из них. Самое сильное в христианской духовности это не отрицание, а способность соединить в одно целое, превзойти и довести до полноты.

«Как белый цвет поглощает спектр, так Евангелие объемлет веру пророков, буддийскую жажду спасения, динамизм Заратустры и человечность Конфуция. Оно освящает все лучшее, что было в этике античных философов и в мистике индийских мудрецов. При этом христианство — не новая доктрина, а весть о реальном факте, о событии, совершившемся в двух планах — земном и небесном. Ограниченное местом и эпохой, оно выходит за пределы временного. К нему сходятся все дороги, им измеряется и судится прошлое, настоящее, будущее. Любой порыв к свету богообщения есть порыв ко Христу, хотя зачастую и неосознанный».^[198]

Заниматься историей религий человечества до христианства отнюдь не значит уходить от современных проблем, отец Александр видел сходство между духовными поисками своих современников и путем наших предков навстречу Богу. Показать, каким образом люди прошлого искали Бога — это может озарить сегодняшнего человека. Более того, всякий раз когда люди, уже после открытия христианства, отступали от Христа, в конечном счете, они обращались к какой-нибудь доктрине или прошлой вере: к Будде, Конфуцию, Заратустре, Платону, Демокриту или Эпикуру. У самих христиан чересчур часто

констатировали возникновение доевангельского сознания. И не надо этому удивляться: прошлое человечества насчитывает сотни веков, и если взглянуть на две тысячи лет, то это очень короткий срок, чтобы люди могли полностью усвоить Евангелие. Отец Александр был убежден, что христианство делает лишь первые шаги, что Церковь еще только начинает свой путь, и что понадобится еще много времени, чтобы от Евангельской закваски взросло все тесто.

Если Соловьев только общими чертами наметил свой проект и не смог его осуществить, то отец Александр сумел довести его до конца. Нельзя не поражаться широте его знаний, особенно, если учесть условия, в которых он работал, никогда не прекращая своей пастырской активности. А что говорить о трудностях, с которыми он сталкивался, чтобы получить доступ к иностранным трудам, особенно, к самым последним изданиям. Он стремился дать читателю, лишенному религиозной литературы, максимум информации, всегда в очень ясной форме, доступной для не специалистов. Этот труд отличается синтетическим характером. Он не представляет разные религии отдельно одну от другой, но связанными между собой общим движением, в нем участвуют даже, по-своему, восточные религии. Он предлагает читателю непрерывную повесть духовной человеческой «эпопеи», на путях человечества к Истине, то идущего вперед, то отступающего, то сбившегося с пути и зашедшего в тупик, по образу народа израильского в его отношениях с Богом.

В конце шестидесятых годов отец Александр завершил пять первых томов, и они появились в Брюсселе между 1970–1972 гг. под новым псевдонимом.

Первый том «Истоки религии»^[199] содержит общее введение ко всей серии, где автор ставит своей задачей определить природу феномена религии. В эпоху, когда повсеместно стоит вопрос о «смерти Бога» и когда христиане на Западе готовились проповедовать Евангелие человеку абсолютно атеистическому, без какой-либо религиозной основы, отец Александр, наоборот, утверждал, что люди, говорившие о «гибели религии» либо близоруки, либо намеренно закрывают глаза на реальность, либо же являются жертвами дезинформации.^[200] Рассматривая все крупные новые научные теории, он показывает, что нет никакой несовместимости между верой и наукой, что это два подхода к познанию и они не только не должны

игнорировать друг друга, но взаимно дополнять и осведомлять на путях к истине.

Второй том «Магизм и единобожие»^[201] описывает духовную эволюцию человечества на заре истории. По ходу исторического периода преобладала вера в магизм. Для отца Александра существовала непосредственная связь между развитием магизма и первородным грехом — этого первоначального разрыва между Богом и человеком. Вера в магизм предполагала, что люди могли заставить высшие силы им подчиняться, и они сами становились «как боги». На самом деле, они превращались в пленников незыблемых магических ритуалов, веря, что это необходимое свершение для развития Вселенной, а оно надолго парализовывало творческую активность. Тем временем по ходу второго тысячелетия до нашей эры на Дальнем Востоке, как и на Ближнем, люди начали освобождаться, мало-помалу, от верований, основанных на магизме, между тем как в лоне народа израильского явилась вера в единого Бога.

Три следующих тома посвящены духовной «революции», вызванной в середине первого тысячелетия до нашей эры, от Греции до Китая, великими пророками, философами и религиозными реформаторами — влияние их ощущается вплоть до наших дней.

Магизм с его извращенными намерениями уступил место мистическому созерцанию. Индия и Греция искали путь к Богу через экстаз, абстрактную мысль, отказ от мира; Иран и Израиль — через доверие к Творцу. Абсолютная ценность земных благ была взята под сомнение и даже вообще отброшена. Порою, как в Индии, это проявилось борьбой с миром чувственным и материальным.

Большая часть крупных духовных учителей пересмотрели веру в космическую роль обрядов и сделали основой религиозного служения сферу нравственности.^[202] В доктринах этого периода лежат также истоки социальных утопий, тоталитарных идеологий и атеизма — всем этим отмечена современная эпоха.

Так третий том «У врат молчания»^[203] трактует о духовности Китая и Индии. А четвертый — «Дионис, Логос, Судьба»^[204] — посвящен греческой философии. Что касается пятого тома, «Вестники Царствия Божия»,^[205] в нем отец Александр воссоздает времена Библейских пророков от Амоса до возвращения из Вавилона. Их голосами религия Ветхого Завета достигла полноты. Они не только

возвестили приход Мессии, но это были истинные предтечи Евангельского откровения. Шестой и последний том, «На пороге Нового Завета»,^[206] появится только в 1983 году. В нем более восьмисот страниц это самый объемистый том всей серии. В нем проходят события трех последних веков до нашей эры. Эллинистическая цивилизация распространилась по миру как следствие завоеваний Александра Великого, в то время как наследие великих учителей распространяли их последователи — эпигоны и вульгаризаторы. Среди них нельзя встретить ни одной фигуры, которую можно было бы с ними сравнить. В этом процессе ассимиляции великие религии и философские доктрины выявили свой предел и свою слабость, порождающие реакцию разочарования. Это, в известной степени, — период кризисный, когда растет пессимизм и скептицизм. Часто люди пытаются укрыться в прошлом, в рутине магизма. Начались новые религиозные поиски.^[207] Человечество находится в состоянии ожидания, прежде чем не настанет, наконец, «полнота времен».^[208]

И если более десяти лет прошло между публикацией пяти первых томов и завершением последнего, то объяснить это можно, вероятно, не только объемом тома, но и интенсификацией пастырской активности отца Александра в семидесятые годы.

В это же время он составил путеводитель для чтения Ветхого Завета «Как читать Библию», опубликованный в 1981 г. в Брюсселе, на этот раз под своим именем.^[209] Он составил также комментарии к книгам Нового Завета, предназначенные для включения в Библию, издаваемую брюссельским издательством.

Отец Александр придавал важное значение знанию Библии. Его историю религий следует читать в непосредственном сопоставлении с Библией. Над Библией он никогда не прекращал работать, в этой области был пионером в своей стране, введя современную библеистику. Ситуация, в которую попала Церковь после революции, остановила нормальное развитие богословских изысканий и сделала это столь успешно, что вопрос интерпретации Священного Писания до сих пор остается открытым и фундаменталистское чтение по-прежнему широко практикуется. Из-за того, что он использовал данные современной библеистики, отец Александр должен был

регулярно защищаться от многочисленных нападков со стороны как и мирян, так и священников.

Последний большой труд, на который у него еще хватило времени до своей смерти, был семитомный Словарь по библиологии. Туда включены статьи о комментаторах Библии от Филона Александрийского и отцов Церкви до современных авторов, об основных школах и тенденциях толкований, о методах толкований, истории переводов и изданиях Библии и т. д. Он надеялся таким образом дать пособие, способное послужить обновлению библейской науки в России. ^[210]

Отец Александр не забывал и детей, для них он приготовил иллюстрированный альбом «Откуда явилось все это», изданный в Италии. ^[211] Для катехизации, для пробуждения веры он также старался использовать средства живые, кстати, годные как для взрослых, так и для детей. ^[212] С помощью друзей он приготовил разные диафильмы и кассеты. Самый большой успех выпал на долю диафильма под названием «По следам Иисуса». Для этого диафильма он использовал диапозитивы, сделанные по кадрам фильма Дзефирелли «Иисус из Назарета». Один француз его даже тиражировал в тысячах экземпляров для распространения по Советскому Союзу и многим этот диафильм открыл путь к Богу. ^[213]

Отец Александр очень любил кино. Он часто, смеясь, повторял своей жене, что в нем погиб крупный кинематографист. ^[214] «Все мои мечтания осуществляются, — сказал он однажды журналисту, когда его уже не ограничивали новые политические порядки, — кроме одной мечты — работы в кинематографе!»

«Это совершенно серьезно, — добавил он, — я хотел бы сделать серию документальных фильмов об основах христианства. Для меня идеалом было бы сделать фильм по Библии, одновременно документальный и художественный. Думаю, что так или иначе, но это будет осуществлено».^[215] Несомненно, это был один из важных замыслов, который ему оставалось осуществить, однако, смерть этому помешала.

Время испытаний

Отец Александр старался не совершать неосторожных поступков, которые могли бы скомпрометировать его духовных детей, и поставить под вопрос его пастырскую деятельность. «Главное у нас, — писал он в одном письме, — это терпеливая и неустанная работа, направленная вглубь». ^[216] Среди его друзей и духовных детей были диссиденты, но сам он держался в стороне от политической борьбы.

«Разумеется, я уважаю честность и смелость. Но считаю, что мне лично хватает моего непосредственного дела. Кроме того, я убежден, что свобода должна вырастать из духовной глубины человека». ^[217]

Для него христиане должны начинать с перестройки собственной жизни. Церковь еще не созрела для свободы, она не готова свидетельствовать. Таким образом, она должна делать акцент на

внутренних проблемах скорее, чем на проблемах отношений с государством.

Какие бы предосторожности он ни принимал, все равно это не могло избавить его от внимания полицейского аппарата. В 1964 г. он едва избежал тюрьмы. Власти не могли не быть информированы о его влиянии на молодежь и интеллигенцию. Он всегда был под наблюдением. Через определенные промежутки времени КГБ находил предлог ограничивать его активность, хотя, вероятно, они не знали истинного ее размаха.

В церковной среде на него тоже косо поглядывали. Его талант способен был вызвать зависть. Более того, советское общество отличалось мощным конформизмом: если вы действуете не как все, если проявляете независимость, явной становится ваша несолидарность с коллективом в его покорности перед системой. Настоятели храмов, где он был вторым священником, вели себя по-разному. Тот, кто его вызвал в Новую Деревню, был к нему расположен дружески. Другой довольствовался тем, что ему не мешал. Третий, наоборот, всячески старался мешать его общению с новообращенными. Кое-кто, как, например, настоятель из Тарасовки, дошел до того, что писал на него доносы. Тогда духовным детям отца Александра давалась инструкция — ее передавали из уст в уста — реже навещать Новую Деревню и временно не приходить к нему в кабинет.

Вероятно, следовало остерегаться членов приходского совета (знаменитая «двадцатка») — обычно они были наемными, нанимала их администрация. Равно следовало быть осторожным даже в сторожке, поскольку не все члены хора и церковные прислужницы были верными людьми. Иногда из КГБ присылали агентов слушать проповеди отца Александра, чтобы обнаружить что-нибудь ниспровергательное. Но это было смехотворно — отец Александр засекал их с первого взгляда!

На протяжении всего своего служения отец Александр получал угрожающие анонимные письма. На него регулярно писали доносы. Не чуждались и предпринимать атаки, связанные с его еврейским происхождением.

В 1975 году небольшой самиздатский машинописный журнал «Евреи в СССР» напечатал интервью с отцом Александром об

отношениях между евреями и христианами. Оно было перепечатано в русском православном журнале в Париже «Вестнике русского христианского движения».^[218] По правде говоря, это был экспромт, он здесь ограничился тем, что в общих словах ответил на некоторые вопросы, заданные ему у входа в храм после службы. Публикация эта вызвала бурный поток критики, хотя он утверждал в интервью, что лично никогда не сталкивался с выражением антисемитизма в свой адрес внутри Церкви. Однако в дальнейшем он был вынужден, подтверждая свои слова уже накануне смерти, уточнить, что так было до конца семидесятых годов, затем картина полностью изменилась.^[219]

Новая кампания развернулась против него. В обращение был пущен длинный анонимный пасквиль. «Вы меня не знаете, отец Александр, но я давно наблюдаю за вашей деятельностью... Придется объясниться с вами по-настоящему... Дело не столько в вас, сколько в тех видимых и невидимых силах, которые управляют вами... Условное собирательное имя этим силам — сионизм... Иудаизм тщательно скрывает от еврейского народа, что в глубине этой религии совершается поклонение диаволу... Вы являетесь „постовым“ сионизма в Православии. Между сионизмом и властями католической Церкви возник самый тесный союз... Заразить православных католическими настроениями... и т. д. и т. п.». Еще один текст, более тщательно подготовленный, также обвинял его за его позицию в отношении католицизма и иудаизма. Неоднократно текст этот направлялся к гражданским властям и церковному руководству: автор, как всегда, аноним, явно имел доступ к источнику информации, куда простому смертному доступа нет...

В Пушкине, в соседней церкви, настоятель в проповедях публично предостерегал прихожан против своего собрата. Вскоре пошли петиции против отца Александра.

А позже явилась на свет еще и лукавая клевета. Ах! Ах! Вы заметили: сколько лет отец Александр издает свои книги за границей и с ним ничего не случается. Вы думаете, что это было бы возможно, если бы..? Отец Александр... генерал КГБ! Эти товарищи любили подносить подобные сюрпризы: пускать слух, что их противники на самом деле — их сотрудники. То же самое они сделали с Солженицыным!

Отец Александр не позволял себе погружаться в эту атмосферу, он почти не говорил об этом, чтобы не тревожить своих друзей и духовных детей. Однажды его спросили: «А если попадешь в такую ситуацию, что тебя изводят те, от кого невозможно уйти, как в себе погасить неприязнь, желание отомстить, как не попасть в ловушки обиды?» Он ответил: «Нужно думать не об обидчике, а... об Иисусе Христе. Как только мысль об обидчике прокралась в голову, гнать ее. Чаще смотреть на облака, на звезды, устанавливать в себе такую тишину, как там, в вышине. А на обстоятельства смотреть как бы издали и сверху, словно вы умерли и просматриваете свою жизнь из другого мира... Нельзя погружаться в конфликты».^[220]

Отец Александр умел приспособиться к обстоятельствам, он интуитивно ощущал качание политического маятника. Когда чувствовал угрозу на горизонте, тут же предпринимал дополнительные меры, в частности, просил группы, чтобы их обезопасить, реже встречаться или вообще отложить встречи до поры, пока не пронесется шквал.

Например, он сразу оценил откуда дует ветер в 1979–1980 гг., запахло арестами. В апреле 1979 г. Центральный Комитет КПСС принял постановление «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Никто не обратил на это особого внимания, но он мгновенно понял, что верующим это не несет ничего хорошего...

И действительно, ему пришлось пройти через ряд допросов, но его не взяли.

К внешним атакам добавлялись разочарования в некоторых духовных детях, причем в тех, кому он особенно доверял и кому много давал. Одни порвали с ним под предлогом, что он не шел дальше, другие — что зашел слишком далеко... Возможно, их толкала воля к самоутверждению, согласно Фрейду, «убить отца» и избавиться от него? А возможно, он слишком понадеялся на натуры чересчур хрупкие, чересчур уязвимые? Несмотря на ответственность перед столькими жизнями, которую он нес, несмотря на трудности, на угрозы КГБ, висевшие над ним как дамоклов меч, на неприятности, о. Александр всегда оставался невозмутимо радостным.

Один из его друзей, говоря о нем, вспоминал размышления Ницше, который находил, что христиане не убедительны самым своим видом. Глядя на них, отнюдь не возникает впечатление, что Христос действительно искупил и освободил их. Ну что ж! — продолжал друг, — сказать это об отце Александре он бы не смог!^[221] Нет, его христианство не было унылым. Он даже хотел написать этюд о юморе Христа.^[222] Своей веселостью он был обязан не только характеру. Хотя в детстве он, говорят, был подвержен приступам меланхолии.^[223] Его веселость являлась результатом работы над собой, она питалась глубокой верой, личными отношениями с Иисусом Христом и заставляла его забывать, в каких условиях он осуществляет свое служение. Казалось, он наделен необычайной способностью к восстановлению внутренних сил. Порою он приходил к друзьям утомленным и мрачным, но достаточно было короткого мгновения, чтобы вновь засияла его улыбка на устах, и вновь отдавал он свою энергию присутствующим, как аккумулятор, который самозаряжается.

«Казалось, в могучей музыке его жизни, — рассказывает один врач, с которым он подружился — нет никакого самоусилия, никакого преодоления. Но так не было... Мало кто знал, что физическое его здоровье было далеко не идеальным. При врачебном осмотре непонятно было, на чем он держится. Неистощимость его только казалась телесной, земной. Это был иноприродный заряд».^[224]

Годы, последовавшие за смертью Брежнева, начались с повсеместного закручивания гаек. Сменивший его Андропов до этого в течение пятнадцати лет руководил КГБ и был в этих вопросах крупным специалистом. Он решил урегулировать проблемы страны крутыми мерами. Был усилен репрессивный арсенал. Изменен уголовный кодекс: теперь судьи могли изыскивать дополнительные мотивы для вынесения приговоров диссидентам и произвольно добавлять сроки тем, кто уже отбывал наказание. Разные меры были приняты, чтобы любые контакты с иностранцами считались криминальными. На политических заключенных давили все сильнее и сильнее, чтобы заставить их отказаться от бывшей активной деятельности.

В 1983 году Центральный Комитет коммунистической партии призвал к усилению атеистической пропаганды и это было грозным предупреждением для верующих. КГБ пошло в наступление на активных христиан.

Над отцом Александром также сгустились тучи. В этот год был арестован один из бывших его духовных сыновей, который с ним порвал после того, как принял католичество. В дальнейшем он даже стал тайным католическим священником и собрал вокруг себя небольшую общину. В злобещей Лефортовской тюрьме не выдержал и в своих долгих признаниях скомпрометировал многих близких отца Александра и его самого. На этот раз КГБ, казалось, решило добычу не упускать.

После допроса

Отца стали вызывать на бесконечные ежедневные допросы, куда он отправлялся как на работу. Несколько раз, пока он не возвращался, думали, что его уже арестовали. В Новой Деревне и в Семхозе несколько раз производили обыски. Отец вынужден был прекратить всякую деятельность. Вот тогда он и впрягся в энциклопедию — Словарь по библиологии. Это была работа — так он считал — полезная для России и требовала она меньше душевного спокойствия, чем иной труд. [\[225\]](#)

Среди близких многие спрашивали себя, не следует ли ему покинуть страну. Но он никогда не одобрял тех, кого соблазняла эмиграция. Одному писателю он, например, сказал, когда тот приехал прощаться перед отъездом:

«Писателю надо жить дома, рукописи могут бродить где угодно, искать издателя, а наше место здесь. Люди ждут Слова». [\[226\]](#) В это время шлюз для эмиграции был практически перекрыт, но у КГБ отнюдь не вызвал бы неудовольствие отъезд отца Александра.

Его иностранные друзья спрашивали, как ему помочь, на что он ответил запиской, наспех написанной клинописью, восходящими линиями, правда на этот раз они восходили не столь резко. На случай,

если бы послание попало во враждебные руки, он писал намеками, не расставаясь с юмором, несмотря на опасную ситуацию:

«Болезнь моя, которая угрожающе прогрессирует, есть просто часть общей эпидемии. Лекарств от нее нет, переехать в незараженный район возможности тоже нет (да и желания особенного нет). Остается верить, надеяться и жить дальше».^[227]

Сам отец глубоко верил в Провидение. Он, должно быть, хорошо знал, что Бог пишет прямо, но не прямыми линиями. Сколько раз повторял он: Если даст Бог! Когда Бог даст! Нет, у него здесь духовные дети и он не может их бросить. Его смирение особенно помогало выдерживать испытание, он думал о своих предшественниках по вере. «В юности у меня был духовный отец, священник Петр Шипков, он провел в лагерях и ссылках тридцать лет. Когда я думаю о том, через что он прошел, мне трудно говорить о том, что со мной происходит. Я вот что скажу: в трудные годы я познал ценность каждой минуты и благодарю Бога за то, что он дал мне служить непрерывно в течение четырех десятилетий».^[228]

В конце концов, отец Александр направил объяснительные письма, одно церковным иерархам, второе — в Совет по делам религий.

В марте 1985 года во главе коммунистической партии встал Горбачев. Поначалу казалось, он хотел оздоровить страну путем усиления дисциплины. В течение 1986 г. интеллигенция получила от него кое-какие знаки внимания, но в области религии внутренняя политика оставалась прежней. Так, в сентябре 1986 года «Правда» посвятила передовую статью усилению атеистической пропаганды, как она это делала ежегодно, примерно в одно и то же время с 1983 г.

Для о. Александра испытания не кончились. Перед этим, в 1984 г. был арестован еще один из бывших его духовных детей, с которым ему пришлось расстаться, поскольку его поступки ставили под угрозу весь приход. Во время следствия и на суде этот человек вел себя очень мужественно. Среди прочего его обвиняли в том, что он оказывал на своих друзей религиозное влияние, раздавал им религиозные книги... И только в лагере он не устоял. В начале 1986 г. он появился на экранах телевидения с бритой головой, исхудавший и признал, что занимался «политической деятельностью криминальной в плане гражданском и вредной для Церкви». Но прежде он послал отцу

Александру бесконечно длинное и неудобоваримое послание, написанное на невероятной тарабарщине, и явно вдохновленное людьми в погонах, желавшими ему «добра». Он приглашал отца искать «позитивов» коммунизма, главным образом (вот где высунулись кончики ушей КГБ, а это-то и интересно), он изобличал организацию малых групп, чтение религиозных книг, изданных за границей, и использование для катехизации диапозитивов и кассет: все это нелегально и поэтому противоречит учению Церкви!

Редкое фото. Конспиративная встреча с молитвенной группой

Вслед за этим, в апреле 1986 г. газета «Труд» напечатала большую статью с обвинениями в адрес нескольких православных: Александра Огородникова, находившегося в тюрьме, о. Глеба Якунина — в ссылке в Сибири, и даже о. И. Мейендорфа^[229] — ректора православной духовной семинарии в Нью-Йорке. «Кагебистская» болтанка, состоящая из обычных ингредиентов в такого рода беллетристике. Не обошли в ней вниманием и отца Александра, его обвинили в «организации религиозного кружка и распространении записей сомнительного содержания».^[230]

А между тем, вся эта морока подходила к концу. И что бы ни думали сегодня о позиции православного епископата в его отношениях с властями, отец Александр был благодарен за поддержку, которую нашел в лице своего епископа, владыки Ювеналия, митрополита Крутицкого и Коломенского, управляющего приходами Московской области. [\[231\]](#)

В это время, 26 апреля 1986 г. произошла Чернобыльская катастрофа, открывшая правящим кругам глаза на состояние разрухи в стране, возможно, именно тогда они осознали, что выправить положение одним принуждением, невозможно. В декабре того же года в тюрьме умер известный диссидент Анатолий Марченко. До него, уже после прихода Горбачева к власти, погибли шесть человек. Это последнее событие имело огромный резонанс повсюду и отметило конец постбрежневской зимы.

Апофеоз

Неделю спустя после смерти А. Марченко в Горьком, на квартире у А. Д. Сахарова, бывшей под непрерывным надзором, установили телефон, и в тот же день прославленному академику позвонил Горбачев. Их разговор положил начало освобождению первых политических заключенных. Среди них был о. Г. Якунин. Однако, пришлось ждать конца 1987 г., чтобы советские власти сделали первый шаг в сторону православной Церкви: было объявлено о возвращении двух монастырей, один из них — Оптина Пустынь.

Изменение советской политики по отношению к религии началось в 1988 г., когда православная Церковь праздновала тысячелетие Крещения Руси. Одним из главных сторонников новой политики был недавно назначенный председатель Комитета по делам религий К. Харчев — партийный функционер, занявший этот пост в 1985 г. и постепенно открывший для себя самого значение феномена религии. Во время одного закрытого совещания в марте 1988 г. в Высшей партийной школе он сообщил, что, несмотря на преследования, репрессии и административные принуждения, количество верующих не уменьшилось, а увеличилось. ^[232]

Он указал, среди прочего, что ежегодно по церковному обряду совершается миллион отпеваний. По его мнению, это было самым верным признаком религиозности, поскольку при жизни люди, из страха потерять работу, не смели обнаружить свои убеждения. «Мы привыкли думать, — продолжал он, — что в церкви одни бабки, но зайдите туда и вы увидите трудоспособное население нашего возраста и много молодежи». Идет интенсивный процесс, который нельзя остановить. Зато партия в силах его направить «в ту или иную сторону в зависимости от наших интересов».

В одной статье, опубликованной в атеистическом журнале «Наука и религия», Харчев с воодушевлением говорил о вкладе, который Церковь могла бы внести в общество — она призывает верующих активно трудиться на производстве, не пьянствовать, укреплять семью, выступает за охрану памятников национальной культуры. ^[233] Во время того же совещания он напомнил о сопротивлении, которое встретила в рядах партии идея принятия по отношению к верующим более гибкой политики. А когда по телевизору показали православных епископов во время какой-то конференции, у него раздались многочисленные возмущенные звонки. То же самое было, когда он поднял в верхах вопрос о преподавании Закона Божьего: «Я подучил по шапке! „Дожили мне говорили. — На семидесятом году советской власти воскресные школы! Ты в своем уме, что скажут люди?“ Прошу понять меня правильно. Я против воскресных школ, но ведь что-то делать

нужно». ^[234] В конце концов, после долгих колебаний, власть решила разрешить торжественное празднование тысячелетия Крещения Руси и сама присоединилась к торжеству. Два события послужили сигналом. В канун Пасхи 8 апреля 1988 г. газета «Известия» публикует интервью с Патриархом Пименом, а 29 апреля Горбачев принимает в Кремле Патриарха и вместе с ним высших представителей церковной иерархии.

Для отца Александра эти изменения означали выход из туннеля. Уже в 1987 г. в «Богословских Трудах», издаваемых Патриархией, разумеется, весьма малым тиражом, доступным лишь для узкого круга специалистов, была опубликована его статья о библейской науке в русской православной Церкви. ^[235] А ведь с 1966 г. в стране не было напечатано ни одной его строчки. По случаю тысячелетия он был удостоен церковной награды. А затем, впервые в жизни, ему разрешили поехать за границу, в Польшу, по приглашению православных друзей. Они надеялись, что отец пробудет месяц, что они смогут ему показать страну, но он торопился. Его интересовало, как работают здесь воскресные школы, издательства, центры для духовных упражнений. Он постоянно повторял, что времени не хватает, что в России очень много дел, и через неделю возвратился в Москву. ^[236]

Свою первую публичную лекцию он прочитал в Доме Культуры Московского института стали и сплавов 11 мая 1988 г. После лекции

(тема была тысячелетие Крещения Руси) ответил на целую серию вопросов слушателей о ходе торжеств, канонизации святых, приуроченных к этому событию, об устройстве православной Церкви, о ее месте в обществе, об отношениях между наукой и религией и т. д. Невиданное дело! Священник обращается к залу, полному студентов и преподавателей, в государственном учреждении! Бесспорно, ничего подобного не было с двадцатых годов, когда устраивались публичные диспуты между верующими и атеистами. Известно об устных состязаниях между блестящим вождем обновленцев А. Введенским и наркомом просвещения А. Луначарским. Но потом такие диспуты больше никогда не проводились.

В Москве, 5-го июня начались торжества по случаю тысячелетия Крещения Руси. Празднование проходило широко повсюду, причем, ему был придан официальный характер и оно довольно широко освещалось в средствах массовой информации. Этот факт был широко понят как реабилитация Церкви, которая могла теперь заявить о себе публично, выйти из «резервации», куда ее десятилетиями загоняли. У населения появилось чувство, что отныне государство не станет больше препятствовать религиозной практике. В это лето многие крестились, может быть не в силу настоящего обращения, но потому что им хотелось соединиться с традицией предков. В газетах начали печататься статьи, в которых делались попытки объективно рассказать о религиозной жизни. Все чаще и чаще стали появляться на экранах телевизоров храмы и фрагменты богослужения. Вскоре стали приглашать духовенство для участия в передачах там, где говорилось о «духовности». Слово таинственное, но оно стадо постоянно появляться в прессе. Законодательство, однако, оставалось неизменным. Местные власти по-прежнему были настроены к религии, как правило, враждебно. Правда, центральная власть сделала жест, но не был ли он временным, ввиду обстоятельств? Будущее оставалось туманным. Летом один из друзей отца Александра спросил его, что он думает о перестройке: он ответил, что оценивает ее весьма позитивно, т. к. пока охотники охотятся друг на друга, зайчик может попрыгать на свободе!^[237] Летом он, один из первых, поставил вопрос о том, чтобы в России были изданы произведения Солженицына, и чтобы писателю было возвращено гражданство, которого его лишили, когда изгнали из страны.^[238] Тем не менее, пришлось ждать еще целый

год, прежде, чем в журнале «Новый мир» смогли начать печатать «Архипелаг Гулаг» по частям.

Осенью отец Александр начал цикл лекций в одном из клубов Москвы, на Красной Пресне, на тему: «Христианство, история, культура». А 19 октября состоялось событие, еще более неслыханное: его пригласили в столичную школу для беседы со школьниками. Даже «Известия» сообщили об этом.^[239] Отныне ритм его публичных выступлений непрерывно возрастал. За два года он прочитал примерно двести лекций, среди них много циклов, посвященных Библии, истории Церкви, мировым религиям в жизни человечества, русским религиозным мыслителям, комментариям к Символу Веры.

Выступал он обычно в черной рясе с наперсным крестом на груди. Испытания густо посеребрили его волосы и бороду, аккуратно подстриженную, но лицо оставалось молодым и было необычайно прекрасным, с печатью нежности. В его черных сверкающих глазах одновременно читались доброта и ум. Говорил он — а голос у него был мягкий (баритон с легким низким звуком) — без каких-либо записок или бумажек, передвигаясь по маленьким залам или по сцене с

микрофоном в руке. Лицо его было удивительно выразительным, все время в движении, порою серьезное, порою — озаренное улыбкой, а улыбка — то нежная, то шутливая, то очаровательная. Он словно вел со слушателями диалог, таков был всегда его тон. После лекции на объявленную тему он обычно отвечал на вопросы аудитории. Чаще всего их писали на бумажках и передавали по рядам, а он их одну за одной разворачивал. Причем, даже когда оставалось совсем мало времени, он досконально отвечал на самые трудные вопросы.

Когда ему задавали личный вопрос, он умел найти особый личный ответ. Вот как свидетельствует об этом одна журналистка. Она присутствовала в пригородном клубе на одной из встреч с о. Александром. В тот вечер вопросы слушатели задавали сами, выходя один за другим на сцену. Вышла худенькая женщина и стала рассказывать ему о тех бедах, которые довелось ей испытать. «Отец Александр начинает отвечать ей, и я не слышу ни одного его слова. Он говорит только той худенькой женщине, ей одной. Каким чудом, какой акустической загадкой объяснить: то, что произносит священник, понимает только один человек. Тот, к которому обращена его речь».

[\[240\]](#)

Что же касается «неуместных» вопросов, он мгновенно и метко на них реагировал, так, что аудитория сотрясалась от хохота. Люди слушали его жадно. Были, конечно, и провокационные вопросы типа: «что вы, еврей, делаете в нашей православной Церкви?» В ответ он

спокойно объяснял, что для христианина нет «ни иудея, ни эллина».
[241]

Страна уже мало-помалу шла к плюрализму мнений, но руководство от коммунизма все еще не отказывалось, и все коммунистические символы оставались на прежних местах. Так вот — юмор Провидения и знак ненадежности ситуации — в Доме культуры завода «Серп и Молот» он провел цикл лекций по истории религии. Или еще, он выступал на сцене, где из конца в конец был протянут плакат с лозунгом: «Дело. Ленина будет жить в веках!» Дважды отец Александр участвовал в диспутах с атеистическими пропагандистами, но они были столь бесцветны, ничтожны и нелепы, что больше никто не рискнул повторить этот опыт. [242]

В октябре 1988 г. одна из его статей впервые появилась в «светском» журнале (то есть изданном не патриархией). Вслед за этой публикацией в 1989 и 1990 гг. было напечатано еще статей тридцать в самых разных видах прессы, включая журналы с очень большими тиражами. И все-таки при жизни ни одна из его книг в России издана не была. Некоторые недоуменно спрашивали себя, почему этого священника, о котором они никогда прежде не слыхали, приглашают выступать повсюду, почему у него такой успех и, наконец, почему он стал так популярен? В прошлом о. Александр много раз повторял слова отца Сергия Желудкова: «Самый трудный момент настанет для Церкви, когда нам все разрешат. Тогда нам станет стыдно, потому что мы не будем готовы „свидетельствовать“, мы к этому плохо готовимся...» [243] «Когда у нас будет что сказать, Бог даст нам трибуну и даже телевидение» — шутя, сказал он однажды. [244] Но он, как раз, был готов. Вся его пастырская деятельность, все книги, им написанные, накопленные за десятилетия знания подготовили его к этой встрече с советским обществом, когда это вдруг стало возможным. [245] А сколько было застигнуто неожиданным приходом свободы, совсем как неразумные девы из притчи: у них, пока они ждали жениха на свадьбу, погасли светильники, и тут он пришел.

Но вот телевидение действительно заинтересовалось вопросами религии. Что же оно показывало? Голубые купола в звездах, золотые ризы, хоругви, хоры, исполняющие великолепные песнопения, духовенство, произносящее елейные фразы, отлитые в риторические формы XIX века — напыщенные и возвышенно пустые. Смотря одну

из таких передач, отец Александр прокомментировал: «Конечно, спасибо за это. Кто мог бы подумать, что мы доживем до такого... И все же все это вряд ли имеет отношение к религии. Просто распались тоталитарные скрепы. Колоссально возрос разгул преступности. Государство растерялось. Хочет при помощи Церкви установить какие-то моральные нормы. Обратите внимание — никто, даже иерархи, выступающие по телевизору, никогда не проповедуют Христа, Бога, не говорят о самой сути того, что мы знаем, во что верим. Сладенькие пейзажики с церквями, что продают на Старом Арбате, вот и вся „духовность“. Должен сказать, даже и это может кончиться в любую минуту. Нужно спешить! Нести людям подлинное слово Христа, а не какой-то эрзац для бедных».

[\[246\]](#)

Отца Александра тревожило то, что он видел в среде духовенства: все возраставшая тенденция, носящая характер тоски по прошлому, враждебности ко всему непривычному, антиэкуменические настроения и оппозиция к любой реформе. Это была реакция на деструкцию всех национальных ценностей коммунистическим режимом. Кстати, законная жажда обрести свои корни, утвердить их подлинность принадлежит не только православию, ее разделяют верующие всех религий в бывшем Советском Союзе. Но развитие этих тенденций чревато опасностями, особенно когда происходит соединение крайнего

национализма с клерикализмом, когда смешивается православие с национальностью. Идеализируя прошлое, забывали, что Церковь XIX века несет на себе часть ответственности за катастрофу 1917 г. В прошедшие десятилетия Советская власть могла себе позволить радостно представлять Церковь в виде осколков прошлого мира.^[247] Нет. Церковь не музей! В одной из последних проповедей отец Александр говорил, что он счастлив, что государство возвращает церкви верующим, их реставрируют, но добавил, что, если мы не обратим наши сердца, не изменим жизнь, они останутся пустой скорлупой.^[248]

Тем временем зигзагообразно шла перестройка. Весной 1989 г. был избран новый парламент Советского Союза — Съезд народных депутатов СССР. Хотя коммунистическая партия сохранила свой монопольный статус, но впервые с момента установления Советской власти на одно место могло баллотироваться несколько кандидатов. Первая сессия, открывшаяся в июне, прошла очень бурно. Некоторые депутаты прямо обвиняли во всем коммунистическую систему. В течение пятнадцати дней жизнь, казалось, замерла: население застыло перед экранами телевизоров, заседания транслировались целиком. Однако перед этим в Тбилиси диким образом усмирили мирную демонстрацию над студентами, объявившими голодовку, учинили резню солдатскими саперными лопатками. Что же касается религии, тут власть снова заколебалась. В мае 1989 г. председатель Совета по делам религий Харчев был отстранен от должности, а идеологическая комиссия Центрального Комитета партии отклонила проект закона, имевшего целью либерализацию условий существования религиозных организаций. Закон о свободе совести будет, наконец, принят только в октябре 1990 г., месяц спустя после смерти отца Александра. Возвращение церквей продолжалось, хотя часто местные коммунистические власти всячески тормозили это и верующим приходилось объявлять длительные голодовки.

В октябре православная Церковь праздновала 400-ю годовщину установления Патриаршества на Руси. Впервые с 1918 г. торжественное богослужение проходило в Кремле, в Успенском соборе, после революции превращенном в музей. Патриархия тогда канонизировала патриарха Тихона. Надо сказать, отец Александр

испытывал к нему особое глубокое почтение и регулярно поминал его на литургии.

На Пасху архиепископ Парижский кардинал Люстиже был с официальным визитом в СССР по приглашению Московской патриархии. По дороге в Троице-Сергиеву Лавру он настоял, чтобы остановились в Новой Деревне, и сам смог поговорить с глазу на глаз с отцом Александром. «Встретившись с отцом Александром Менем, — вспоминает кардинал, — с первых мгновений я почувствовал, будто знал его всегда как брата, как друга и понял, что отныне он мне станет близким навсегда. А между тем мы разговаривали всего лишь минут десять».

Говорили они по-английски, без переводчика. Французский архиерей сразу понял значимость отца Александра. «У меня создалось впечатление, что его жизнь больше чем моя насыщена Евангелием, которое мы проповедуем, и что она неминуемо является знаком возвещаемого Слова». Но такое служение возможно лишь при участии в тайне Креста. «Радость пасхальной недели, освещающая бедную паству, среди которой мы обменялись только несколькими фразами, была словно озарена сиянием тайны Креста». Когда они стали расставаться, кардинал сказал: «О, мы теперь уже встретимся только на небесах». Эти слова поразили отца Александра. Когда несколько лет позже спросили у кардинала, что он этим хотел сказать, тот пояснил: «Действительно, в отце Александре я увидел жизнь, принесенную в жертву, его самопожертвенную любовь ко Христу, в этом и была его отвага. Я не предсказал его смерти, я только сказал вслух то, что отец Александр уже узнал из слов Христа, обращенных к Петру: „Другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь“». ^[249] Как милость Божью рассматриваю я эту необычную, короткую встречу — она является предчувствием в настоящем времени уже присутствующей полноты времен, кои грядут».

В конце октября отец Александр провел несколько дней у своей дочери, она с недавних пор жила в Италии. В силу необычайного стечения обстоятельств, он оказался в Риме, где должен был принять участие в одной конференции, именно в день смерти малой сестры Иисуса — Магдалены. Он еще раз с ней встречался в июле, во время ее последнего приезда в Россию. Он радовался, что оказался как бы представителем своей Церкви и своей страны на ее похоронах, потому что пример малой сестры имеет значение для всех: ее жизнь — чудесный урок. «Не отвлеченный, а жизненный, практический. Урок подлинного христианского милосердия и служения людям».^[250]

В декабре 1989 г. смерть Сахарова погрузила страну в траур, огромные толпы людей пришли его провожать. В январе 1990 г. танки вошли в Баку, началось осадное положение. Затем — вновь рывок в сторону демократии, прошли внушительные демонстрации в Москве и других больших городах. В марте была изменена шестая статья советской Конституции о руководящей роли компартии. Прошли выборы в республиканские и местные советы. Среди новоизбранных депутатов появились новые люди, раньше не участвовавшие в политической жизни, и даже несколько священнослужителей.

Митрополит Ювеналий как-то спросил отца Александра, почему он, человек известный и популярный, не выставил своей кандидатуры в народные депутаты: «Владыка! — ответил он ему, — Когда нам

заниматься политикой? Сегодня мы имеем возможность день и ночь проповедовать Слово Божие, и я полностью отдал себя этому».^[251]

В июне Борис Ельцин демонстративно вышел из коммунистической партии, авторитет которой все падал. Однако, категория тоскующих о прошлом, наверное, думала о реванше — возможно, осеннем.

В мае скончался патриарх Пимен. Был созван Собор русской православной Церкви для избрания нового патриарха, и если он проводился не в тех принципах, что и Собор 1917–1918 годов, духу которого призывали следовать некоторые из числа мирян и духовенства, то, по крайней мере выборы шли при тайном голосовании, в отличие от предыдущих Соборов 1943, 1945 и 1971 годов. Избран был митрополит Ленинградский Алексей. В интервью, данном испанской журналистке за четыре дня до смерти, отец Александр, обрисовав в общих чертах, без всякой снисходительности, картину состояния православной Церкви, опять подчеркнул, что иной альтернативы нет, как оставаться в недрах Московской патриархии.^[252] Накануне смерти он говорил одной своей духовной дочери: «Никому не верьте, кто будет говорить, что наша Церковь не свята. О том, что Церкви конец, сокрушались еще в IV веке. Церковь жива не нами, грешными, а Господом нашим Иисусом Христом. А Он всегда здесь с нами в Своей Церкви. Здесь — продолжение воплощения Иисуса Христа в истории, здесь его Царство».^[253]

Весной и летом 1990 г. надежда общества на то, чтобы жить и действовать вне опеки партии и государства, возросла. То, что называлось «неформальным движением», подучило новый взлет. Создавались новые политические партии, разные благотворительные ассоциации, независимые журналы. Многие из этих проектов не осуществились, но они продолжали плодиться. Христиане также приняли участие в этом порыве.

Для отца Александра настал период напряженнейшей деятельности. С самого начала года он принимал участие вместе с другими православными, католиками и протестантами в создании Библейского общества. Позднее он взялся за основание Православного Университета с вечерней формой занятий. Также он создал общество «Культурное возрождение», преследующее одновременно и образовательную, и гуманитарную цели. Это общество устраивало

конференции, разные встречи. Группа прихожан из Новой Деревни взяла на себя опеку над тяжелобольными детьми в Детской Республиканской клинической больнице в Москве. Сам отец Александр бывал в этой больнице, беседовал с детьми, утешал родителей.

В Новой Деревне, где он, наконец, был назначен настоятелем, он приступил к строительству здания, которое согласно его оригинальному плану, должно было одновременно служить и крестильней, и залом для разных приходских дел. Ему не было дано осуществить этот проект. И, наконец, для обучения катехизису деревенских детей, он открыл «воскресную школу». Торжественное начало учебного года состоялось ровно за неделю до того дня, как его убили.

Выступление в Олимпийском комплексе. Пасха 1990 г.

По случаю Пасхи 1990 года баптисты собрались в огромном олимпийском стадионе столицы. Для православных подобная форма евангелизации была совершенно непривычной, и Патриархия, когда ей предложили подобное, уклонилась.^[254] Но отец Александр вызов принял. Он предстал перед множеством людей в белой рясе и говорил о Тайной Вечере Христа и о последней беседе с апостолами накануне Его страстей.

Одна журналистка даже провела с ним целую серию религиозных передач для детей. Ей понадобилось немало упорства, чтобы это осуществить на русском радио. Он принял участие в нескольких телевизионных передачах, а незадолго до гибели ему предложили вести еженедельные передачи по одному из каналов. Записать успели только четыре, их должны были пускать в начале учебного года. А после его смерти обнаружили, что ленты размагничены... Нужно ли думать, что это техническая ошибка? Легко вообразить состояние духа

когорты агентов КГБ, годами надзиравшей за ним, провоцировавшей его, пытавшейся его нейтрализовать, а теперь они видят, как он выступает перед аудиториями все более и более многочисленными. Не хватало только регулярных, еженедельных выступлений по телевизору! Поистине, чаша переполнилась — могли они сказать себе...

В мае отец Александр снова за границей — в Германии, куда его пригласили для участия в нескольких конгрессах. Оттуда он ненадолго заехал в Брюссель, чтобы впервые лично встретиться с Ириной Посновой и отцом Антонием Ильцем. Это благодаря им были изданы его книги.

Некоторые из друзей и духовных детей отца Александра считали, что он чересчур много взял на себя, и боялись, как бы он не исчерпал свои физические силы, как бы этот вихрь не увлек его и не истощил его талант. Очень может быть, что подсознательно они несколько ревновали, он стал не так доступен. Но он-то почувствовал, наконец, возможность отдавать себя в полную меру своих сил.

«Не так просто, — писал он одному другу — понять того, кто десятилетиями был посажен на короткую цепь (я не ропщу — и на этой цепи Бог давал возможность что-то сделать)».

«Я всегда таким образом систематически общался с людьми. Изменилось лишь количественное соотношение. Было человек тридцать, а теперь триста и более. Но суть одна. Цели одни. Формы — тоже... Я и не готовлюсь специально, а говорю то, что Бог на душу положит. И, конечно, людям я не могу открывать сразу все, что хочу. Нужны этапы. Но таблица умножения не упраздняет высшей математики. Всему свой час и свой черед. На публике же я, повторяю, не чаще, чем в годы застоя, лишь число слушателей больше».

«Я ведь работаю, как и работал, при большом противном ветре. Это не так удобно, как порой кажется. А сейчас он (особенно со стороны черносотенцев) явно крепчает. Приходится стоять прочно, расставив ноги, чтобы не сдуло. Словом, не тревожусь за меня... Я только инструмент, который нужен Ему пока. А там что Бог даст».^[255] Казалось, им владела мысль, что ему предоставлена незаменимая возможность передать людям Евангельское Слово, что его время сочтено, и что он не должен терять ни минуты.

«А теперь, подобно сеятелю из притчи, я получил уникальную возможность разбрасывать семена. Да, большая часть из них упадет на каменистую почву, всходов не будет... Но если после моего выступления пробудится хоть несколько человек, пусть даже один, разве это мало? Знаете, такое ощущение, что вскоре все кончится, по крайней мере для меня...»^[256]

В последний раз я встретился с отцом Александром в июле 1990 года. Он принимал меня в своем маленьком кабинете и уходил первым — время, как всегда, поджимало. Попрощавшись, он направился к дверям, дважды возвращался, наконец пошел, но в дверях остановился, обернулся, и его лицо озарилось блеском глаз и улыбкой — одновременно доброй и лукавой, он сделал рукой знак победы V и ушел.

Только после его смерти я понял, что это был знак надежды, который надо передать другим. Знак пасхальной победы.

Кстати, именно об этой победе говорил отец Александр за несколько часов перед убийством: «Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир».

Послесловие

Послесловие ко 1-му изданию (1995)

Новая, а по сути дела первая книга об отце Александре Мене (ибо все, что было написано раньше, это записки о встречах, рассказы о его месте в жизни мемуаристов, отдельные записи и т. п.) написана не русским, а французом и, главное, для французов. Может быть, именно поэтому автор, писавший для людей, не знакомых с тем историческим контекстом, в котором прошла жизнь отца Александра, сумел нарисовать здесь портрет отца протоиерея не просто, а на фоне русской (советской) истории последних 80-ти лет. И это очень важно, ибо практически все без исключения отечественные авторы, когда пишут об отце Александре Мене, стремясь говорить о нем и только о нем, помещают его в какой-то вакуум. Нам, для которых 60-е годы не история, быть может, и не надо рассказывать о брежневской эпохе со всеми ее «прелестями» (с бесконечными вызовами на беседы то в КГБ, то в райвоенкомат, слежкой, ночными телефонными звонками и с другими формами психологического террора), но для тех, кто родился в 70-е годы, это необходимо. Это нужно и для тех, кто родился раньше, но жил тогда не задумываясь о Боге, о вере, о Церкви, и не видел того, что творилось вокруг. Это нужно — и это делает Ив Аман. Он настоящий ученый, об этом говорит каждая страница его книги, но это не просто труд, написанный в кабинете университетского профессора, это личное свидетельство человека, бывшего участником тех событий, о которых рассказывается в его книге. Ив Аман работал несколько лет в Москве, был блестяще знаком со всеми особенностями советской жизни, через него осуществлялась связь отца Александра и многих других с внешним миром, он привозил сюда книги, увозил рукописи, был одним из тех, кто приближал своим самоотверженным трудом падение атеистической эры. Я бы не стал упоминать об этом, если бы автор хотя бы что-то рассказал о себе сам. Но таково особое смирение этого человека, скрывшего свое участие в жизни отца Александра за академическим стилем изложения, что считаю просто необходимым рассказать о его месте в жизни и трудах православных христиан России.

Священник Георгий Чистяков

Послесловие ко 2-му изданию (2000)

Ив Аман начал писать свою книгу сразу после смерти о. Александра Меня. С тех пор прошло почти десять лет и, как это ни странно, книга эта, уже переведенная на русский, итальянский, английский и немецкий языки, ни коим образом не устарела, хотя за эти годы появилось множество публикаций: прежде всего неизданных текстов самого о. Александра, но и мемуарных. Можно назвать еще только одну книгу, которая посвящена от начала до конца о. Александру, его богословским и философским взглядам и жизненному пути. Это блестящий труд епископа Таддеуша Пикуса, несколько лет работавшего и служившего в Москве, недавно вышедший в свет в Варшаве на польском языке.

В чем, собственно говоря, заключается проблема? В течение этих лет, особенно за первые годы после его смерти, об о. Александре его прихожанами и учениками было написано очень много текстов мемуарного характера. Прекрасные записки опубликовали Вл. Файнберг, Александр Зорин, Андрей Еремин, Зоя Масленикова и другие. Вышло в свет и несколько памфлетов, авторы которых (в большинстве случаев под псевдонимами) ставят своей целью «развенчание» о. Александра; при этом за исключением Ива Амана и монсиньора Т. Пикуса не была сделана хотя бы попытка осмыслить служение о. А. Меня в целом. Как приходского священника (пастыря и врача человеческих душ), ученого-библеиста, проповедника, обращавшего свое слово к неверующим и ищущим, наконец, борца с режимом, который противостоял советской власти и коммунистической идеологии, но не в политическом, а в мировоззренческом и, более, экзистенциальном плане.

Говорят, что о. Александр не был «антисоветчиком». В том смысле, что он никогда не выступал с заявлениями политического характера. Это действительно так, однако для режима он был намного страшнее, чем подавляющее большинство его самых смелых современников, ибо был, используя выражение митрополита Антония Сурожского, не против советской власти, но выше ее. Всем своим служением он воспитывал свободных людей, людей, просто-напросто

отторгавших те схемы, по которым им предлагалось мыслить и начинавших видеть мир не в свете той или иной схемы, но в свете Христовом, который просвещает всех. Отец Александр обладал удивительной особенностью освобождать сердце, душу и сознание человека от любого рабства, не вливать новое вино в старые мехи, вкладывая новое содержание в старые формы, как это нередко бывает, а выводить каждого к абсолютно новым горизонтам.

Скорее всего это происходило по той причине, что в основе его религиозности лежало не просто чувство Бога и благоговение перед Ним, но Писание — Слово Божие, живое и действенное, то, что острее всякого меча обоюдоострого. В этом смысле он был похож на древнего пророка, прежде всего, на Исайю, который никого ничему не учил, но зато доносил до сердец именно то, что говорит Бог или «глаголет Адонаи Господь», как говорится по-славянски в том фрагменте из Иезекииля, что читается на утрени Великой Субботы (не случайно он так любил сам читать эту паримию, хотя, согласно порядку богослужения обычно ее читает не священник, а чтец или псаломщик).

Ив Аман писал свою книгу не для российского читателя, а для французов, поэтому он рассказывает в ней о каких-то вещах, которые нам 10 лет тому назад казались очевидными и общеизвестными. К чему это привело? Теперь в совершенно другую эпоху оказалось, что эта информация просто необходима не только для иностранца, но и для читателя в России, особенно для людей, принадлежащих к новым поколениям и для тех, кто в советскую эпоху не был вовлечен в круг проблем, связанных с верой в Бога. Книга Ива Амана оказалась востребованной у нас более, чем это было, когда она вышла в свет по-русски в первый раз.

Остается только понять, почему французскому писателю удалось то, что не сумел сделать никто из нас. Думаю, прежде всего, по той причине, что он, хотя и близко знал о. Александра и не случайно считает себя его учеником и духовным сыном, однако все же смотрел на его «труды и дни» глазами человека с Запада, пусть не совсем, но все же со стороны, и поэтому видел то, что не мог увидеть никто из нас. Ив — человек в высшей степени скромный и смиренный. О своих личных отношениях с о. Александром Менем он не говорит нигде, и поэтому заметить, до какой степени в этой книге много личного и

нигде более не сказанного, сможет только самый внимательный и искушенный читатель.

Однако, именно так, подобно книге о. Софрония (Сахарова) о старце Силуане и это — рассказ, написанный учеником об учителе, своего рода «Воспоминания о Сократе», но только не те, что оставил Ксенофонт, а такие, какие мог бы написать Платон, если бы ему хватило смирения не вкладывать в уста Сократу свои собственные мысли. Не сказать об этом я просто не мог.

Отец Александр относился к числу людей, которые не боятся. Он не боялся ходить в больницы к тяжело больным и умирающим, хотя это было запрещено строжайшим образом, не боялся проповедовать и, более того, говорить о вере с детьми, практически открыто нарушая советские законодательство. Не боялся языка своей эпохи и в отличие от практически всех своих собратьев умел (подобно апостолу Павлу) говорить с «язычниками» о Христе на языке этих язычников. Не боялся синтезировать опыт своих предшественников, очень разных и порою взаимоисключающих друг друга, и это у него получалось удивительно хорошо, ибо делал он это не на уровне человека, но на уровне любви Божьей. Не боялся нового.

На Руси христианин зачастую обращен почти исключительно в прошлое. В прошлом мы ищем не только образцы подлинного православия и святости, но и ответы на те вопросы, которые мучают нас сегодня. Поэтому нередко мы пытаемся сделать так, чтобы жизнь и сегодня была такой, какою была она столетия назад. Отцу Александру такой подход был чужд. Глубоко укорененный в традиции, знавший православие не по книгам, но выросший в катакомбах предвоенного времени, он весь был обращен в будущее. В его руках Библия становилась компасом, который верно указывает пути в грядущее. И именно в этом заключается его подвиг.

Священник Георгий Чистяков Москва, май 2000 г.

---

notes

Примечания

Александр Минкин. Не рыдайте обо мне. — Огонек № 39, 1990.

Земщина № 13, май 1991.

Татьяна Глинка. Цветы у дороги. — Московская правда.
11.11.1990.

4

Мф. 27,43.

А. Мень. Дорожите временем. В кн.: А. Мень. Свет во тьме светит. Москва 1991, с.197.

Владимир Леви об Александре Мене: Приходило живое счастье. — Столица № 31–32, 1990.

Владимир Леви. См. там же.

Зоя Масленникова. Феномен отца Александра Меня.
Перспективы, № 4, с. 55.

Андрей Бессмертный, Владимир Ойвин. Он был голосом истины в наше время. — Протестант. Октябрь, 1990.

Л. И. Василенко. Культура, церковное служение и святость. В кн.: *Aequinox*. Сборник памяти о. Александра Меня. — Москва, 1991, с. 174.

В районе Арбата, напротив церкви Св. Симеона Столпника, сегодня проспект Калинина.

Андре Жид. Возвращение из СССР. — Издательство политической литературы. — Москва, 1990, с. 64.

Андре Жид. См. там же, с. 99.

Иван Кологривов. Очерки по русской святости. — Издательство Жизнь с Богом. — Брюссель, 1961, с. 380.

В миру Василий Белавин (1865–1925).

К. Маркс. Критика гегелевской философии права (1844).

Письма Ленина к Горькому, соответственно от ноября и декабря
1913 г.

См.: Н. Бухарин и Е. Преображенский. Азбука коммунизма.

Секретное письмо Ленина Молотову для членов Политбюро ЦКРКП(б) от 19 марта 1922 г. В России этот текст был опубликован впервые только в 1990 г. См.: Известия. ЦК КПСС М.: 1990, № 4, с. 190–195.

В миру Иван Страгородский (1867–1944).

Елена Семеновна Цуперфейн.

Вера Яковлевна Василевская.

Елена Семеновна Мень. Мой путь. В кн.: И было утро... — Воспоминания об отце Александре Мене. — Vita-центр, Москва 1992, с.15.

Вера Василевская. Воспоминания. Фрагменты из книги «Катакомбы XX века». В кн.: И было утро... Там же, с. 67. Другие отрывки из воспоминаний Веры Василевской также были опубликованы под названием «Два портрета» в журнале Вестник РХД № 142. — Париж, 1978, с. 269–298 и в сборнике Память.: Исторический сборник, вып. 2, YMCA-Press. — Париж, 1979, с. 481–512.

В 1953 г. улица Маросейка была переименована в улицу Богдана Хмельницкого.

Церковь была разрушена в начале тридцатых годов.

В миру Сергей Батюков (1880–1942).

В миру Сергей Сахаров (1887–1962). О жизни Владыки Афанасия. См.: Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова. — Вестник РСХД, № 107. 1973 г., с. 195 -17.

Марина Вехова. Всеисцеляющее слово. В кн.: Памяти протоирея Александра Меня. — Москва, 1991 г., с. 189.

Два портрета. В кн.: Память. — Исторический сборник. — Ук. соч., с. 489.

См. примеч. 22.

Прот. А. Мень. Письмо к Е. Н. В кн.: Аequinox. — Ук. соч., с. 184.

В миру Иван Бочаров (1880–1959).

Священник Петр Шипков (1881–1959).

Кажется, ее имя Ксения Гришанова.

Мф. 26, 31.

Расположена на ул. Кустарная, 28.

Прот. А. Мень. Письмо к Е. Н. — Ук. соч., с. 184, 185.

В миру Сергей Симанский (1877–1970).

Так называемая «двадцатка».

Епископ Афанасий Ковровский. Можно ли посещать храмы Московской Патриархии? — Вестник РСХД, № 106.1972, с. 92–97.

Два портрета. — Ук. соч., с. 503.

Там же.

Это имя не надо путать с именем тети отца Александра.

А. Зорин. Ангел чернорабочий. — Независимая газета, 10.09.91.

Большая Серпуховская уд., 38.

М. Вехова. — Ук. соч., с. 190.

Напротив Плехановского экономического института, Стремянный переулок.

Моя первая теология.

Для пантеистов Бог совмещается с природой.

3. Масленникова. — Ук. соч. с. 46.

Александр Белавин. Священник Александр Мень. В кн.: Памяти протоирея Александра Менья. Ук. соч., с. 29.

Интервью, с Ириной Быстровой. — Московский комсомолец, 24.05.89.

Л. И. Василенко. — Ук. соч., с. 166.

Прот. А. Мень. Письмо к Е. Н. — Ук. соч., с. 185.

Николай Бердяев (1874–1948), Сергей Булгаков (1871–1944),
Николай Лосский (1870–1950), Семен Франк (1877–1950).

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860).

Неизданная автобиография, присланная автору в 1984 г.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900).

Ф. Руло. Предисловие к книге: Владимир Соловьев. София и другие французские тексты: L' Age d' homme. — Лозанна 1978, с. X. (на французском языке).

Л. И. Василенко. — Ук. соч., с. 171.

Там же, с. 170.

Ангел чернорабочий. — Независимая газета, 10.09.91.

Интервью с И. Быстровой. — Московский комсомолец, 24.05.89.

Прот. А. Мень. Письмо к Е. Н. — Ук. соч., с. 185.

В Краснопресненском районе. Малый Предтеченский переулок, 2.

В миру Кирилл Вахромеев. См.: Памяти протоирея Александра Меня. — Ук. соч. с. 264.

3. Масленникова. — Ук. соч., с. 48.

Автобиография. — Ук. соч.

Отец Николай Голубцов (1900–1963) служил в храме Ризоположения на Донской улице.

Прот. А. Мень. Письмо к Е. Н. — Ук. соч., с. 185–186.

Владыка Палладий, в миру Павел Шерстенников, (1895–1976).

А. Э. Левитин-Краснов. В поисках нового Града. — Тель-Авив, с. 225–226.

Надежда Мандельштам. Воспоминания. — Издательство имени Чехова: Нью-Йорк, 1970, с. 351.

А. Солженицын. Раковый корпус, глава 31.

Два портрета. В кн.: Память: Исторический сборник. — Ук. соч., с. 504–508.

Русская мысль. — Париж, 20.05. 1988.

О подробностях этого антирелигиозного наступления см.: Н. Струве. Христиане в СССР. - 1964 г., с. 255 Sq. (на французском языке).

Из отчета совета по делам религии — членам КПСС (за подписью В. Фурова). — Вестник РХД, 1980, № 13, с. 363.

В миру Борис Ярушевич (1892–1961).

А. Э. Левитин-Краснов. — Ук. соч., 132–146.

В миру Алексей Голубев (1896–1978).

Вестник РХД, № 116, 1975, с. 228.

Анатолий Левитин (1915–1991), в Самиздате писал под псевдонимом Краснов.

Священник Сергей Желудков (1909–1984).

Андрей Синявский, теперь живет во Франции, публикуется то под своим именем, то под псевдонимом Абрам Терц.

Светлана Аллилуева. Только за один год. — Harper and Row.: New York, 1970, с.258.

Владыка Макарий, тогда был архиепископом Можайским, в миру Сергей Деев (1888–1960).

В церкви Покрова Божьей Матери, в селе Акулово на юго-западе от Москвы по Белорусской железной дороге, в нескольких километрах от аэропорта Внуково.

Владыка Стефан, в миру Сергей Никитин (1895–1963). До того, как стал монахом, был врачом. Связан с Мечевской общиной.

На юго-западе от Москвы, в пятидесяти километрах от центра, по Киевской железной дороге, не доезжая до Наро-Фоминска. Тоже церковь Покрова Божьей Матери.

А. Сухих, И. Бондаренко. Современное православие и двойственная истина. — Наука и религия, 1964, № 3, с. 14.

Священник Сергей Хохлов.

Алексей Трушин.

В селе Черкизово.

См.: А. Э. Левитин-Краснов. — Ук. соч. с. 221–227, 233–237, 230.

Тогда епископ Калужский.

Н. Струве. — Ук. соч., с. 266.

См.: журнал «Грани». — Франкфурт, 1966, № 61, с. 122–189.

А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. YMCA Press: Париж, 1975, с.168.

О письме Якунина и Эшлимана см.: Аркадьев. — Несколько слов о деде двух московских священников. — Вестник РСХД, 1970, № 95–96, с. 99–106. Вполне возможно, что эта статья была написана отцом Александром, чтобы защитить отцов Г. Якунина и Эшлимана. В ту пору надеялись, что Собор, на котором должен был быть избран преемник Патриарха Алексия I, умершего в 1970 г., отменит санкцию покойного.

100. ИИ. 4, 35; Мф. 9, 37.

Н. Струве. Советский человек, пятьдесят лет спустя. —
Commentaire, лето 1981 г., № 14, с. 233 (на французском языке).

Джодж Оруэлл. 1984 год, глава 3.

По этому поводу см.: Татьяна Горичева. Мы, обращенные Советского Союза. — *Nouvelle Cite*, 1983, с. 119–121 (на французском языке).

Для облегчения процедуры в Уголовный кодекс (который при Хрущеве стал чуть либеральнее) была введена новая статья. Она позволяла приговаривать от года до трех лет ГУЛАГа «за систематическое распространение» в устной или письменной форме «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. Ук. соч., с. 295.

См. там же, с. 395.

С. Адашев. Побелевшие нивы. Неизданная рукопись.

Вестник РСХД, 1970, № 95–96, с. 80.

Комсомольская правда, 16.10–79.

С. Адашев. — Ук. соч.

Иеромонах Иннокентий (С. Н. Павлов). «О современном состоянии русской православной Церкви», Социологические исследования. 1987, № 4, с. 39–40.

Владимир Зелинский. Приходящие в Церковь. — La Presse libre: Париж, 1982, с. 29.

А. Э. Левитин-Краснов. «О положении Русской Православной Церкви», Вестник РСХД. 1970, № 95–96, с. 81.

Т. Горичева. — Ук. соч., с. 25.

Священник Георгий Эдельштейн. Из записок советского священника. В кн.: На пути к свободе совести. — Прогресс: Москва, 1989, с. 241–241.

Жак Лёв. Счастье быть человеком. — Centurion, 1988, с. 290–291
(на французском языке).

См.: А. Э. Левитин-Краснов. В поисках нового Града. — Ук. соч., с. 237–238.

Отец Владимир Смирнов (1903–1981).

Ольга Николаевна Вышеславцева.

А. Э. Левитин-Краснов. В поисках нового Града. — Ук. соч., с. 195.

123

Отец Адипий, умер в 1975 г.

В миру Тихон Батозский (1898–1978).

Выступление Сандра Риги во время конференции в Риге в мае 1989 г. См.: Призыв (Самиздатский философский журнал). 1989, № 31, с. 35.

Г. Ф. Гольц. Религия и закон: Москва, 1975, с. 16.

После смерти Патриарха Алексия I Поместный Собор Русской Православной Церкви собрался в Загорске в 1971 г. и избрал на патриаршество Владыку Пимена (в миру Сергей Извеков, 1910–1990).

Юрисдикция митрополита Крутицкого и Коломенского распространяется на всю Московскую область, за исключением города Москвы, которая подчинена непосредственно Патриарху.

Т. Глинка. — Ук. соч.

Владимир Леви. — Ук. соч.

Андрей Еремин. Ты не узнал времени посещения твоего. В кн.: Памяти протоирея Александра Меня. — Ук. соч., с. 60.

Л. И. Василенко. — Ук. соч., с. 53.

Андрей Еремин. Ты не узнал времени посещения твоего. — Ук. соч. с. 53.

О «малых группах» см., например: Жак Лёв. Вы будете моими учениками. — Fayard-Mame, с. 157–159 (на французском языке).

В. Файнберг. Отец Александр, Александр Владимирович, Саша. В кн.: Памяти протоирея Александра Меня. — Ук. соч., с.214.

Мк. 16, 16.

Прот. А. Мень. Таинство, слово и образ. — Жизнь с Богом: Брюссель, 1980, с. 165–166.

См. там же, с. 203.

В. Файнберг. — Ук. соч., с. 216–217.

М. Вехова. — Ук. соч., с. 187–188.

А. Белавин. — Ук. соч., с. 31.

Андрей Еремин. — Ук. соч., с. 49 и 51.

Осия: 6,6, Мк.: 9, 13 и 12, 27.

Прот. А. Мень. Таинство, слово и образ. — Ук. соч., с. 203.

См. там же, с. 204.

Владимир Леви. — Ук. соч.

См. там же.

А. Мень. Дорожите временем. — Ук. соч., с. 198.

В. Зелинский. Слова прощания, Русская мысль: Париж. 14.09.90.

См.: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. Пятое дополнение. Невидимки. — Новый мир, 1991, № 12, с. 47.

См. с. 68, примечание 72.

Владимир Леви. — Ук. соч.

Александр Мень. Христианство. Лекция. В кн.: Александр Мень. Культура и духовное восхождение. Искусство: Москва, 1992, с. 26.

О. Степурко. Ты — живой. В кн.: Памяти протоиерея Александра Меня. — Ук. соч., с. 168.

3. Масленникова. «К истории книги О. Александра Меня „Сын Человеческий“». В кн.: Аequinox — Ук. соч., с. 178.

Александр Мень. Христианство. Лекция. — Ук. соч., с. 19.

См. там же, с. 18.

Владимир Соловьев. Развитие догматической Церкви. В кн.: Владимир Соловьев. О христианском единстве. — Жизнь с Богом: Брюссель, 1967, с. 122.

Александр Мень. Христианство. Лекция. — Ук. соч., с. 21.

Почему мне трудно поверить в Бога?: Отец Александр отвечает на наши вопросы. — Россия, 16–17.09.91.

1 ИИ. 2, 15.

Ил. 3, 16.

Протоиерей Александр Мень. На пороге Нового Завета. — Слово: Москва, 1992, с. 486.

Это письмо цитируется в статье: 3. Масленникова. Феномен отца Александра. — Ук. соч., с.197.

А. Мень. Дорожите временем. — Ук. соч., с. 197.

Почему мне трудно поверить в Бога? — Ук. соч.

Речь идет об одном представителе целого теологического течения, истоки его лежат в протестантизме. Он перед лицом секуляризации современного общества в мире, который отныне предстал без Бога, попытался заново интерпретировать основные христианские догмы. Так, для англиканского епископа Джона Робинсона люди не в состоянии думать о Боге, как о личности «совершенно отличной от человека»: слово «Бог» для него значит «предельная глубина нашего существа», тогда как Иисус Христос является «человеком для других».

Джон А. Т. Робинсон (1919–1983) изложил свою концепцию в книге, вышедшей в 1963 г. под названием *Honest to God*, она стала бестселлером, вокруг нее было много шума. Затем, как и другие теоретики секуляризированного богословия, он пересмотрел свои прежние позиции и в области толкования Нового Завета, где он был специалистом, и высказался за установление более ранних дат, чем те, которых придерживается большая часть современных экзегетов.

Интервью на случай ареста. — Вестник РХД. 1990, Ns 159, с. 304.

Протоиерей Александр Мень. На пороге Нового Завета. — Ук. соч., с. 669.

Интервью на случай ареста. — Ук. соч. с. 303.

Александр Мень. Основные черты христианского мировоззрения. — В кн.: Александр Мень. Культура и духовное восхождение. — Ук. соч., с. 27.

Разговор с автором.

Автобиография. Ук. соч.

Интервью на случай ареста. — Ук. соч., с.305.

Александр Мень. Основные черты христианского мировоззрения. — Ук. соч., с. 28.

Прот. А. Мень. Прислушаться к бытию. — За инженерные кадры,
13.02.90 г.

Последнее интервью о. Александра Меня. — Панорама, № 13
декабрь 1990.

Там же.

Прот. А. Мень. Евреи и христианство. — Вестник РХД, 1976, № 117, с. 115.

Последнее интервью о. Александра Меня. — Ук. соч.

Интервью на случай ареста. — Ук. соч., с. 305.

Прот. А. Мень. Евреи и христианство. — Ук. соч., с.114.

Там же, с. 115.

Там же, с. 117.

Лк. 19, 44.

Интервью на случай ареста. — Ук. соч., с. 305.

Кол. 1,28.

Интервью на случай ареста. — Ук. соч., с. 300.

Владимир Леви. — Ук. соч.

Интервью на случай ареста. — Ук. соч., с. 300.

Прот. А. Мень. «Письмо к Е. Н.». — Ук. соч., с. 189.

Священник Валентин Роменский.

Например, такие специалисты по антирелигиозной борьбе, как Белов и Шилкин, возмущались тем, что издательство «Жизнь с Богом» оказывает «духовное влияние на умы миллионов людей». См.: Религия в современной идеологической борьбе: Москва, 1971.

Письмо автору.

А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. Пятое дополнение.
Невидимки. Ук. соч., с. 217–221.

Книга переиздана в 1980 г. в новой версии уже под именем отца Александра, под новым названием: «Таинство, слово и образ».

Протоиерей Александр Мень. На пороге Нового Завета. — Ук. соч., с. 483.

Э. Светлов. Истоки религии. — Жизнь с Богом: Брюссель, 1970.

Протоиерей Александр Мень. Истоки религии. — Слово: Москва, 1991, с. 24.

Э. Светлов. Магизм и единобожие: Брюссель, 1971.

Протоиерей Александр Мень. На пороге Нового Завета — Ук.
соч., с. 11.

Э. Светлов. У врат молчания. — Жизнь с Богом: Брюссель, 1971.

Э. Светлов. Дионис, Логос, Судьба. Жизнь с Богом: Брюссель, 1972.

Э. Светлов. Вестник Царства Божия. — Жизнь с Богом: Брюссель, 1972.

Э. Светлов. На пороге Нового Завета. — Жизнь с Богом: Брюссель, 1983. Шеститомник отца Александра по истории религии вышел в России в 1991–1993 в издательстве «Слово», конечно, под настоящим именем автора.

Там же, с. 12–13.

Гал. 4,4.

Прот. А. Мень. Как читать Библию. — Жизнь с Богом: Брюссель, 1981.

Письмо автору.

А. Павлов. Откуда явилось все это? Неаполь, 1972.

Например, он некоторое время пользовался разными альбомами, приготовленными отцом Жаком Левом, случайно им обнаруженными задолго до знакомства с их автором.

Владелец фотолаборатории, Жак Руссо.

Т. Глинка — Ук. соч.

Интервью с Ириной Быстровой — Московский комсомолец,
24.05.89.

Письмо автору, 1980.

Интервью на случай ареста. — Ук. соч. с. 303.

Вестник РХД. 1976, № 117, с. 112–117.

Последнее интервью о. Александра Меня — Ук. соч.

М. Вехова. — Ук. соч., с.192.

С. Аверинцев. Вместо некролога. — В кн.: Памяти протоиерея Александра Меня. — Ук. соч., с. 38.

Владимир Леви. — Ук. соч.

О. Степурко. Ук. соч., с. 166.

Владимир Леви. — Ук. соч.

Письмо автору.

М. Поповский. За что травят отца Александра Меня. — Orthodox almanac Put. Февраль, 1984.

Письмо автору.

Интервью с Ириной Быстровой. — Московский комсомолец,
24.05.89.

Отец Иоанн Мейендорф (1929–1992).

См. Труд 10 и 11. 04. 1986.

В миру Владимир Поярков. Родился в 1935 г. Владыка Ювеналий — митрополит Крутицкий и Коломенский с 1977 г. 228. Сокращенная запись доклада председателя Совета по делам религий К.М.Харчева на встрече с преподавателями Высшей партийной школы. — Русская мысль, 20.05. 1988.

Сокращенная запись доклада председателя Совета по делам религий К. М. Харчева на встрече с преподавателями Высшей партийной школы. — Русская мысль, 20.05.1988.

К. М. Харчев. Гарантии свободы. — Наука и религия., 1987, № 11, с. 22.

Сокращенная запись... — Ук. соч., с.642.

Прот. А. Мень. О русской православной библеистике. — Богословские труды. 1987, № 28, с. 272–289.

Прот. Генрих Папроцки. Тайна смерти отца Александра. В кн.: Памяти протоирея Александра Меня. — Ук. соч., с.105.

А. Белавин. — Ук. соч., с. 33.

См.: Книжное обозрение, 02.09.1988.

Известия, 21.10.1988.

Т. Глинка. Ук. соч.

В. Файнберг. — Ук. соч., с. 231.

А. Еремин. Побеждай зло добром. — Знамя. 1991, № 9, с. 181.

Там же.

А. Белавин. — Ук. соч., с.38.

А. Еремин. Побеждай зло добром. — Указ. соч., с. 181.

В. Файнберг. — Ук. соч., с. 250.

Последнее интервью о. Александра Меня. — Ук. соч.

Проповедь, 15.07.1990.

ИН 21, 18.

Прот. А. Мень. По заветам милосердия — Московский комсомолец, 10.06.1990.

Слово, произнесенное перед отпеванием протоирея Александра Меня. В кн.: Памяти протоирея Александра Меня. — Ук. соч., с.21.

Последнее интервью о. Александра Меня. — Панорама, декабрь 1990 г., № 14.

Наталья Большакова. Последний день. Христианос: Рига, 1991, 1.
с. 16.

См.: Выступление Сергея Гусева в советской телевизионной передаче по случаю сорокового дня со дня смерти отца Александра.

Владимир Леви — Ук. соч.

В. Файнберг. — Ук. соч., с. 250.